

ВИКТОР НОВОСЕЛОВ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

16+

Виктор Новоселов

Действительность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64874866

SelfPub; 2021

Аннотация

Да, все мы живем на одной планете, но действительность для каждого из нас своя, ведь мы смотрим на один и тот же мир разными глазами. Чью-то волю действительность не в силах подломить, как бы жестока она не была. А кто-то собственными руками разрушает свою жизнь, не в силах понять свою ошибку. Истории, представленные в данном сборнике, описывают действительность с самой неприглядной стороны, но эта сторона существует и от нее нельзя отречься. И я очень надеюсь, что эта книга поможет вам взглянуть на вашу собственную жизнь по-новому. Рассказы в подборке напрямую не связаны между собой, но сам порядок рассказов в этом сборнике не случаен. Попробуйте отыскать и сформулировать главную мысль произведения, что спрятана за всеми этими историями.

Содержание

Лера	4
Странные обстоятельства	13
На разных берегах	25
Шесть сцен из чьей-то жизни	50
Дурные мысли	122

Виктор Новоселов

Действительность

Лера

Здравствуйте, меня зовут Лера. Полгода назад я родилась в семье Демидовых, что живут в маленьком городке на севере Калужской области. Всей семьей мы ютимся в небольшом собственном доме, при котором у нас разбит сад, где высажены самые разные плодовые деревья. Вообще, на этих деревьях должны расти вкусные фрукты и ягоды, но, к сожалению, сейчас зима, и на деревьях совсем ничего нет.

Откуда же я знаю, что они там будут? Так об этом мне часто рассказывает мама, когда мы с ней прогуливаемся по нашему саду. Еще она говорит, что когда я родилась, как раз стояла теплая пора, и она собирала урожай, чтобы потом закрыть варенье в баночки. Я еще не знаю что такое варенье, но мама говорит, что это такая каша из плодов, что позволяет сохранить вкус фруктов и ягод на всю долгую зиму. Мама как бы крадет кусочек лета и прячет его в баночку, чтобы, пока на улице стоит трескучий мороз, можно было взять ее и вспомнить о теплом лете.

Эх, как жаль, что я совсем не помню лето. Интересно, ка-

кое же оно на самом деле? Жду не дождусь, когда сама смогу увидеть листочки на деревьях и зеленую травку. Ведь я столько о них слышала, что теперь мне уже не терпится с ними познакомиться.

Мама говорит, что к тому времени я уже научусь ходить сама и даже смогу выходить гулять во двор. Но мне кажется, что мама меня немного обманывает. Ведь совсем недавно мне надоело сидеть одной в комнате, и я решила доползти до кухни, чтобы проверить как там дела у моей мамочки. Не знаю почему, но все так обрадовались, будто бы я сумела залезть на самую высокую гору в мире. Хотя, на самом деле, я еще не очень понимаю, что такое горы, знаю только что они очень высокие.

Так вот, в тот день я так сильно устала, что уснула, едва мы с мамой вышли на вечернюю прогулку. А представляете, сколько сил надо для того, чтобы самостоятельно ходить? У меня их точно столько нет! Я устану еще до того, как выйду в сад и это будет очень обидно.

Но я не унываю, ведь есть тот, кто всегда мне поможет. Это Данька – мой братик. Ему уже целых четыре годика, он у меня уже совсем взрослый и самостоятельный. И больше всего мне в нем нравится то, что он очень любит со мной играть. Особенно ему нравится катать меня по дому на большой игрушечной машине, которую он возит за собой на веревочке.

Кстати, еще мой Данька очень умный, недавно он пока-

зывает мне, как умеет ручкой писать буквы на листочке. Конечно, у него еще не получается писать так же красиво, как мама и папа, но я все равно им очень горжусь.

А когда я ползу куда-нибудь по своим делам, он всегда пристраивается рядом и ползет вместе со мной. Вы представляете?! Он ведь уже умеет ходить, но ради меня готов снова начать ползать. А когда у меня кончаются силы, то он всегда поднимает меня на руки и несет туда, куда я собиралась. Правда, он не может это делать так же ловко, как мама, и частенько мы оба падаем на пол, но так даже веселее.

Моя мама – самая лучшая! Она всегда дома, всегда рядом с нами, что бы ни случилось. Она очень любит готовить и у нас в доме всегда очень вкусно пахнет самыми разными кушаньями. Правда, сама я еще не пробовала то, что она готовит, мне еще рано есть еду для взрослых, но мне очень нравится тот запах, что разносится по дому, когда мамочка занимается готовкой.

Вообще, моя мама не всегда была дома с нами. Когда-то давно она ходила на работу совсем как папа. Однажды, когда мы гуляли в саду, она рассказала мне, что раньше работала в той самой больнице, где я родилась. Она сказала, что лечила людей, у которых болят животики. Но потом родился Данька, и она решила, что важнее быть дома рядом с ним, чем лечить животики. Я с ней согласна, ведь мама у нас с Данькой одна, а чужие животики могут лечить и другие люди.

Например, мой папа тоже ходит на работу для того, что-

бы лечить животики. Как он сам говорит, он помогает тем, кому уже не может помочь моя мама. Как сам он объяснил мне, сначала людей с больными животиками лечит моя мама, а если у нее ничего не выходит, то их приходится лечить уже папе. Для этого папа проводит «операции». Я не знаю, что это такое. Знаю только что эти «операции» всегда разные и позволяют людям, которых не может вылечить моя мама, вновь стать здоровыми. Я не поняла, зачем тогда вообще нужна мама, которая может вылечить не всех, если есть папа, который может вылечить всех. Но я много чего еще не понимаю, хоть и очень стараюсь.

Но совсем недавно папа тоже перестал ходить на работу. Одновременно с этим он почему-то стал очень грустным и перестал с нами играть. Теперь каждое утро он вставал рано утром, одевался, брал старое охотничье ружье дедушки и куда-то уходил до самого вечера. Это называлось «охота». Я не знаю, что он там делал, но, видимо, он там очень уставал, потому что однажды папа пришел с «охоты» домой и лег спать прямо на полу около двери.

Я не знаю, чем теперь занимается мой папа, но мне это очень не нравится. Раньше он приходил с работы и с удовольствием с нами играл. От его рук сильно пахло кремом, а сам он хоть и выглядел уставшим, но всегда с удовольствием возился с нами до тех пор, пока мама не заставляла нас идти спать.

Теперь же он всегда был очень грустным и напрочь отка-

зывался с нами играть. От его рук больше не пахло кремом, но почему-то из его рта теперь часто пахло чем-то неприятным и резким. А недавно папа и вовсе стал меня пугать. Однажды вечером Данька, как всегда, взялся покатать меня на машинке по дому. Как раз в тот момент в дом зашел папа и Данька, не заметив его, со всего хода в него врезался. Папа очень разозлился и так сильно накричал на Даньку, что тот сильно напугался и убежал. И теперь, когда вечером папа приходил домой, Данька всегда прятался от него в шкафу в моей комнате.

Братик отказывался выходить из шкафа до тех пор, пока папа не засыпал в спальне, громко храпя на весь дом. Тогда к нам в комнату обычно приходила мама, вытаскивала Даньку из шкафа и усаживала его к себе на колени.

Недавно Данька спросил у мамы:

– Почему папа теперь такой злой?

– Понимаешь, папа недавно ошибся, когда чинил животик одной тетеньки и теперь он какое-то время не сможет ходить в больницу и чинить животики.

– А что стало с той тетенькой, которой папа неправильно починил животик?

Мама ненадолго замерла.

– С ней все в порядке, – ответила она. – Папин друг перечинил ей животик, и она выздоровела. Просто папа из-за этого так сильно переживает, что не может вернуться в больницу.

– Надо ему помочь, а то папин друг не сможет долго чинить животики один, – рассудил Данька.

– Да конечно же, мы ему поможем. Просто сейчас надо дать ему немного времени, а потом ты, я и Лерочка обязательно ему поможем.

– А зачем папа ходит на охоту? Разве у нас нет еды?

– Дело в том, что сейчас папе очень нужно побыть наедине с собой. Привести голову в порядок. Но наш папа такой человек, что не может просто пойти погулять в лес, ему обязательно надо быть чем-то занятым. Вот он и решил ходить на охоту. Вроде и занят, а на самом деле весь день один в лесу. Но скоро все будет по-прежнему. Я обещаю.

Но время идет, а папа все не меняется и все ходит каждый день на свою «охоту». Каждый вечер он приходит все более уставший и все чаще без повода ругается с мамой. Она же молча все это слушает и все чаще остается спать в нашей комнате, запирая на ночь дверь.

Но сегодня, кажется, наконец-то что-то начало меняться, ведь папа вернулся домой намного раньше, чем обычно. За окном было еще светло, и я, лежа в собственной колыбельке, видела, как снежинки медленно опускаются на деревья, стоявшие в нашем саду, и на которых уже очень скоро непременно появятся листочки.

Когда папа появился на пороге, Данька, как всегда, прибежал и закрылся в шкафу. А отец, раздевшись, начал тяжелыми шагами ходить по дому, постоянно останавливаясь и

что-то бормоча себе под нос. Он просто бродил по прихожей без цели, постоянно врезаясь в мебель и роняя какие-то вещи на пол.

Вдруг в прихожей что-то разбилось, и мама вышла из кухни, чтобы проверить, что же тут стряслось. Какое-то время они просто разговаривали, а потом мама стала кричать на папу. Я никогда не слышала, чтобы мама так сильно кричала. Честно говоря, я вообще в первый раз в жизни слышала, как моя мамочка на кого-то кричит.

Затем из прихожей донеслись странные звуки, как будто кто-то с кем-то боролся. Вдруг мама что-то громко крикнула и тут там у них в комнате что-то очень громко бухнуло.

Я напугалась и стала звать маму, но там мне почему-то не ответила. В доме вообще стало как-то очень тихо, даже папа, кажется, стоял на месте и не двигался.

Тут дверь шкафа открылась, Данька медленно вылез из шкафа и, испуганно озираясь по сторонам, направился в прихожую, где совсем недавно что-то бухнуло. На нем были лишь кофточка с нарисованным самосвалом и серенькие колготки в белую полосочку.

Как только Данька вышел из комнаты и оказался в прихожей, то он очень громко закричал, а затем что-то снова очень громко бухнуло, и Данька тут же перестал кричать.

На какое-то время в доме снова воцарилась тишина, но затем я услышала частые приближающиеся шаги.

Это был Данька. Он с ног до головы испачкан какими-то

красными капельками и шел так, словно ноги не слушаются его. Он молча достал меня из колыбельки и куда-то понес, его руки при этом сильно дрожали.

Он пронес меня через прихожую. Здесь на полу лежали мама и папа. Папа лежал совсем рядом с мамой и почему-то все еще держал в руках свое ружье. Оба они при этом лежали в какой-то большой красной луже, где плавали какие-то маленькие кусочки.

Я все поняла! Это же то самое варенье, о котором мне рассказывала мама! Тот самый кусочек лета, что она припрятала на долгую зиму. Странно, неужели оно такое вкусное, что они едят его прямо с пола и не могут оторваться? Мне надо непременно его попробовать, надеюсь, они меня угостят.

Но Данька прошел мимо лужи варенья и открыл входную дверь. Мы идем гулять? Здорово! Я, конечно, недавно уже ходила гулять с мамой, но я готова гулять сколько угодно.

Данька вынес меня на улицу, и только тут я сообразила, что он не только забыл меня одеть, но и забыл одеться сам. Данька, миленький мой, я точно так же, как и ты, очень жду лета, но оно еще не наступило. И для того чтобы выйти погулять, нам надо сначала одеться.

Но вместо этого прямо в кофточке и колготках Данька выходит на снег. Покуда мы идем к ограде, Данька почему-то начинает всхлипывать.

Данька, если ты замерз, то еще не поздно вернуться и одеться.

Но Данька не понимает меня, и вскоре мы уже выскальзываем за ограду, где Данька тут же поскальзывается и падает. Я падаю прямо на снежок и впервые понимаю насколько он на самом деле холодный. Но Данька довольно быстро поднимается за ноги сам, подхватывает меня, и вот мы уже куда-то бежим.

Тут мы замечаем соседа, что с лопатой вышел расчистить снег у своей калитки. Данька громко окликает его и тот, увидев нас, секунду ошарашено смотрит в нашу сторону, а затем отбрасывает лопату в сторону и бежит нам навстречу.

Данька, зачем нам этот дядя? Я не хочу к нему. Давай вернемся домой и все вместе поедим варенья? А завтра все будет так, как обычно, мама пойдет со мной гулять в сад и будет рассказывать мне о том, какие фруктики совсем скоро будут расти на наших деревьях.

Странные обстоятельства

Когда ты засыпаешь днем, то должен быть готов к одному неприятному последствию – проснувшись, ты не сразу осознаешь себя, поймешь, где находишься, зачем и когда. И это немного пугает, согласитесь. Вот ты просто прилег на диван, чтобы немного передохнуть после утренней суеты. Тело тут же налилось приятной истомой, а мысли водоворотом понесли тебя куда-то вдаль, странно перемежая воспоминания о любимой и мечты о покупке нового мотоцикла. Как вдруг ты словно бы падаешь в пропасть и резко подсакиваешь на кушетке, не до конца понимая, кто ты и как здесь оказался.

Если верить наручным часам, я проспал всего пятнадцать минут, но мой разум и тело словно бы пребывали в анабиозе долгие годы. Сердце громко колотится в груди, ноги наполнены свинцовой тяжестью, а сознание словно бы не сразу возвращается на свой пост, чтобы сообщить мне вводные данные для этой реальности.

Когда я понял, что на самом деле сейчас мне ничего не угрожает, то с шумом выдохнул, протер глаза, подошел к окну и распахнул его настежь. Порывистый осенний ветер сразу же начал забрасывать мелкие капли дождя прямо на пол у окна. Сквозь яркий аромат прелой листвы и мокрого асфальта я чувствовал горькие нотки неприятных запахов ко-

стра и бензина. Все это утро они преследуют меня и от этого уже начала болеть голова. Посему я закрыл окно, вновь изолировавшись от внешнего мира, и лишь ветер с прежней яростью продолжал швырять капли дождя о стекло, сквозь которое можно было видеть соседний дом, расположенный выше по улице.

Немного постояв в задумчивости, я развернулся и направился к двери, переступая через кучи вещей, хаотично разбросанных на полу. Мама всегда ругала меня за беспорядок в комнате. И самое удивительное в том, что она делала это по сей день. Хотя недавно мне стукнуло восемнадцать, и в глазах всего мира я уже являлся взрослым, состоявшимся мужчиной.

Занося ногу над очередной грудой одежды, я увидел желтую футболку с логотипом моей любимой музыкальной группы. Я остановился, выудил из общей кучи слегка ношенную, мятую вещь и понюхал ее. От нее не разило потом, что по моим стандартам считалось синонимом чистоты и я, небрежно перекинув футболку через плечо, наконец, покинул комнату.

Комната располагалась на втором этаже, прямо напротив угловой лестницы, что вела вниз в прихожую. Слева по коридору, напротив друг друга, расположились две двери, что вели в родительскую спальню и комнату сестры, а справа, за приоткрытой дверью, находилась ванная комната, где из незатянутого крана сейчас капала вода, громко ударяясь о

гладкую поверхность ванны.

Я решил спуститься на первый этаж и выйти на крытую веранду перед домом, чтобы устроить себе там перекур. Держась за перила, я преодолевал довольно крутой спуск и смотрел на фотографии, которыми была буквально увешена вся стена вдоль лестницы.

Вот лысеющий мужчина в возрасте обнимает за талию приятную женщину, что, улыбаясь, предпочитает не обнажать зубы. На следующей фотографии эти же люди, но уже в компании своих детей – шестнадцатилетней дочери и восемнадцатилетнего сына. Девушка улыбается во весь рот, обнимая отца. Парень же сдержанно поддерживает под руку мать, стараясь казаться на этом фото взрослее и самостоятельнее, чем он есть на самом деле.

На следующем фото семья запечатлена на фоне праздничного дерева, увешанного гирляндами, под которым лежит целая куча подарков. Мужчина здесь еще не облысел, а его жена тогда еще предпочитала спокойным тонам яркий и броский макияж. Девочка все так же широко улыбается, а мальчик смущенно смотрит на фотографа, сжимая в руках большую машину на радиоуправлении.

Помню ее. Благодаря этой игрушке я сумел как познать радость обладания чем-то желанным, так и горечь безвременной утраты. Тогда, прямо накануне торжеств, в магазины завезли первую партию таких машин, и все мальчишки как один желали видеть в качестве подарка только ее одну и ни-

чего другого.

Вот только за внешней привлекательностью и колоссальным размером скрывались слабый мотор и хрупкий корпус, отчего столь желанные некогда игрушки оказывались на помойке самое большее через пару месяцев. Забавно, миновало много лет, а мои пальцы еще помнили на ощупь тот дешевый пластик, из которого была сделана та машина.

Я улыбнулся своим воспоминаниям, вышел на веранду и сразу же закурил. Только так можно было перебить вездесущий аромат костра и бензина. Отец всегда ругал меня, когда я курил в доме или подле него, но я вообще не был послушным ребенком и частенько нарушал его запреты.

На веранде стояли небольшой деревянный стол и подле него четыре раскладных стула. В целом это было замечательное место для того, чтобы всей семьей сидеть тут и пить чай долгими летними вечерами. Но время и непогода сделали свое дело, уличная мебель давно нуждалась в ремонте, еле следовало хотя бы покрасить или проморить. Однако облагораживание уличной мебели всегда составляло ту часть плана работ по дому, что ты постоянно хочешь сделать, но так никогда за это не возьмешься. И я предпочел постоять, опершись плечом на одну из опор, державших крышу веранды.

Я стоял и смотрел, как мелкий дождик постепенно наполняет лужи на асфальтовой дороге, что шла мимо дома и скрывалась где-то вдалеке за поворотом. Этот коттеджный поселок возводился одномоментно и был застроен ти-

повыми частными домиками, что практически не отличались друг от друга. Посему тут имелась тщательно продуманная проектировщиками система дорог, которая мне больше всего напоминала человеческие легкие. Сами одинаковые внешне дома были чем-то похожи на крошечные альвеолы, а эта узкая двухполюсная дорога словно бы была веточкой бронхов, что, уходя вдаль, постепенно соединялась с другими такими же веточками и, превращалась в бронх, что затем становился полноценным шоссе, что, согласно аналогии с легкими, напоминало трахею. А это самое шоссе уже соединяло поселок с центральной частью города, расположенной в восьми километрах к северу отсюда.

Да, аналогия с легкими немного странная, но я очень любил анатомию и часто с удовольствием замечал черты нашего внутреннего мира в возводимых людьми конструкциях. Представляете, совсем недавно, до того, как меня выгнали из мединститута за один неподобающий поступок, я учился на медика, вполне успевал в учебе и даже регулярно претендовал на повышенную стипендию. И даже сейчас я иногда позволяю себе мечтать, что в будущем смогу вернуться к учебе и все-таки стану врачом. Но пока я могу лишь прикурить вторую сигарету от первой, совершая тем самым еще один неподобающий поступок.

Вдруг на лужайку перед домом выскочила перепуганная собака. Грязный косматый пес неизвестной породы двигался рывками и постоянно приподнимал заднюю лапу, шерсть

на которой была грязной от крови. Он был очень напуган и подскакивал на месте от любого шороха, даже порывы ветра пугали бедное животное. Меня пес заметил лишь в тот момент, когда я громко свистнул. Пес развернулся в мою сторону и инстинктивно прижался к земле, в его глазах-блюдцах без труда читался ужас. Такой резкий маневр, очевидно, разбередил рану на его лапе, отчего четвероногий теперь жалобно поскуливал.

Я хотел было подойти к нему поближе, осмотреть его лапу. Но пес тяжело поднялся на лапы и, поджав хвост, начал пятиться в противоположенную от меня сторону. Но там он тоже заприметил что-то пугающее, и с капающей из пасти слюной, забыв про боль в лапе, рванул в том направлении, откуда пришел.

Уже через пару секунд на лужайке показался мужчина в полном армейском обмундировании, именно он и спугнул пса, заставив того вернуться восвояси. Мужчина был в полной выкладке, но его автомат был небрежно закреплен на рюкзаке, а в руке он тащил тяжелую зеленую канистру на двадцать литров.

– Собаку спугнул, – сказал я ему.

– Ой, дружище, это к лучшему. Так-то они еще пару дней будут тут, как безумные носиться. И хрен его знает, какая в их маленькую собачью башку взбредет умная мысль, понимаешь? – ответил запыхавшийся мужчина, ставя канистру на деревянный настил веранды.

– Усек.

– Прикинь, во всем городе бензина не осталось, – мужчина постучал ладонью по канистре отозвавшейся глухим звуком. – Пришлось аж чей-то гараж вскрыть, да прям из машины сливать. Никогда бы не подумал, что придется таким заниматься. Ты тут все сделал? Документы нашел?

– Да, все готово. Паспорта всей кучей в родительской спальне лежали, прямо в ящике комода. Все упаковал, в формуляр данные переписал.

– Это ты молодец. А где автомат твой?

– На кухонном столе лежит.

– Он при тебе должен быть, понимаешь, при тебе! Я тебя уму-разуму учить не должен, конечно. Но это одна из тех истин, что всегда доходит до людей слишком поздно, понимаешь? Ты ж медик потенциальный, должно ведь что-то в котелке твоём вариться, верно?

– Усек.

– Очень надеюсь. О, я смотрю, ты прибарахлился, – он указал пальцем на желтую футболку, висевшую на моем плече.

– Да, взял тут кое-что.

– Так! Ну, ты главное не забывайся и очень сильно думай, не будет ли тебе, потом эта вещица ночами сниться, ага?

– Кажется, я понял. – С этими словами я сдернул футболку с плеча, аккуратно сложил и положил на один из тех раскладных стульев, что стояли на веранде.

Мужчина кивнул, молча вытер нос, на котором собралась большая тяжелая капля пота, затем крякнул, поднял с настила тяжелую канистру и вошел в дом. Я молча проследовал за ним.

Проходя вглубь дома, мы обошли стороной лестницу, ведущую на второй этаж, и оказались в просторном помещении, выходящем на задний двор панорамными окнами. Это была кухня, совмещенная со столовой. Еще вчера семья из четырех человек собралась здесь за большим антикварным столом, чтобы сытно покушать, любуясь видом на далекие горы.

Но теперь от этой идиллии не осталось и следа, на кухне был полный разгром. Панорамные окна были разбиты вдребезги, от них ничего не осталось. Определенная разрушительная сила ударила по ним снаружи и теперь их мелкие осколки ровным слоем покрывали все помещение, хрустя под подошвами армейских ботинок. Вся мебель, кроме массивного стола в центре помещения, была разломана, хотя сам стол каким-то чудом отделался лишь небольшими сколами да царапинами. Стены и потолок помещения были покрыты ямками и рытвинами, а местами прямо из стен торчали довольно крупные металлические фрагменты. При всем этом на кухне стоял отвратительный смрад – смесь запаха земли, металла и пороха.

Стараясь глубоко не дышать, я подошел к столу, на котором лежали мой автомат и тяжелый походный ранец. Я

приладил автомат к рюкзаку таким же образом, как мой со-служивец и закинул рюкзак за спину. Затем, пробираясь по останкам мебели и битому стеклу, мы с ним вышли на задний двор, где, прямо у дома в земле была вырыта неглубокая, но довольно широкая воронка, по краям которой остались висеть обгоревшие куски вырванного газона.

Аккуратно обойдя воронку по краю, мы прошли чуть дальше и остановились у небольшого деревца на самой границе участка. Кажется, раньше это был молодой дуб, но та же сила, что выбила панорамные окна в доме, перебила молодому дереву ствол, не оставляя тому никаких шансов на выживание.

Под погибшим деревом, аккуратно сложенные в кучу, лежали останки четырех человек. Вот лысеющий мужчина, вот его жена, вот их шестнадцатилетняя дочь и восемнадцатилетний сын. В момент взрыва отец и мать семейства сидели спиной к окнам и погибли мгновенно. Их сыну крупный осколок угодила в грудь, и он вряд ли протянул больше двух минут. Меньше всего повезло их дочери, получив многочисленные ранения, она еще какое-то время была жива. Несчастная девушка сумела доползти до прихожей и даже попыталась куда-то позвонить по телефону. Мы так и нашли ее – лежащей на полу и сжимавшей в том, что осталось от ее руки телефонную трубку.

Она была очень милой и сильно напоминала мне мою собственную младшую сестру, ведь той через неделю тоже ис-

полнится шестнадцать. Но моя сестра сейчас сидит в школе за партой и ждет не дождется момента, когда можно будет, наконец, пойти домой, а этой девушки больше нет. И мы с сослуживцем, словно мешок с картошкой, оттащили на задний двор и положили рядом со всей ее семьей, что в одночасье перестала существовать.

Мы так и нашлись что сказать, никто не произнес прощальную речь и не вспомнил добрым словом этих людей. Мой сослуживец молча облил тела погибших бензином и поджег. По сути, это значило лишь то, что теперь и мы внесли свою лепту в тот нестерпимый смрад, что с самого утра стоял сегодня над этим мирным пригородом.

Только подумать, еще вчера вечером мы получили приказ о начале спецоперации, целью которой была ликвидация противника, что предположительно вторгся на нашу территорию, занял этот пригород и укрепился в нем. Когда на поселок опустилась ночь, началась артподготовка. А уже утром, перед самой высадкой, мы узнали, что в разведанные оказались неверными и противник использовал этот пригород лишь как транзитную точку. После разведывательной вылазки они временно укрылись здесь, а потом, под покровом ночи вернулись на свои рубежи. Отчего получалось, что наша артиллерия полночи поливала огнем населенный пункт, в котором, кроме нашего же гражданского населения никого не было.

И этим утром мы неожиданно сами для себя превратились

из солдат в могильщиков, что сжигали трупы и искали в полуразрушенных домах документы тех, кто еще вчера планировал жизнь на годы вперед, а сегодня догорал в погребальном костре.

Кто был во всем этом виноват?

Не знаю.

Виноват ли политик, из-за которого накалилась обстановка на границе? Виноват ли разведчик, который по снимкам с беспилотника ошибочно предположил, что противник занял пригород? Виноват ли командир, что приказал начать обстрел, не дожидаясь подтверждения полученных данных? Виноват ли расчет миномета, что, выполняя поставленную задачу, точно опустил мину во двор этого дома? И, наконец, виноват ли я, что теперь должен был предать огню триста пятьдесят тел безвинно убиенных людей?

Все мы, по отдельности, казалось бы, не были виноваты в том, что произошло. Все мы были в целом неплохими людьми и, в сущности не желали никому зла. У каждого из нас были те, кто любит нас, и те, кого любим мы.

Но вот я вижу, как огонь пожирает тела тех, кто как две капли воды был похож на тех людей, что ждут меня дома. Кто-то убил эту пожилую пару, что готовилась, наконец, выпустить своих птенцов из гнезда. Кто-то убил эту прелестную девушку, что еще только готовилась влюбиться в жизнь. И кто-то убил этого юношу, что был так похож на меня, что носил одежду одного со мной размера и любил ту же музы-

ку, что и я.

Я мечтал быть врачом, помогать людям. Но вместо этого я уже был виновен во всех тех смертях, что случились в этом пригороде накануне ночью. Эта семья – лишь крохотная часть того мира, что разрушился вчера. Я был тем, кто его разрушил. Я убийца.

В горле встал ком, который я никак не мог проглотить.

– Нам надо идти, нельзя вот так просто стоять и смотреть. У нас тут еще уйма работы, – сказал сослуживец, стараясь не смотреть на меня.

– Усек! – ответил я без какого-либо выражения.

На разных берегах

Предисловие

Тихий, спокойный и ничем не примечательный воскресный вечер в середине марта. Всю прошедшую неделю весна уверенно выдавливала зиму с занятых ею позиций. Это было то самое время, когда, выйдя утром из дома и сделав первый вдох, ты сразу чувствуешь, что грядет теплая пора. Однако, как это часто бывает, данное чувство оказалось преждевременным, слишком уж уверенно весна наступала, и мы совершенно зря поверили в то, что она уже пришла насовсем.

И вот, именно сегодня, зима внезапно и коварно нанесла ответный удар. Утром поднялся очень холодный, порывистый ветер. Он как будто пытался остудить наши души, уже было немного оттаявшие под влиянием столь желанной, но недолгой оттепели. А когда стемнело, и вовсе ударил самый настоящий крепкий мороз, что превратил улицы в ледяные дорожки, отражавшие свет фонарей, словно зеркала.

Редкий человек сегодня вечером решался выбираться из дома, да то он лишь быстрым шагом проходил по улице, стремясь поскорее сделать свои дела, да вернуться восвояси. Все как будто отказывались верить, что весна нас обманула и сидели дома, ожидая, когда она вернется.

Однако даже в такой непогожий день находились люди,

что никуда не спешили. Возможно, их никто не ждал? Или им некуда было идти? Спрашивать о таком не принято. Ведь чужая тоска заразна, словно вирус, и прикладывает к собственным проблемам чужое горе – излишняя ноша.

Вот и на старой лавке, в сиденье которой не хватало несколько досок, а краска, облупившись, обнажала многочисленные предшествующие слои самых разных оттенков, в полной тишине сидели два человека. Оба они ждали задержавшийся сегодня последний автобус. Конечно, логичней было бы ждать автобус в стоявшем совсем рядом павильоне остановки, ведь там можно спрятаться от пронизывающего ветра. Но там, судя по всему, недавно прошел какой-то праздник не слишком притязательных людей и теперь в радиусе десяти метров стоял смрад.

А лавка стояла так удачно, что подходящий автобус было видно чуть ли не за квартал и оба человека без проблем успели бы пройти на посадку, как только транспорт появится в поле зрения. По обе стороны лавки стояли фонари, один из них не горел, а второй то и дело помаргивал, угрожающе при этом гудя. Урна, стоявшая рядом с лавкой, была переполнена и из нее, трепеща на ветру, торчали самые разнообразные цветастые обертки, а рядом с урной в ряд стояли несколько пустых пивных бутылок.

Мужчина, сидевший ближе к урне, от нечего делать разглядывал этикетки этих бутылок. Он нетерпеливо елозил на месте, то и дело менял позу и периодически потирал руки,

чтобы хоть как-то согреться. На вид ему было около тридцати. Он был одет так, словно просто приходил в бутик, показывал продавцам обложку модного журнала и скупал все те вещи, что были представлены на модели. У него было гладковыбритое загорелое лицо, по которому можно судить, что он либо недавно был в теплых краях, либо пользовался услугами солярия. А модная стрижка лишь дополняла образ этого, безусловно, обеспеченного человека. Что же делает этот человек на автобусной остановке затерянной посреди серых «хрущевок» в столь поздний час? На этот вопрос я позволю себе ответить несколько позже.

Неожиданно человек, сидящий рядом с нашим холеным модником, тяжело закашлялся. Молодой человек крайне брезгливым взглядом окинул своего соседа и, следка отодвинувшись, с выражением полного презрения на лице вернулся к созерцанию пивных бутылок.

Его сосед совершенно не обратил внимания на этот акт презрения. Пожилой мужчина, которому на вид было уже далеко за семьдесят, сидел и, глубоко уйдя в свои мысли, смотрел куда-то вдаль. Иногда ход мыслей этого мужчины принимал приятный оборот, и тогда на его испещренном морщинами лице мелькала едва заметная улыбка.

На нем были надеты очень старые сапоги, подошва которых уже давно стопталась внутрь, а старенькие шерстяные брюки, покрывавшие ноги, хоть и были чистыми, но были поглажены кое-как и много раз латаны. Так же на мужчи-

не была старая, потрескавшаяся от времени кожаная куртка, молнию на которой давным-давно заклинило, и застегивалась она теперь только на кнопки.

Отечное лицо мужчины было покрыто неровной недельной щетиной, а копна нечёсанных седых волос с самого утра хранила след от подушки. Подбородок и нос этого персонажа были покрыты паутиной тонких красных прожилок – та черта, по которой можно было безошибочно определить сильно пьющего человека. Но прямо сейчас от него не пахло, более того, он давно был абсолютно трезв, это я могу вам гарантировать.

Вот к такому необычному соседству привела задержка последнего автобуса этим холодным весенним вечером.

1

Степан сидел на остановке и ждал этот проклятый автобус уже добрых сорок минут. Вообще, он редко когда пользовался общественным транспортом, и его гардероб был рассчитан так, что по городу он будет передвигаться исключительно на собственном автомобиле. Но сегодня ведь был особенный день. Счастливое воскресенье. Нынче такой день выпадает всего раз в неделю, а ведь еще каких-то пять лет назад, ему случалось уезжать этим автобусом пару раз в неделю, а бывало и чаще. Но те время осталось далеко позади, и Степан теперь жил лишь мечтами только о том, чтобы вернуть эти самые «счастливые времена». Иногда он даже позволял себе желать чего-то большего, но пока это были лишь несбыточ-

ные грезы.

Последний автобус еще никогда не задерживался, куда чаще он приходил даже раньше расписания, ибо водителю, как и всем его пассажирам, хотелось только одного – поскорей попасть домой. Но именно сегодня что-то пошло не так, и теперь Степану приходится сидеть на лавочке и мерзнуть вместе с этим чахоточным пьяницей. Степан часто видел этого мужика, каждое воскресенье этот пьянчуга неизменно уезжал вместе с ним на последнем автобусе.

Интересно, что он тут делал? Может быть, как и у Степана, у него есть какая-то тайна? Да увольте?! Какая у такого человечка может быть тайна? Скорее всего, по воскресеньям у них товарищеская сходка в уютном подвале какого-нибудь неприметного подъезда какого-нибудь неприметного дома. Они там крепко выпивают и в жарких спорах решают судьбы нашего мира куда эффективней политиков, экономистов и топ-менеджеров вместе взятых.

Степан улыбнулся. От уголков его глаз по лицу разошлась паутинка морщин. Да, он выглядел заметно моложе своих лет, на самом деле его возраст уже приближался к пятому десятку, но, благодаря различным косметическим процедурам, на вид ему вряд ли можно было дать больше тридцати.

Он родился в семье банкира и домохозяйки, и все его детство прошло в их огромном загородном доме. Отец в ту пору редко бывал дома, ему хватало времени обращать внимание на Степана, только если тот добивался каких-либо успехов

или, наоборот, в чем-то не преуспел. Матери же было откровенно плевать на ребенка, она думала только о том, что сегодня одеть, где это снять и куда завтра поехать.

Естественно, отдать ребенка в общеобразовательную школу родителям не позволил статус, и Степан пошел в специальную школу для таких же, как он. Элитная школа-интернат с забором столь же высоким, как и плата за обучение. Там он стал тем, кем должен был стать сын столь обеспеченного отца. Школа озлобила его, он научился понимать очевидные истины. Например, что все те, у кого меньше денег, чем у его отца, недостойны общения с ним. Круг его общения должен напоминать закрытый клуб, а на его личной карте города должны быть отмечены места, в которые положено ходить людям его статуса, ибо все остальное для плебеев.

В какой-то момент его отец спохватился и взялся за воспитание сына. Он часто ругал Степана за такой «денежный» подход к людям. Ибо сам отец никогда не бахвалился богатством, что лишь давало людям повод пошептаться у него за спиной, а его друзья-алкоголики, с которыми он сидел в дешевом баре или ходил на охоту, и вовсе заставляли Степана краснеть.

Мать заступалась за Степана, говоря, что мальчику повезло родиться у таких родителей, и он имеет полное право пожинать плоды такой жизни в полной мере. В ту пору Степан был благодарен ей за это. Но, ради справедливости стоит сказать, что ее участие в воспитании мальчика этим и огра-

ничивалось.

Когда Степан подрос, отец пригласил в дом гувернантку. Ее звали Елизавета Сергеевна. Это была кроткая женщина сорока трех лет, муж которой, за месяц до найма пьяным замерз насмерть прямо под окнами их съемной квартиры. Он жила в их доме вместе со своей дочерью Машей, помогавшей матери в свободное от учебы время.

Степан не понимал, зачем они здесь вообще были нужны, но этих людей нанял отец, а его слово закон. Мать тоже была против этого, но отец пригрозил ей урезанием дотаций, и она перестала настаивать, хотя впредь никогда не упускала возможности насолить Елизавете Сергеевне и Маше. Степан с удовольствием перенял у матери эту необъяснимую злобу и очень часто доводил Машу до слез, делая какую-нибудь пакость. Например, прямо у нее на глазах мог вылить на только что вычищенный ковер чашку свежезаваренного кофе.

Но времена меняются, меняются и люди. С возрастом Степан сумел найти некий баланс между тем, что в него вбивали в школе, и тем, что пытался до него донести отец и вырос во вполне самостоятельного молодого человека. А Маша, в свою очередь, выросла в прекрасную в своем естестве девушку, увидев которую на улице невольно согласишься ей вслед, просто чтобы попытаться сохранить в памяти ее светлый образ.

Степану теперь было стыдно за свои прошлые, и он, наоборот, даже принялся помогать Маше. Вскоре их связала

дружба, а потом и нечто большее. Первая любовь, первый поцелуй – все эти прекрасные моменты Степан пережил именно с Машей, дочерью их гувернантки.

Но, та самая богатая жизнь, которую Степан столь высоко ценил, скоро сделала крутой вираж. Окончив институт, в котором он был ровно два раза, Степан устроился в банк отца на малопонятную должность с большим окладом, и казалось, что теперь все будет хорошо. Но однажды пьяный вдрызг отец зашел к нему в кабинет и показал фото какой-то девушки с накачанными губами и жутким синтетическим лицом.

Отец долго не решался что-либо сказать, затем почему-то расплакался и, наконец, собравшись с мыслями, сказал, что эта девушка будущая жена Степана. Оказалось, что эта ошибка хирурга – дочь его вероятного партнера. Отец сквозь слезы признался, что дела его идут очень плохо, и единственное, что теперь можно сделать, так это устроить слияние двух бизнесов через этот брак.

Степан был опустошен, он не знал что сказать. Перед глазами его почему-то появился образ Маши. Образ из того дня, когда он пообещал девушке, что обязательно женится на ней. Это было летом. Двое молодых людей сидели на лавочке, взявшись за руки и любовались алым закатом. На Маше было легкое платье кремового цвета, а волосы ее были подвязаны красной ленточкой. Смотря на нее, Степан не выдержал и сказал, что хотел бы видеть такой в день их свадьбы.

– Ты что делаешь мне предложение? – спросила она в шут-

ку.

– Да, я обязательно женюсь на тебе.

– Правда? – она ухмыльнулась.

– Обещаю.

Степан сказал это с таким горячим порывом, что Маша взглянула на него с какой-то невиданной доселе теплотой. И теперь это ее лицо стояло перед глазами Степана и терзало его сердце.

Отец Степана снова заплакал и признался, что ему в свое время пришлось поступить точно так же. Что его женитьба на матери Степана произошла лишь по причине того, что отцу нужен был стартовый капитал.

– Я всегда любил другую, сынок! – причитал отец. – Всю свою жизнь. И сейчас я, как никто, понимаю тебя.

– Да, – пробормотал Степан. – И кто же она?

– А ты не догадался до сих пор?

И в этот момент Степан все понял. Так вот почему в их доме появилась гувернантка. Вот почему Елизавета Сергеевна терпела все заскоки Степана и его матери и не увольнялась. Она тоже любила отца, и эта любовь пережила все, пережила свадьбу отца ради денег, пережила неудачный брак Елизаветы, после которого женщина с ребенком на руках осталась на улице, и, судя по тому, что сейчас творилось с отцом, эта любовь пережила даже смерть Елизаветы Сергеевны от рака два года назад.

Внутри Степан сгорал дотла. Больше всего в жизни он в ту

минуту хотел прогнать отца и сдержать некогда данное Маше обещание. Но он так и не смог пойти на поводу эмоций. То, что дала ему элитная школа-интернат, так и осталось глубоко на подкорке. Он слишком ценил все те удобства, что дарят нам деньги. Посему он лишь дал сам себе обещание, что поступит точно так же, как его отец. Ради денег и общего благополучия он сумеет прожить жизнь с этой куклой, но когда-нибудь обязательно найдет способ воссоединиться с Машей, если та сумеет его принять.

И теперь-то вы уже верное дело догадались, куда скрытно на автобусе ездил Степан каждую неделю, пока его жена посещала элитный загородный спа-комплекс. Он приезжал к Маше. Здесь в этом районе, подальше от собственного дома, он купил ей уютную квартиру, и только здесь ровно один день в неделю он мог почувствовать себя дома. И сейчас он вынужден был вернуться «домой», где его ждали «любимая» жена, что невероятно устала после косметических процедур, и вечно орущий, избалованный сын, которому скоро стукнет пять лет.

Степан ненавидел своего сына. Он стеснялся этого, но его отеческое чувство практически сразу уступило место ненависти. Ведь именно пять лет назад, в момент рождения сына, закончились счастливые времена, когда Степан мог гостить у Маши два раза в неделю.

Однако, совсем скоро они с женой «обретут покой». Ведь они уже определили своего ребенка в тот же интернат, где

некогда учился его отец. А сам Степан недавно открыл дизайнерское бюро и нанял туда невероятно перспективного специалиста – девушку по имени Маша. А, значит, все будет хорошо, и скоро снова настанут счастливые времена.

2

Анатолий Васильевич никуда не торопился, он сидел и покорно ждал, когда приедет автобус. Анатолий был бы даже рад, если бы автобус и вовсе не приехал, ведь тогда бы появился благовидный предлог вернуться туда, откуда он сегодня не хотел уходить. Но это было то, о чем Анатолий не смел и мечтать.

Рядом с ним на лавке сидел молодой щеголь, тот очень замерз и все время прямо-таки скакал по лавке в попытках согреться. Анатолий видел его пару раз, они уже встречались на этой остановке и уезжали вместе на последнем автобусе. Пожилой мужчина был уверен, что молодой щеголь приезжал сюда к своей любовнице. Богатые всегда живут так, будь-то бы им за их деньги будут прощены все грехи.

Когда этот экземпляр попадет на страшный суд, та чаша, на которой будут представлены его хорошие поступки, будет пуста, как и вся его жизнь: ни семьи, ни любви, только деньги. Щеголю не понять, что значит дом, в котором тебя ждут. Раз в неделю пошалить – вот его главная отрада.

Хотя если не лукавить, то Анатолий Васильевич и сам некогда утратил это прекрасное чувство домашнего уюта, правда, совсем по другой причине. Подумав об этом, ему

стало тошно, и он закашлялся, удостоившись презрительно-го взгляда щеголя.

Анатолия часто беспокоила боль в груди и в последнее время все чаще. Видимо, костлявая уже готовилась принять его в свои объятия, несмотря на то, сейчас Анатолию шел лишь шестой десяток. Врачи пытались бороться с его недугом и выписывали ему все более длинный список лекарств, а он, напротив, использовал их все реже, стараясь использовать дорогие пилюли только в те моменты, когда темнело перед глазами, на что была определенная причина.

Когда то этот побитый жизнью мужчина жил счастливой жизнью. Жизнью человека, которому есть что терять. У него были жена Татьяна и сын Женя. Его Танечка была школьной учительницей, она учила деток рисовать и лепить поделки из пластилина. Светлая и легкая, она так и осталась его Танечкой, даже когда она состарилась и стала прихрамывать на левую ногу. Их сын Женя был для них надеждой и опорой. Мальчик пошел в отца и с малых лет тянулся ко всему механическому, прогрессивному и автоматическому. Он стремился выяснить и понять, как работают все приборы в доме. Он хотел знать все и впитывал знания как губка. Немало приборов он разломал в попытках понять их принцип работы, покуда Анатолий Васильевич не отвел Женю на барахолку и не начал каждую неделю покупать мальчику на растерзание старые и практически неработающие приборы. Женя горел техникой и, естественно, с легкостью поступил на

бюджетное отделение известного столичного института. Благодаря чему юноша стал предметом гордости уже не родителей, но всего двора.

– Как у Жени дела в институте? – смущенно спрашивала девушка Тома, соседка Анатолия по лестничной клетке. Она была безумно влюблена в Женю, но так и не решилась тому признаться, куда он не уехал.

– Все хорошо, он придет в выходные, заходи на чай. – Отвечал Анатолий.

– Обязательно.

Но она так и не набралась смелости зайти к ним и поговорить с Женей. Кто знает, может, будь Тамара немного смелее, то все сложилось бы совсем по-другому.

И вот однажды им на квартиру позвонили из военкомата, к которому был прикреплен институт Жени и спросили, давно ли родители видели своего сына. Родители всегда перегибают с беспокойством, особенно когда речь заходит об их детях, на то они и родители. Но Анатолий и Татьяна были настолько уверены в своем сыне, в его целеустремленности и непогрешимости, что даже не допускали в свои головы мысли о том, что с их сыном что-то может пойти не так. Они решили, что в институте просто что-то перепутали и не передали вовремя бумаги в военкомат.

И уже в следующие выходные Женя явился лично подтвердить, что у него все хорошо. Они традиционно посидели с чаем и большим тортом. Анатолий традиционно пред-

ложил выпить вина, все традиционно отказались, и непочатая бутылка так и осталась стоять неприкосновенной, как она стояла уже пятый год.

Женя выглядел немного уставшим. Под его глазами залегли синяки, и он почему-то очень сильно потел, хотя в их квартире всегда было прохладно. Анатолий списал эти явления на приближающуюся сессию, ибо и сам был студентом, и знал, какого это совмещать учебу, веселье, девушек и подработку. От Жени немного пахло бензином, и тот признался, что подрабатывает в автосервисе недалеко от общежития, чем подтвердил догадки Анатолия и успокоил сердце Татьяны.

Вечером того же дня, выйдя в магазин за покупками, Анатолий Васильевич встретил на лестнице Тому. Та, к этому моменту уже окончила фармацевтический колледж и работала в аптеке рядом с домом. Анатолий Васильевич заметил, что на Тамаре отчего-то лица нет, и решил с той поговорить.

– Тамара, ты чего такая печальная? Сегодня Женька приехал, все о тебе спрашивал. Уж отчаялись мы с Татьяной дождаться, когда вы, наконец, с Женей встретитесь за одним столом.

– Дядя Толя, я...

Тамара прикусила нижнюю губу. По ее щеке потекла слеза.

– Милочка моя, кто тебя обидел?

– Сегодня Женька ко мне в аптеку заходил...

– Как поговорили?

– Он меня не узнал, дядя Толь...

– И ты из-за этого в слезы?

– Он купил... Он сказал, что ему нужны инсулинки, физраствор и что-нибудь в стекле. Он сказал, что ему надо для кошки. Они всегда так говорят...

– У нас нет кошки! Может, это ты обозналась?

– Я ему продала все это, дядя Толя. Я всегда им продавала, я думала, что лучше пусть у меня все купят, чем бог знает где! Поэтому они все ко мне и ходят. Простите... Простите меня!

– Да за что, Томочка?

– Уже поздно, тут уже не поможешь. Я такое не раз видела. Простите меня! Пожалуйста, простите, если сможете.

С этими словами, рыдая в голос Тома вбежала в свою квартиру и захлопнула за собой дверь, оставив Анатолия Васильевича стоять на лестнице в полном недоумении.

А на следующее утро Татьяна Викторовна не смогла найти свои серьги. У стариков было много свободного времени, и они обыскали весь дом, но серьги так и не нашли.

Татьяна списала это все на забывчивость, мол, запрятала получше, а теперь не знает, куда их засунула. Но, как позже выяснилось, это было только начало. Женя с того самого дня странно зачастил с визитами, и после каждого раза Татьяна снова «забывала», куда спрятала все новые и новые свои украшения.

Анатолий Васильевич не был глупцом, просто он был человеком старой закалки и не верил в то, что у этой жизни есть еще одна, темная сторона, и путь со света во тьму можно преодолеть всего за пару минут. Посему с большим опозданием Анатолий, наконец, впустил в сердце тревогу и начал действовать.

Первым делом, поняв, что что-то случилось, он позвонил в деканат, где ему сообщили, что его сына, который, по его мнению, учился на третьем курсе, отчислили после зимней сессии второго курса за академическую неуспеваемость.

Затем они попытались поговорить с Женей, но тот разозлился и в гневе пытаясь вырвать из рук отца старенький уют, сломал Анатолию кисть. С тех пор Женя на пороге их дома больше не появлялся. А несчастные родители не стали заявлять в полицию на своего сына. Ведь так нельзя! Это же Женька... Их Женька.

И вот одним хмурым ноябрьским утром к ним домой пришли полицейские. Следователь, участковый и еще один человек в штатском. Участкового звали Митя. Он жил в соседнем подъезде. Когда-то давно его отец и Анатолий Васильевич вместе по распределению попали в этот город и были по сей день крепкими товарищами. Теперь, когда их дети стали взрослыми, а выходить на улицу становилось все труднее, они постоянно созванивались и рассказывали друг другу новости.

Митя прятал взор, топтался на месте и никак не мог вы-

давить из себя ни слова.

– Анатолий Васильевич, Татьяна Викторовна, – наконец промямлил он. – Это следователь Булычев из УБОП, и оперуполномоченный Лемов из ФСКН. У них к вам несколько вопросов.

Мужчины пожали руку Анатолию Васильевичу и кивнули Татьяне.

– И я... Это... Пойду наверно, да? – заискивающе спросил Митя своих коллег.

– Мы не задерживаем. – Спокойно сказал Лемов.

– Это он так помог, да? Так и знал, что он свалит. А началось-то как всегда. Помогу, поддержу, потом еще у них останусь на какое-то время. Тьфу, ты. – Пробурчал себе под нос Булычев, когда дверь за участковым закрылась.

Анатолий Васильевич проводил гостей на кухню. Они долго раскладывали свои бумаги и что-то тихо обсуждали между собой. Наконец слово взял Лемов.

– Присядьте, пожалуйста, должен сразу предупредить, что разговор будет непростым.

– Если у вас есть валерианка или вам может потребоваться что-то для сердца, то приготовьте, пожалуйста. – Сказал Булычев, оставшись стоять рядом со стариками. Видимо, на всякий случай.

Когда все приготовления были осуществлены, Лемов сел за стол напротив стариков и, стараясь говорить как можно четче, сказал: «Знаете ли вы, что Женя довольно продолжи-

тельное время употребляет героин?»

В ту секунду в голове Анатолия помутилось. Он слабо помнил, что говорил Лемов, лишь какие-то отдельные фразы. Хроническая зависимость от опиатов. Достиг дна. Подозревается в кустарном изготовлении и распространении. Это были по большей части незнакомые ему слова, но Анатолий почему-то понимал, что они значат для их семьи. Эти сухие формулировки таили за собой самый страшный приговор не только для Жени, но и для Анатолия и Татьяны.

Затем Булычев услужливо подал Анатолию стакан воды с лекарством. И к тому несколько вернулось самообладание. Анатолий помнил, что отрицал тот факт, что Женя у них что-то украл, а руку он, дескать, сломал сам, упав со стремянки, когда полез на антресоль. Полицейские не выразили никакого удивления услышав это, лишь зафиксировали на бумаге слова Анатолия и попросили эти бумаги подписать.

Затем Лемов вывел на балкон Татьяну Викторовну, чтобы та подышала воздухом. А Булычев подсел к Анатолию Васильевичу поближе и так же сухо и профессионально, как Лемов сказал:

– Ваш сын находится в розыске по подозрению в организованном разбое. Он и двое его друзей ограбили микрофинансовую контору.

– Вы его только подозреваете? – Анатолию не хватало воздуха, но услышал в словах Булычева некую соломинку и попытался зацепиться за нее.

– Они убили охранника и сотрудницу этой организации. Они застрелили двоих людей за пять тысяч рублей. Это все, что было в кассе на тот момент.

– Но он же только подозреваемый?!

– Понимаете, – Дикин немного замялся. – На самом деле это формальность. Суд сразу же установит факт его вины. Дело в том, что у нас есть видеозаписи с места преступления, на которых идентифицируются все члены группы. Есть многочисленные свидетели. И... И на самом деле, мы имеем все основания полагать, что это далеко не первое подобное преступление данной организованной группы.

Дальше Анатолий Васильевич уже не смог сопротивляться головокружению и провалился в небытие.

По прошествии трех месяцев с того дня Женя был, наконец, задержан. А еще через год суд вынес свой, невероятно строгий вердикт. Бедная Татьяна Викторовна так и не оправилась от потрясения. Она не дожидаясь суда и умерла сразу после того, как Женьку арестовали. Анатолий Васильевич, кстати, тоже не был на суде. С момента смерти Татьяны он начал так много пить, что терял поначалу дни недели, а потом и месяцы, посему просто забыл о том, что его сына ждет суд.

А спустя еще два года любимый и единственный сын Анатолия – Женя умер в тюрьме от целого букета заболеваний.

И когда Анатолий Васильевич приехал за телом, то уви-

дел скелет, обтянутый желтой кожей, на которой красовались уродливые тюремные татуировки. Искореженный рот покойника не закрывался, и сквозь обветренные губы были видны сгнившие, черные зубы. Честно сказать, Анатолий Васильевич не узнавал покойного.

– Это не он! – растерянно сказал Анатолий сотруднику морга.

– Евгений Анатольевич?

– Да.

– Это он. Те, кто положительные приезжают и без тубера-то не очень выглядят, а этот еще и лечиться отказывался, хотел, видать, последние деньки в госпитале откиснуть. Фтизиатр еще месяц назад предупреждал, что этот кони двинет скоро, так и получилось. Отмучался, наркоманья чертов. – Сотрудник достал откуда-то из-под фартука пачку сигарет и закурил.

– Тубер? Положительный? Ничего не понял, если честно.

– Вы недавно работаете что ли?

– Я не работаю здесь. Я его отец.

– Ой, божечки! – сотрудник быстро бросил на пол едва зажженную сигарету и притушил ее. – Простите, ради бога, я не знал! Я думал вы из конторы. Я... Это... Их просто... Никогда родные не забирают. Простите еще раз, извините, пожалуйста. Сейчас я за документами сбегаю.

Вот так Анатолий узнал, что его Женька, его любимый сыночек, «двинул кони» от «тубера» будучи «положитель-

НЫМ».

С того дня жизнь Анатолия Васильевича окончательно пошла под откос, и теперь уже ничего не держало его в этом мире. Через два дня после того как он в одиночестве схоронил Женю с ним случился инсульт, а потом и еще один, через полгода.

Но появилась новая искра и в его жизни. Ведь каждому дано право на еще один шанс. Мироздание неожиданно смилостивилось над Анатолием Васильевичем, и раздался однажды стук в его дверь.

В тот день, взглянув в глазок, он увидел девушку, что держала за руку малыша. И Анатолий, решив, что брат у него все равно уже нечего, открыл дверь. Девушка при виде него заметно смутилась и явно не знала, что теперь сказать. А малыш, очень похожий на кого-то смутно знакомого спросил: «Мама, кто этот дядя?» Девушка тихо ответила: «Это твой дедушка».

Посмотрев на малыша, Анатолий Васильевич сумел сквозь алкогольный дурман найти в памяти нужный образ и понял, что малыш похож на покойную Татьяну Викторовну словно две капли воды. В ребенке не было ничего от него или Жени, даже на свою мать мальчик совсем не походил. Зато он был вылитой копией свой бабушки до последней щербинки в зубах.

Позже девушка, которую звали Юля, объяснила, что она довольно долго сожительствовала с Женей. Однако когда она

забеременела, родственники силой увезли ее в другой город, где она, будучи на лечении в специализированной клинике, разрешилась от бремени.

Родила она еще до того, как Женю осудили. Ребенок, благодаря стараниям врачей, был полностью здоров. Самой же Юле все-таки не повезло, и она страдала от набора характерных болезней, из-за чего теперь была обречена на вечное одиночество.

Избавившись от зависимости, девушка вернулась в родной город и нашла себе удаленную работу, ибо с ее «клеймом» другой здесь было просто не найти. От знакомых она узнала, где живет Анатолий, и решила, что не вправе держать внука втайне от бабушки. Более того, у него, как и у нее, больше никого и нет на всем белом свете, кроме этого чудесного малыша.

И теперь Анатолий Васильевич бывал в гостях у своего внука каждое воскресенье. Рано утром он приезжал сюда к ним и уезжал исключительно последним автобусом. Юля разрешала им встречаться только один день в неделю. Почему только один день в неделю? Неужели Юля была столь холодна, что ревновала внука к деду? Вовсе нет. Анатолий Васильевич вскоре и сам понял причину этих странных ограничений. С каждым своим визитом он замечал, что Юля слабеет. Он понимал, что болезнь съедает девушку, и вскоре ее не станет. Юля просто не хотела, чтобы Анатолий сильно привязывался к ребенку, ведь никто не доверит ему опеку.

Но с тех пор, как он встретил внука, Анатолий словно бы вновь обрел желание жить. С того самого дня, как Юля постучала в его дверь, он не выпил ни капли спиртного. А все деньги, что оставались после оплаты насущных нужд, он отдавал Юле, из-за чего у него самого не было средств даже на новые брюки, не говоря уж о дорогих лекарствах.

Он, почему-то, искренне верил, что где-то за границей есть какое-то чудесное лечение, которое непременно спасет мать его внука. И, возможно, именно те деньги, что он ей дает, будут определяющими в вопросе жизни и смерти, довлеющим над Юлей.

Но Юля знала, что никакого чудесного средства нет. Слишком поздно она попала к врачам и слишком халатно относилась к терапии, когда это было столь необходимо. Поэтому эти деньги она откладывала на счет в банке и все искала способ не разлучать Анатолия Васильевича с внуком. Пока, впрочем, безуспешно.

И вот сегодня, как раз когда ушел Анатолий Васильевич, ей позвонила незнакомая девушка. Вернее, голос ее казался Юле невероятно знакомым, но та собеседницу так и не узнала. И стоит признать, что это был очень странный разговор. Ведь звонившая девушка откуда-то узнала, что врачи отвели Юле полгода, и предлагала взять опеку над Юлиным сыном.

Собеседница была странно осведомлена о судьбе Юли, откуда-то хорошо знала семью Женю и обещала заботиться о ребенке Юли, как о своем.

– Но зачем вам это? – удивилась Юля. – Я вас знаю?

– Я уверена, что вы меня не вспомните. Но это я виновата в том, что с вами произошло. Со всеми вами. – Голос в трубке дрогнул.

– Как вас зовут?

– Тамара. Друзья зовут меня Тома.

– Я не припомню. Знаете, я думаю нам надо встретиться, поговорить. Вы же понимаете, что я не могу вот так сразу на это согласиться?

– Я понимаю.

– Для меня главное, чтобы мой сын был счастлив. Я должна быть уверена, что вы не пожалеете потом об этом решении и не измените его.

– Я всю жизнь буду жалеть о том, что когда-то давно так и не решилась зайти на чай. – Голос в трубке окончательно сорвался на плач. – В том, что я делаю сейчас, я уверена.

В эту самую минуту замерзший Анатолий Васильевич сидел на лавке, ждал автобус и продолжал верить в чудо. И вот оно произошло. Пускай он сам еще не знал об этом, прямо сейчас он вспомнил, как его внучок сегодня пытался рассказать ему стишок про зайчика и улыбка тенью пробежала по его лицу.

Вдруг из-за поворота, наконец, показался автобус, что еле ехал из-за наледи на дороге. Степан и Анатолий Васильевич поднялись с лавочки, и пошли на посадку. Да, сейчас они,

как всегда, поедут домой. Но только лишь для того, чтобы в следующее воскресенье все повторилось вновь, ведь именно здесь, среди серых пятиэтажек спрятано их счастье.

Шесть сцен из чьей-то жизни

Финал

Я нахожу себя на скоростном шоссе. По какой-то причине я стою прямо посреди широкой автострады, свободной от потока машин. Я не знаю как и зачем я сюда попал. Я даже не могу в точности вспомнить, что предшествовало моему здесь появлению. Но отчего-то я здесь.

Я осматриваюсь, меня немного удивляет то, что мимо меня на полном ходу не проносятся машины, дорога совершенно пуста. Очень странно, ведь на автострадах такого не бывает даже глубокой ночью.

Впрочем, довольно быстро я обращаю внимание на то, что по встречной полосе автострады движение ровно настолько же плотное, насколько ему подобает быть на скоростной трассе. Значит, машин нет именно в попутном направлении.

Я оборачиваюсь. Свет сотен фар неожиданно ослепляет меня. И в тот момент, когда я временно утратил возможность видеть, я неожиданно обрел возможность слышать. Десятки машин по не ясной мне пока причине остановились и теперь хаотично сигналият в беспочвенной надежде проехать. Кто-то что-то кричит. Я слышу, как открываются и захлопываются двери ближайших машин. А затем ко мне возвращается зрение, и я, наконец, могу узреть причину, по которой

дорога оказалась заблокирована.

Помехой движению является большая груда металлолома, которая своей бесформенной массой заняла всю дорогу. В этой массе с большим трудом можно разобрать фрагменты двух машин, и... Стоп! Подождите минутку! Это что моя машина?

Я подхожу ближе и различаю в груде металла все больше знакомых черт. Вот задняя дверь, на которой неустановленные лица еще в прошлом году написали гвоздем неприличное слово. Вот знакомый мне металлический фрагмент, в котором невероятно трудно опознать кусок переднего крыла. Я и сам узнаю его только по наклейке, которой я замаскировал появившуюся по весне ржавчину. И наконец, прямо под ногами я замечаю погнутую магнитную доску, на которой дочка вчера нарисовала для меня колокольчик. Доску сильно погнуло, она лежала в луже чего-то похожего на моторное масло, но сам колокольчик не стерся и до сих пор был хорошо различим.

Что происходит? Я делаю еще один шаг, приближаясь к груде металла, и тут откуда-то из глубин памяти возникает изображение. Оно статично, словно фотография. На нем большой, черный внедорожник, словно таран, пробивает ограждение и вылетает на встречную полосу.

Да, я вспоминаю этот момент. Я как раз ехал домой с работы, когда это случилось. Но что же было потом? Как ни стараюсь, я ничего не могу вспомнить. Я не знаю, как вы-

брався из машины, не помню, как отошел от нее. Осознал себя я уже на дороге в некотором удалении от места происшествия.

Вокруг груды металла тем временем уже начинают суетиться люди. Кто-то стоит поодаль и что-то громко кричит в телефон. Вероятно, вызывает экстренные службы. Двое мужчин робко двигаются по направлению к слившимся в единое целое автомобилям. Их осторожность можно было понять – по асфальту растеклись все возможные автомобильные жидкости, и вероятность возникновения пожара была вовсе не нулевой.

Ко мне никто не подошел, никто не справился о том, как я себя чувствую, никто не поздравил меня с невероятным везением. Вероятно, люди подумали, что я тоже лишь свидетель этого происшествия, а никак не его непосредственный участник.

Я замечаю, что от начавшей скапливаться толпы зевак отделилась девушка в желтой куртке. Она начала обходить место аварии таким образом, чтобы можно было заглянуть на водительское кресло моей машины. Она аккуратно ступает промеж кусков разорванного металла, а я иду за ней след в след.

Наконец, когда мы добрались до того, что ранее было водительской дверью моего автомобиля, девушка аккуратно заглянула в салон автомобиля, но тут же резко отпрянула, как будто там бушевало обжигающее пламя. Девушка начала

пятиться, зацепилась за какой-то металлический фрагмент, лежащий на асфальте, и осела прямо в грязь.

Не вставая, она начала судорожно отползать от машины не в силах встать на ноги. Ее глаза заполнили слезы. Она вся вывозилась в смеси масла и бензина, отчего ее ярко-желтая куртка стала черно-коричневой. Но она продолжала ползти и когда она сумела отдалиться от машины метра на два, ее вырвало. Дрожащей, запачканной маслом рукой она пыталась остановить рвоту, но не смогла этого сделать. Наконец к ней подбежал какой-то мужчина, подхватил на руки и куда-то потащил.

Я же подошел ближе к своей машине, чтобы взглянуть на то, что ее так смутило. И там я увидел...

Себя. За рулем сидел я, собственной персоной. От удара в салоне сработали подушки безопасности. И сработали они вполне штатно, но столкновение было такой силы, что у моего автомобиля просто вырвало переднюю панель, а рулевая колонка сильно выдалась в салон, сместившись вперед и вверх. Моя голова, покоящаяся на задранной подушке, была словно бы немного дальше от туловища, чем это было задумано природой. Более того, она была, повернута так, что слегка склонившийся вперед, я смог бы увидеть крышу своего автомобиля. Сейчас же я сидел так, что пустым взором смотрел вслед той девушке, что так ужаснулась этому зрелищу. Но девушку давно отнесли в безопасное место, так что тому я, что сидел в машине, оставалось лишь безучастно

смотреть на горизонт, как раз туда, где не так давно скрылось солнце.

Я заметил, что у меня на животе висит какая-то небольшая сумка, вроде тех, что когда-то давно носили продавцы на вещевых рынках. Странно, я никогда не носил поясных сумок. Я придвинулся поближе, чтобы разглядеть, что же это за сумка такая. И тут с ужасом я понял, что это вовсе никакая не сумка, а подошва моего кроссовка. Более того, в этом самом кроссовке была и моя ступня, отделённая от основного тела. Меня тоже замутило, и я попятился от машины.

– Это неприятно, – вдруг раздался голос сзади.

– Что? – я подскочил на месте и обернулся.

– Я имею в виду, что неприятно видеть свое тело, когда оно столь сильно повреждено, – сказал четко поставленным бархатным баритоном мужчина средних лет.

Мой собеседник был одет в аккуратно подогнанный черный костюм в тонкую красную полоску, под костюмом была белая сорочка, а венчал этот ансамбль красный галстук в тон полоскам на пиджаке. Очень странно что он решил одеться именно так, ведь именно в такой одежде восемь лет назад я вел свою жену под венец.

Лицо мужчины так же показалось мне знакомым, очень знакомым. Где-то я его видел, и не один раз, но где?

– Вы, кажется, актер? Или известный музыкант?

– Или спортсмен, – он мягко улыбнулся и кивнул.

– Спортсмен?

– Я не уверен. Это ты меня создал, и ты выбрал мне такую внешность. Мне не дано знать, каким ты меня себе представляешь.

– Я? – У меня начали трястись руки, и возникло ощущение, навеянное далеким детством, когда ты теряешься в огромном магазине и начинаешь с ужасом искать маму.

– Да, ты создал меня.

– Но, кто ты?

– Я проводник.

– И куда же ты хочешь меня проводить?

– Я не знаю. Я лишь составлю тебе компанию в твоём странствии. Нам предстоит довольно продолжительный путь.

– Путь? Какой еще путь?

– Путь, который пройдет твое сознание с момента, когда твое тело перестанет функционировать, до того как твое сознание не угаснет.

– погоди. Я что умер?

– Да, пару минут назад твоя гибель стала необратимой.

– Ага. Слушай, мужик, не знаю чего ты добиваешься, но я только что пережил аварию. Так что лучше оставь-ка меня в покое.

С этими словами я отвернулся от этого типа и постарался отойти от него как можно дальше. Я шел очень быстро, едва не бежал. Остановиться меня заставила лишь магнитная доска, на которой был нарисован колокольчик. Я нагнулся,

чтобы достать ее из масляной лужи, но не смог поднять, она словно бы была приклеена к асфальту.

– Мы сейчас в твоём последнем воспоминании. Тело практически перестало функционировать, но мозг, получив невероятный заряд энергии от агонизирующего организма, сумел детально запечатлеть все, что происходило в этот момент вокруг. Но очень скоро это воспоминание станет меркнуть, и если мы хотим сделать все, что запланировано, то следует поторопиться.

Я ничего не ответил, а молча присел подле магнитной доски и провел рукой по неказистому колокольчику, нарисованному синим маркером. Палец неожиданно оставил на доске черный след, словно бы был вымазан в чернилах. Я испуганно отшатнулся и резко встал на ноги. А эти непонятно откуда взявшиеся черные чернила тем временем уже появились буквально повсюду – они стекали с лиц тех, кто стоял подле места трагедии, вытекали из машин и даже мелким дождевиком капали с неба.

Все эти чернила собирались густой, вязкой массой подле наших ног и уровень жидкости довольно быстро поднимался. Черная масса, отражавшая свет фонарей матовым блеском довольно быстро скрыла под собой асфальт и поднималась все дальше.

Я вопросительно посмотрел на странного мужика в костюме.

– Последний всполох твоего сознания меркнет. Сердце

остановилось, мозг, еще недавно работавший на пределе возможностей, лишился подпитки и начинает умирать. Скоро это воспоминание перестанет существовать, а затем и перестанешь существовать и ты сам. Но ты еще можешь обратиться к своей памяти и ненадолго задержаться в своих воспоминаниях.

– Так вот как это выглядит. – Сказал я, смотря на мир, медленно превращающийся в черное ничто. – А я думал, что будет тоннель с белым светом в конце или, может, например, ангелы прилетят.

– Тот, кто верит в ангелов, видит ангелов. Тот, кто ожидает увидеть свет в конце тоннеля, увидит его. А ты – рационалист. Ты верил только в то, что перед смертью твоя жизнь пронесется перед глазами, а затем ты отправишься в небытие. Все происходит ровно так, как ты и предполагал.

– Я...

У меня затряслись плечи. Я невольно заплакал. Я не в силах был поверить, что все это правда происходит со мной. Слезы сами по себе обильно текли по моему лицу и капали вниз, смешиваясь с вязкой, черной массой.

– Я не хочу видеть всю мою жизнь. Я хочу только еще раз увидеть свою дочь и свою жену. Большого мне и не надо.

– Если хочешь – обязательно увидишь. Но нам надо поспешить.

– Хорошо, только пообещай мне, что мы их увидим.

– Я часть тебя. Обещай самому себе, что мы увидим их,

и это обязательно произойдет.

Сцена 1

Мы оказываемся в незнакомом мне месте. Думается, что мы находимся в каком-то крайне неухоженном парке. Старые, покореженные клены раскинули над нашим головами свои золотые кроны. Сквозь уже частично облетевшую с них листву видно серое, по-осеннему безликое небо. А из-под ног куда-то вдаль уходит изувеченная временем и разрухой пешеходная дорожка. Листву с дорожки никто и не думал сметать, посему смоченная дождями и спрессованная тысячей ног, она образовала плотную и скользкую массу, по которой столь тяжело ходить.

Далее, петляя между деревьев, дорожка практически теряется в непомерно разросшемся кустарнике. Когда-то давно эти кусты высадили для того, чтобы они обрамляли лавочки, установленные по обе стороны пешеходной дорожки, но теперь здесь был самый настоящий бурелом. Всюду валялся мусор и пустая стеклянная тара, а часть лавочек и вовсе были полностью разрушены.

Издали я замечаю, что одна из уцелевших лавочек занята. Кажется, на ней сидит девушка, а перед ней стоит видавшая виды детская коляска. Девушка остается абсолютно неподвижной. Люди не бывают настолько неподвижными, и в этот момент я оглядываюсь по сторонам для того, чтобы осознать, что все вокруг нас неподвижно – не колышется листва, не шумит осенний ветерок. Все статично, словно

картина.

Проводник никак не реагирует на происходящее, и я, не зная, что делать, направляюсь к той самой девушке с коляской. Проводник молча следует за мной.

Кажется, что-то идет не так. Не уверен, что это мое воспоминание. В этом парке я никогда ранее не бывал, да и девушка с ребенком кажутся мне абсолютно не знакомыми.

Проводник обещал мне, что я увижу здесь жену и дочь, но, получается, обманул. И когда я вспомнил о близких, то все мои внутренности словно сдавила невидимая рука, отчего у меня даже сперло дыхание. В эту секунду проводник положил мне руку на плечо, как бы пытаясь ободрить.

– Всему свое время, – сказал он.

– Откуда ты знаешь, о чем я подумал?

– По какой-то причине ты хочешь, чтобы я был здесь, но не забывай, я – лишь часть тебя.

Я не нашелся что сказать, ведь спорить с самим собой – это воистину лишнее занятие, и просто пошел дальше.

Когда мы подошли ближе к лавке, и я смог, наконец, лучше рассмотреть лицо девушки, что сидела подле коляски, то лишь убедился в том, что это не мое воспоминание, и я никогда не был знаком с этим человеком.

Это была красивая девушка со спортивной фигурой, явно следившая за собой и поэтому быстро пришедшая в форму после родов. Ее светлые волосы были убраны в тугой пучок,

а узкое, скуластое, но в то же время удивительно красивое лицо ничего в данный момент не выражало.

Эта девушка мне определенно нравилась, при взгляде на нее я испытал некое приятное и теплое чувство. Но я никак не мог понять кто же она. И тут вдруг подул легкий ветерок, принесший запах прелой листвы и далекого костра. Сам по себе этот запах всегда казался мне приятным, а когда он нахлобился на образ этой милой девушки, то мне вдруг стало невероятно комфортно. В этой жизни такое сильное чувство единения мы способны испытать, будучи рядом только с одним-единственным человеком.

– Мама. – Наконец понял я.

И в этот момент все вокруг пришло в движение. Зашуршала на ветру еще не облетевшая с кленов листва, откуда-то донесся беззаботный детский смех, и где-то далеко заскрежетал по рельсам ржавый трамвай. А ребенок, лежавший в коляске вдруг начал горько плакать, надрываясь и захлебываясь. Глаза девушки мгновенно наполнились слезами, а лицо растянулось в уродливую гримасу.

– Малыш, пожалуйста! – жалобно взмолилась она, а ее подбородок мелко задрожал.

Затем она достала малыша из коляски и попыталась дать ему бутылочку. Но тот ногой выбил питье из рук матери, и стеклянная бутылочка разбилась о землю, окрасив желтую листву белый цвет.

– Я больше так не могу!

Девушка закричала так громко, что ребенок, испугавшись на секунду, успокоился, но лишь для того, чтобы затем расплакаться пуще прежнего. Женщина отстранила ребёнка от себя и, держа его на вытянутых руках, внимательно посмотрела на него. Кажется, в эту секунду она была готова со всей силы швырнуть его на землю. Но, видимо, как только эта мысль утратила аффект и сформировалась в двигательный импульс, имеющий определенные последствия, девушка испугалась саму себя и прижала к себе ребенка так крепко, как только могла.

Она сжала ребенка в крепких объятиях и попыталась напеть ему какую-то незамысловатую песенку, но сама она при этом тихонько плакала, отчего ее голос осип и дрожал.

Что же касается ребенка, то есть меня, то он продолжал безостановочно кричать. Но вскоре усилия девушки дали свои плоды и, подрагивая от каждого собственного вздоха, ребенок все же задремал. Девушка аккуратно переложила его в коляску и укутала так, как подобает. А затем вернулась на лавку и, спустя буквально минуту, что она старалась найти в себе некую эмоциональную опору, не выдержала и спрятала лицо в руках.

Я сел на лавку рядом с ней. Я очень хотел обнять маму и сказать ей те теплые слова, что мы обычно забываем вслух сказать своим близким, когда на то еще есть время. Но в этот момент мир вокруг замер и все снова превратилось в какую-то бессмысленную декорацию. Моя мама так и замер-

ла сторбленная от рыданий с руками подле лица.

– Что это было? – Спросил я у проводника, до сих пор стоявшего в стороне и хранившего молчание.

– Это было твое самое первое воспоминание.

– Но я уверен, что не помню все это. Я не помню маму такой.

– По неизвестной причине твой мозг сохранил в памяти именно эту сцену. Но это нормально, ведь твое сознание еще только начало формироваться, и память впитывала в себя случайные образы из твоих ранних лет. Да, сцена отрывиста, и по ней трудно понять, когда это в точности было. Но это живет в твоей голове, и ты пронес эту память через всю свою жизнь.

– Разве? Я же говорю, что не помню всего этого.

– А помнишь ли ты этот аромат листвы и костра? Он ведь так нравился тебе на протяжении всей жизни. Даже не отдавая себе в том отчет, почувствовав его, ты всегда вспоминал маму – звонил ей или начинал планировать свой визит. А что бывало, когда ты доводил маму до слез?

– Я всегда очень крепко ее обнимал. Настолько крепко, насколько только мог.

– Да, ровно так же, как она обнимала тебя в тот день.

– Удивительно.

– Согласен, в этом есть что-то прекрасное. Нас формируют мелочи, на которые мы часто даже и не обращаем внимания, потому что просто не помним откуда они взялись. Ты

не запомнил, какой в ту пору была твоя мать, ты не сохранил в памяти этот парк, что вскоре будет застроен новым микрорайоном, но эти объятия и смесь запахов листвы с костром были с тобой всю твою жизнь и в какой-то мере определили твою судьбу.

– Хорошо, я действительно был рад увидеть маму, но можем ли мы перейти к воспоминаниям о моей дочери?

– Пока нет.

– Почему?

– Потому что сейчас ты хочешь вспомнить кое-что другое.

Сцена 2

Мы оказываемся в тесной и темной комнатухе. Здесь очень мало места, и не только потому, что помещение маленькое само по себе, но и потому что комната сильно захламлена. Любая горизонтальная поверхность занята стопками каких-то разноцветных тканей, а по полу вперемешку с детскими игрушками лежат бесчисленные мотки ниток. Из мебели здесь есть только старый платяной шкаф с зеркалом, диван-кровать, что под тяжестью лет сломался, да большой круглый стол.

Я хорошо помню этот стол, он достался нам от моей прабабушки. Можно сказать, фамильное достояние. Он был невероятно тяжелым, и настолько старым, что скрипел даже тогда, когда кто-то просто проходил мимо него, даже не прикасаясь к столу. Лак на столешнице давным-давно потрескался, а мой дед, будучи ребенком, из хулиганских побужде-

ний выцарапал свое имя прямо посреди стола.

Да, если не кривить душой, этот стол давно уже стоило выбросить, но другого стола у нас попросту не было и старичку приходилось вынужденно переживать свою вторую молодость.

Сейчас половина стола была занята уже раскроенными тканями, а на другой громоздилась большая швейная машинка родом из западной части восточной Европы. Надписи на ней были едва читаемы, а все белые пластиковые детали стали желтыми от времени, словом, она уже давно утратила свой товарный вид, но, словно бы из жалости к своей хозяйке она еще работала. Скрипела, рвала нитки, иногда «давала клина», но работала.

В этой комнате всегда было очень темно, так что даже днем приходилось зажигать лампы, иначе все предметы вдруг начинали утопать в локальных сумерках и теряться из виду.

Я подошел к окну и выглянул во двор.

Естественно, первым, что бросилось мне в глаза, была решетка, закрывающая окно снаружи. Да, мое детство как раз пришлось на те времена, когда просто жить на первом этаже уже было достаточно опасно. Посему все, кто мог себе это позволить, навешивали на окна решетки. Они были невероятно уродливы. Но кое-как сварганенные из обычной арматуры пьяным сварщиком «пока мастер не видит» они давали людям того чего им крайне не хватало в ту пору – чувства

защищенности.

Далее у цоколя, прямо под окном нашей комнаты стояли две раскидистые рябины. Именно из-за них в нашей комнате всегда было темно. Мама много раз собиралась опилить те ветки, что буквально уже лезли в наше окно, но постоянно забывала.

А как раз прямо между рябин расположилась самодельная лавка, на которой любил курить пахучие папиросы из красной пачки хозяин нашей квартиры – деда Миша. Он как раз сейчас сидел и смолил папиросу. Я хотел было его позвать, но потому, что деда Миша сидел неподвижно, а султанчик дыма от его папиросы замер в воздухе я понял, что снова нахожусь в статичных декорациях.

Вообще, деда Миша был очень хорошим человеком, с очень нехорошей судьбой. В силу непредвиденных обстоятельств на его долю выпало то, что он один воспитывал своего внука – Максима. Деда Миша был ветераном Великой Отечественной войны, и в силу возраста забывая тексты детских сказок, частенько вместо них рассказывал внуку о своих фронтовых буднях. Это и определило жизнь Максима. Юноша с самого детства хотел быть танкистом, как дедушка, и когда подошел подходящий возраст, отправился в военное училище.

Не успев толком окончить учебу, он был призван для несения дальнейшей службы на юг нашей страны, где как раз тогда разгорелся ожесточенный внутренний конфликт. И во

время выполнения первой же своей боевой операции Максим сгорел вместе со своим танком.

Их неопытный экипаж не заметил засады, и противник с легкостью обездвигил, а затем и поджег танк. Далее, для того чтобы стянуть на себя большие силы союзников и помешать продвижению войск, противник применил очень грязную тактику – своим плотным огнем, они не давали как экипажу выбраться из горящей бронемашины, так и кому-либо подобраться к технике.

Горящую машину и безуспешные попытки солдат подойти к ней умудрились снять на камеру репортеры центрального телевидения, и уже с утренним блоком новостей этот сюжет облетел всю страну. Видел эти жуткие кадры и деда Миша

И любой другой бы на его месте сдался. Но деда Миша решил, что в нем еще было слишком много душевного тепла, чтобы растрчивать его попусту и тогда он нашел нас. За символическую плату он пустил в освободившуюся комнату одинокую молодую мать с маленьким мальчиком на руках, у которых не было крова над головой.

Так мы и жили в этой комнате первые четыре года моей жизни. А деда Миша, зная, что у матери постоянно не было денег, всегда пытался делиться с нами деньгами. Мама этого крайне не одобряла, и тогда он приноровился помогать нам скрытно. Он всегда добавлял кусочки мяса в наш постный суп, частенько подкладывал котлету в пережаренные с яйцом

макароны – блюдо, что невероятно часто готовила моя мама. И, самое главное, он каждое утро насыпал в карман моей курточки горсть конфет. За что неоднократно бывал незлобно охаян моей матерью, но все равно продолжал это делать.

В этот момент мне показалось, что дверь в комнату открылась. Я обернулся. И верно, на пороге комнаты стояла мама и какой-то статный мужчина в черной форме.

До того как привести в комнату этого странного типа мама, очевидно, стряпала на кухне. На ней был китайский кухонный передник с нарисованными котятами, надетый поверх разноцветного домашнего халата. Ее волосы были кое-как собраны на затылке, а лицо вспотело от жара, исходившего от плиты. Но даже в таком виде она все еще была хороша собой. Да, из-за дешевой и некачественной еды она немного располнела, но благодаря этому резкие черты ее лица немного сгладились, что лишь добавило ей красоты.

А вот мужчина был мне незнаком. Высокий, с идеальной осанкой, он был одет в красивую черную форму с золотыми погонами, из-под которой виднелась бежевая сорочка и черный галстук. Он был намного старше мамы. Ежик волос на его голове был обильно отмечен сединой, а гладко выбритые щеки огрубели и начали понемногу обвисать.

– Убедился? – мама обвела комнату рукой. – Его здесь нет.

– Я хочу видеть своего сына! Где он? – у мужчины был идеально поставленный командирский голос. Если военные и могут ассоциироваться с голосом, то именно с таким.

– Гуляет.

– Где?

– Это неважно. Просто гуляет.

– Почему ты не даешь мне его увидеть?

– Ой, смотрите-ка, в ком-то проснулись отеческие чувства?! Моряк, ты слишком долго плавал.

– Оставь свои шуточки и ответь мне, куда спрятала моего сына. – Он повысил голос.

– Тихо ты, он ведь тебе и не сын вовсе. В графе отец у этого мальчика стоит прочерк. Ты ему никто.

– Я его отец, я хочу быть с ним.

– Знаешь, я где-то уже эту песню слышала. Да-да, помню, дело было около четырех лет назад. Она была восемнадцатилетней студенткой текстильного училища, он – морским офицером, что служил на подводной лодке, а сейчас приехал повышать квалификацию.

Она влюбилась в него без памяти. И не удивительно, ведь он был так хорош – сильный, решительный и невероятно красивый. А уже через два месяца она узнала, что беременна и принесла радостную новость своему возлюбленному. «Раз я отец, то буду его растить», – сказал он тогда.

А что потом случилось? А?

В ответ мужчина в форме лишь злобно зыркнул на нее.

– Он просто исчез. А молодая дурочка все пыталась его найти, озадачивая всех вокруг все увеличивающимся животом. И вот, наконец, она смогла найти его адрес и написала

ему длинное письмо. А ответ ей пришел уже от его жены, которая с тремя детьми, где-то на берегу далекого северного моря, ждала, покуда ее муж вернется со стажировки.

И ты думал, что просто придешь, и тебя примут тут как родного? Малыш побежит к тебе с радостными криками, а я в красивом платье с накрученными кудрями повисну у тебя на шее?

Вали отсюда, морячек. Нам и без тебя хорошо.

Тут мужчина вдруг покраснел и неожиданно со всего маха отвесил маме звонкую пощечину. От этого удара ее аж развернуло и она тихонько застонала.

– Не смей так говорить с морским офицером! – закричал раскрасневшийся мужчина.

Этот мужчина крупно ошибся в самом главном. Он думал, что моя мама не изменилась за годы, прошедшие с моего рождения. Считал что она все та же красивая и наивная студентка текстильного колледжа.

Но нет. От той девушки, что плакала сидя возле коляски в парке, практически ничего не осталось. Ведь тогда от нее отвернулись почти все. Подружки, еще недавно превозносившие ее за отношения со взрослым мужчиной, теперь иначе как «постилка» к ней не обращались. В училище ей сначала вынесли дисциплинарный выговор, а потом и вовсе отчислили. Но самый серьезный удар она получила от родителей, когда однажды пришла к себе домой и увидела, что в двери установлены новые замки, а на пороге ее ждет спортивная

сумка с вещами.

Какое-то время она жила у папиной мамы в деревне. Но после родов она не смогла найти там работу и вернулась в город, где и нашла по объявлению в газете комнату у деда Миши. Из родственников ей помогала лишь эта самая бабушка. Та не в силах была высылать денег, поскольку у нее самой их тоже не было, зато постоянно высылала нам посылки с тем, что давала ей щедрая деревенская земля. Прабабушка отправляла нам соленья, картошку, сушеные яблоки и многое другое. Получилось так, что какое-то время наша семья жила только тем, что пересылала бабушка, да чем делился дед Миша.

Но она выбралась. Сначала она подрабатывала продавцом в отделе одежды, затем подмастерьем в ателье и, наконец, стала шить на дому, что стало приносить ей приличные по тем временам деньги.

И вы думаете, что женщина, вытащившая себя и ребенка из лап голодной смерти, просто так стерпит пощечину? Конечно же, нет.

Мама схватила со стола тяжелую деревянную коробку со швейными принадлежностями и раньше чем «моряк» успел что-то понять, со всего маха ударила его коробкой прямо в челюсть. И покуда он ошарашенно пятился на нее, размашистым обратным движением она нанесла ему удар углом коробки прямо в глаз. После чего мужчина беспомощно повалился на пол.

Но нет, она с ним еще не закончила. Словно футболист мама со всего маха зарядила ногой мужчине в промежность, удар был такой силы, что тому оставалось лишь лежать и жалобно кряхтеть.

Мама наступила ему на горло и, замахнувшись над его головой деревянной коробочкой, зашипела.

– Если ты, мразь, еще хоть раз появишься в нашей жизни, то я вырву твои яйца с корнем и заставлю их съесть сырыми. Ты меня понял?

Мужчина лишь простонал что-то в ответ. Поэтому мама перенесла свой вес на его горло и снова спросила.

– Не слышу. Ты все себе уяснил?

– Да, все уяснил.

– Молодец, красавчик. Давай ползи отсюда, урод, пока я тебя на дубленку не пустила.

И в момент, когда мама отнимала ногу от горла мужчины, картинка вновь замерла.

Мужчина с размазанными губами и практически выбитым глазом замер, испуганно смотря на ту девчущку, которой он, казалось бы, еще недавно просто воспользовался для своего досуга, и что теперь разворотила ему все лицо и вероятно лишила возможности к воспроизводству.

А я стоял подле мамы, смотрел на ее перекошенное праведным гневом лицо и гордился. Да, я гордился своей мамой. Этой женщине пришлось пройти ускоренный курс взрослой жизни, метафорически выражаясь, ее научили плавать про-

сто столкнув в воду. Но взамен она приобрела то, что никогда бы не получила ни в каком институте. Тяготы жизни вынудили ее выковать настолько твердый характер, что уже очень скоро она пойдет к вершине никого не жалея и мстя всему миру за то, что он от нее отвернулся.

Но это все будет сильно позже, а пока у нее есть лишь комната в коммуналке, старый стол да швейная машинка. Ну и, конечно, у нее был тот, из-за которого вся ее жизнь пошла кувырком – ее любимый сын.

– Кстати, – неожиданно нарушил молчание проводник. – Это вроде твое воспоминание, но ты так в нем не появился. Помнишь, где ты все это время был?

– Конечно, я был вон там.

Я улыбнулся и указал пальцем на платяной шкаф, стоявший по стене прямо напротив двери. После чего я не спеша подошел к шкафу, присел и, заглянув в щелку приоткрытой дверцы, встретил замерший, немного встревоженный детский взгляд.

– Тебя спрятали? – удивился проводник.

– Да, как только мама увидела отца на пороге нашего дома, то сразу повелела мне спрятаться в шкафу и тихонько там сидеть, покуда он не уйдет. Что я и сделал.

– Ты не жалеешь о том, что тогда не познакомился с отцом? – спросил проводник.

– Нет. Я никогда об этом не жалел и никогда не искал своего отца. Пару лет назад в соцсетях со мной попытался выйти

на связь мой единокровный брат, но я его проигнорировал, о чем тоже несколько не жалею. Эти люди были мне чужими, а сам отец не заслужил ни прощения, ни снисхождения. Пожалуй, было бы лучше, если бы я не знал его вовсе. Но случилось то, что случилось.

– Как думаешь, как сильно эта встреча повлияла на тебя? – нарушил недолгое молчание проводник.

– Я думаю не так сильно. Что я мог вынести для себя из того дня? Тот факт, что внешность обманчива? Или, например, запомнить запах чистого белья?

– А как же ненависть к людям в форме?

– Что, прости?

– В тот день ты навсегда возненавидел всех, кто носил форменную одежду.

– Не совсем понимаю.

– Давай напомню. Пятнадцать лет спустя, тихой июньской ночью ты шел переулками из бара домой, и тут увидел, как хулиганы отобрали у мужчины сумку, а затем, за отчаянное сопротивление несколько раз ударили его дубинкой по голове. Ты побежал к нему на помощь, но тут заметил, что мужчина был одет в военную форму. Он стонал, звал на помощь, его голова была сильно разбита, и все вокруг было в крови. Но что же ты сделал?

– Я ушел.

– Верно. Ты просто взял и ушел, оставив человека в беде и не испытывая потом никаких угрызений совести. А пом-

нишь Таню?

– Конечно, я помню Таню! Глупый вопрос! Мы встречались с ней целых два года.

– А почему ты решил разорвать эти отношения?

– Ну а почему вообще люди расстаются? Угасли чувства.

– И это, конечно, никак не связано с тем, что когда ты пришел знакомиться с ее родителями, то увидел на пороге ее папу в форме с золотыми погонами?

– Стоп?! Неужели все так просто?

– Воспоминания детства не только приносят нам приятные ассоциации, но и калечат нас куда больше чем то, что нам придется пережить впоследствии. Если собака укусит взрослого человека, то он воспримет это как случайность или невезение. Если собака укусит ребенка, то он запомнит это навсегда, а в его голове со временем созреет либо страх, либо ненависть.

– Логично, и почему такое понимание не приходило ко мне раньше. Ведь тогда я смог бы с собой что-то сделать.

– Не смог бы. Так же, как и приятные чувства, вызываемые запахом листвы и костра, эта ненависть со временем составила часть тебя, и как-либо с ней совладать ты не в силах.

– А почему я понял это именно сейчас?

– Потому что эти мгновения – лебединая песня твоего мозга, те последние моменты, что он работает на пределе своих возможностей. Ты же хотел в последний момент жизни увидеть и переосмыслить свою жизнь? Как раз сейчас твое

желание исполняется.

– Мне немного неприятно, что ты постоянно напоминаешь мне о том, что прямо сейчас я умираю в обломках своей машины.

– Если бы ты не хотел об этом вспоминать, то не вложил бы эти слова в мои уста.

Сцена 3

Благоухающее лето. Яркое солнце, висящее прямо над головой, светит так нестерпимо ярко, что невозможно поднять взор от носков своих ботинок и при этом не прищурится. Ближайшая к нам звезда так сильно разогрела нашу планету, что нечаянно превратила воздух в горячее вязкое масло, в котором утопает любое движение. Даже сухой, знойный ветер, пробегая меж ветвей деревьев, едва может заставить листья трепетать в этой густой горячей массе.

Окруженные молодым березняком мы стоим на пологом склоне, плавно спускающемся к реке. Где-то там внизу промеж тонких стволов берез можно разглядеть ослепительные блики безжалостного солнца на ровной глади воды. Иногда со стороны реки доносятся радостные вопли, предшествующие громким всплескам воды. Это местные ребяташки, спасаясь от полуденной жары, играют на воде. Когда кто-то из них плюхается в воду, по воде расходятся круги, которые по-новому преломляют солнечный свет и кажется, что промеж деревьев видно вовсе не медленнотекущую реку, а волнами поднимающееся неистовое пламя.

Прямо перед нами, в укромном месте чуть поодаль от реки, в тени особенно раскидистого и высокого дерева устроили пикник двое молодых людей. Симпатичная девушка лет двадцати, что была одета в свободную серую футболку и короткие черные шорты, просто сидела на пледе и, обхватив колени руками, смотрела на тонущий в жарком мареве лес. Нет, она вовсе не разглядывала деревья, мыслями она была где-то далеко и лишь иногда украдкой улыбалась полету своей фантазии. Ее густые кучерявые волосы были собраны массивной заколкой на затылке, при взгляде на которую казалось, что заколка вот-вот не выдержит и сломается. Но пока все пребывало в шатком равновесии.

Тут девушка выпрямила ноги, поднесла правую руку к лицу и тронула переносицу безымянным пальцем. Привычное движение, очевидно, она долгое время носила очки, а затем стала использовать линзы, впрочем, навсегда сохранив эту привычку поправлять несуществующие очки.

Ее компаньоном по праздному досугу был молодой человек из того сорта людей, которые выглядят так, будто прямо сейчас готовы к фотосессии в глянцевом журнале. Загорелый блондин с узким лицом и невероятно большими глазами цвета ясного неба. На нем были только пляжные шорты, футболку он предусмотрительно снял, представив на рассмотрение своей спутнице свой проработанный торс.

Сейчас молодой человек аккуратно нарезал фрукты и раскладывал их на пластиковую тарелочку. Тут он позвал де-

вушку, та отвлеклась от созерцания леса и придвинулась к нему. Он попросил ее закрыть глаза, что та с готовностью сделала. Молодой человек достал откуда-то припрятанную клубнику и положил ее девушке в рот, после чего приблизился к ней и попытался нежно ее поцеловать, но та ловко увернулась, погрозив ухажеру пальцем.

Очевидно, для обоих пикник шел вовсе не по тому сценарию, что они себе представляли. Молодой человек, очевидно, рассчитывал получить в этом укромном месте нечто куда более значительное, нежели просто трапезу на природе. И, поняв, что ничего не выйдет, без какой-либо охоты исполнял положенный случаю церемониал. А девушка и вовсе чувствовала себя здесь лишней. Вот знаете, когда ты идешь на свидание с понравившимся человеком, он как бы невзначай говорит какую-то незначительную фразу, и ты в тот же миг резко понимаешь, что это ошибка, что это вовсе не тот человек с кем ты хочешь сейчас быть. И лицо девушки, ее поза и жесты однозначно говорили о том, что буквально пару минут назад она осознала ошибочность своих суждений и единственное чего она сейчас хотела – поскорее вернуться домой.

– Я одного не пойму, – Вдруг понял я, смотря на динамично растущую между двумя молодыми людьми стену непонимания. – Почему теперь картинка движется?

– Все дело в специфике человеческой памяти. – Ответил проводник. – То, что мы сейчас видим, произошло не так

давно. Твой мозг вполне способен воспроизводить и местами домысливать это воспоминание без каких-либо стимулов. Воспоминания же твоего детства обрывочны и спрятаны глубоко в подсознании. Сквозь всю свою жизнь ты пронес лишь ассоциации – ключи к тем воспоминаниям. Запахи, привычки, объекты для ненависти и так далее. И те воспоминания воспроизводятся в твоей подсознании лишь тогда, когда один из этих ключей встречается тебе на жизненном пути. Даже сейчас, когда ты имеешь доступ ко всем участкам твоей памяти, тебе потребовались дополнительные стимулы, чтобы привести картинку из воспоминаний глубокого детства в движение. Посему дела давно минувших лет статичны, а твое настоящее – динамично. Только вот у меня тоже есть вопрос.

– Какой?

– Этот загорелый «красавчик» явно не ты, уж не обижайся. И мне совершенно неясно, почему мы присутствуем на свидании этих милых молодых людей, а не следим за твоей жизнью. Зачем ты выбрал этот момент? Где в нем ты?

И в этот момент, нарушая столь идиллическую картину, кто-то очень громко закричал. Так могут кричать лишь от бессилия, когда, например, видят, что ребенок тянет свои маленькие ручки к оголенным проводам. Этот выкрик содержит в себе призыв, он призывает к осторожности, взывает к инстинкту самосохранения. Но в то же время кричащему совершенно ясно, что на слова как раз таки времени

уже не осталось, ни в одном языке нет настолько коротких и емких форм, дабы успеть выразить что-то конкретное. Поэтому остается лишь нечленораздельный предостерегающий выкрик.

Именно в этот момент уютный мир отдыха на природе разрушается. Откуда-то со склона на полном ходу вылетает горный велосипед. Его наездник никак не ожидал увидеть посреди своей привычной трассы пару безмятежно трапезничающих на воздухе людей. А безмятежно трапезничающие на воздухе люди тем более были удивлены видеть летящий прямо на них велосипед, наездник которого был облачен в специальную защиту, отчего был несколько похож на злобного рыцаря из старого сказания о кольцах.

Молодой человек, что еще недавно беспечно нарезал фрукты, с большим запасом успел отскочить в сторону, девушка же лишь успела подтянуть под себя ноги. Однако и велосипедист уже среагировал и начал отворачивать в сторону, посему голые девичьи ножки и измазанный грязью велосипед все же разминулись буквально на пару сантиметров.

Однако велосипедист из-за этого маневра окончательно потерял равновесие и начал заваливаться набок. Не способствовало выравниванию и то, что он зацепил педалью плед, на котором все еще лежала девушка, а задним колесом как раз влетел в ту самую злополучную тарелку с фруктами.

Масса велосипеда и наездника была несравнима с массой девушки, хоть назвать ту худышкой язык не поворачивался.

Посему велосипед резко вырвал плед из-под девушки, повалив ту навзничь, но и сам при этом дернулся так, что наездник вылетел из седла вперед через руль.

Первой ему встретилась молодая березка, о которую он со всего маха ударился шлемом, затем его развернуло в воздухе и прямехонько коленом он влетел в торчащий из земли корень. Остановился велосипедист только после третьего удара спиной о ствол стоящего вниз по склону дерева, подле которого он, наконец, неподвижно замер.

Каких-то пять секунд все казалось неподвижным, лишь переднее колесо велосипеда, лежавшего теперь в стороне от основного места действия, продолжало вращаться. Затем девушка вскочила на ноги и, на ходу осматривая ободранное о траву бедро, рванула туда, где лежал велосипедист.

Когда она подбежала к нему, то тот как раз очень неловко пытался снять защитные очки. Очки никак не давались, они все время цеплялись за забрало шлема, постоянно возвращаясь на исходное место. Девушка присела подле него и аккуратно помогла травмированному экстремалу справиться с непослушной экипировкой.

И теперь я, наконец, смог разглядеть собственное лицо.

Мне едва стукнуло двадцать, я был еще совсем молод. Тогда модно было носить неухоженную бороду, слушать независимую музыку и заниматься экстремальными видами спорта. И все эти веяния времени, вполне точно меня характеризовали. Я покорно следовал причудам характерным для

людей моего поколения, был, как говорится, на волне. Как и любое другое поколение до нас в пору молодости мы боролись за свою индивидуальность, будучи абсолютно идентичными меж собой. Что поделаться, таков удел беззаботной юности – быть вместе со всеми не таким, как другие.

Правда, сие происшествие начисто убило во мне всякую охоту рисковать здоровьем ради острых ощущений. И сейчас я, пожалуй, даже рад, что сумел остановиться именно так, а никак иначе.

Но тогда я лежал подле березы и изредка постанывал. От удара спиной я не мог дышать полной грудью, и дышал поверхностно, словно только что пробежал без подготовки марафон по морозу. Мои глаза пытались сфокусироваться на лице девушки, но никак не могли сделать это, отчего я пытался посмотреть на нее то одним глазом, то другим. А нога, несмотря на защиту, распухла и была, очевидно, сильно повреждена.

– Ты как там? – не зная, что вообще надо делать в такой ситуации, спросила девушка.

– Я хорошо. У меня все хорошо! – я выглядел крайне глупо, но все пытался держаться бодро даже в сложившейся ситуации.

– Где болит?

– Нигде не болит.

– А почему кряхтишь? – просто не зная, куда деть руки, она положила мне ладонь на грудь.

– Не знаю. Ой, а ты очень красивая, оказывается.

– У тебя глаза вместе собраться не могут, как ты это разглядел-то?

– Меня прям вот сводят с ума девушки с кудрявыми вол...

– Эй! Стой!

Мои глаза начали закатываться, дыхание сбилось.

– Не уходи! Мы же так хорошо начали.

Но я уже начал терять сознание. Утопая в вязком омуте безвременья, сквозь тягучую темную пелену я слышал, как она просила меня что-то ей ответить. Она трясла меня, отвешивала пощечины, кажется, даже предложила мне спросить ее, не нужен ли ее маме зять. Но я уже отбыл, первый шок прошел, и я терял сознание.

В этот момент знойный летний день превратился в статичную картину, где замерли потерявший сознание велосипедист и девушка, что склонилась над ним с испуганным выражением лица.

– Эффектное появление. – Заметил проводник.

– По итогам месяца, проведенного в больнице, я могу заверить, что оно того не стоило.

– Не надо лукавить, ведь ты знаешь, что стоило. Месяц неудобств, но мы оба знаем, что ты получил взамен.

– Да, тут согласен. В обмен на сотрясение мозга, ушиб легкого и повреждение мениска я получил главное сокровище в своей жизни.

– О, наконец я вижу, как ты улыбаешься. Неудивительно,

ведь мы встретили одну из двух женщин, что ты так жаждал увидеть. Расскажи, как вы потом сошлись? Она тебе позволила?

– Стой, ведь ты – это я. Ты же сам все прекрасно знаешь.

– Да, а еще я знаю, что ты возможно создал меня как раз для того, чтобы было с кем разделить столь приятные моменты. Так что рассказывай. Она позвонила?

– Нет, она просто пришла ко мне в больницу. Помню, как она зашла в палату в таком стареньком белом халате со штампом больницы. Стоит себе скромненько у моей кушетки, смотрит на меня, улыбается и не знает, что сказать. Тогда я уже мог сфокусировать взгляд на удаленным предметам и в тот день я впервые ее именно увидел. Увидел широкую улыбку на ее округлом лице, разглядел маленькую родинку на подбородке чуть справа от уголка губ. А затем я посмотрел в ее серые глаза, благодаря разрезу которых всегда казалось, что у нее томный, немного игривый взгляд и внутри меня словно провернулись жернова. А она стояла и все пыталась поправить свои курчавые волосы, постоянно выбивающиеся из-под заколки. Кстати, как я позже узнаю, у нее была целая коллекция этих заколок, которую я по сей день с большой охотой пополняю.

– И что же ты ей сказал?

– Я просто озвучил последнее, что вспомнил из того судьбоносного дня: «Девушка, маме вашей зять не нужен?»

– И как, сработало?

– По крайней мере, так мы преодолели возникшую неловкость. Помню, она еще пакет принесла с гостинцами... Что ж там было? А, бургеры она мне принесла. Вот тут уж я от души посмеялся тогда. А она еще в шутку обиделась тогда, мол, не хотела апельсины нести, а по дороге к травматологии ничего, кроме бургерной и морга, нету.

Веселье мгновенно скисло. Повисла неловкая пауза.

– Слушай, а я уже в морге? – спросил я проводника. – Я имею в виду мое тело. Что с ним?

– Периферия уже отключена, твой мозг работает сам по себе и сам для себя. Нам уже не дано узнать, что происходит с твоим телом. С ним ты уже распрощался. Твое сознание еще существует, но оно уже навсегда отрезано от тела. Этот факт ты уже принял, иначе я бы об этом тебе не рассказал.

Сцена 4

Довольно просторный прямоугольный зал, стены которого отделаны плитами белого мрамора. От массивных резных дверей, расположенных по узкой стороне, через все помещение пробегает красная ковровая дорожка. Она оканчивается подле массивного стола, за которым, держа в руках красную папку, стоит нарядно одетая и ярко покрашенная женщина предпенсионного возраста.

Слева от стола на пьедестале установлена украшенная искусственными цветами и белыми ленточками арка, на вершине которой примостилась небольшая фигура в виде двух соединенных колец. Сама арка выглядит до боли знакомо,

кажется, именно такую я недавно видел на распродаже в хозяйственном магазине. Занимательно.

По правую же сторону от стола расположился старый японский синтезатор, за которым сидел интеллигентного вида мужчина в сером костюме, темные волосы которого были зализаны назад на манер того, как нам представляют итальянских мафиози в голливудских фильмах. И, хотя в зале было довольно прохладно, мужчина постоянно пил минералку из запотевшей бутылки, с каждым глотком благоговейно поднимая взор к потолку.

В зале довольнолюдно. Предстоящее событие собрало под одной крышей самых разных людей. Например, вот одетые по последней моде молодые люди соседствуют с безукоризненно одетыми девушками в туфлях на таком высоком каблуке, что удивительно, как они вообще еще сохраняют равновесие. А вот солидные, лысеющие мужчины в дорогих костюмах держат под руку неброско, но со вкусом одетых женщин в годах.

Тут также присутствуют несколько детей, что с трудом могут устоять на месте, и их приходится постоянно контролировать их матерям, у которых из-за постоянных попыток поймать перевозбуждившееся чадо уже выступила испарина на лбу, а красивая прическа давно развалилась и опала.

Удивительно, но столь разношерстная компания пребывала в гармонии и все довольно непринужденно общались меж собой. Вот стоят и как заправские друзья болтают два

абсолютно разных молодых человека. Один из них настоящий франт – он одет в щегольский костюм-тройку, хорошо подогнанный по его фигуре, а его собеседник, что одет в костюм с чужого плеча и все его естество как бы выражает одну простую мысль: «Надеюсь, в следующий раз мне доведется надеть этот глупый костюм уже на собственных похоронах».

По переднему краю этой разномастной толпы, ближе всего к столу стоят две солидных пары. Если смотреть от стола, то справа, обнимая друг друга за талию, стоят невероятно высокий мужчина с длинной копной каштановых волос, и очень худая невысокая женщина, которую отличали острый подбородок и очень сильно вьющиеся волосы, собранные сейчас специальными палочками на затылке.

А слева же от стола, чуть поодаль друг от друга стоят солидные мужчина и женщина. Мужчина довольно полный. Голова его брита наголо, отчего хорошо видны массивные складки на его затылке. Однако он не выглядит рыхлым, скорее он выглядит как человек, когда-то серьезно занимавшийся силовыми видами спорта, но затем, в силу возраста, оставивший это увлечение и от этого располневший. Его лицо украшают коротко остриженная борода-эспаньолка, и пыливый взгляд, который он так любит направлять на собеседника поверх узких очков, всегда сдвинутых на нос. Его спутницей является роскошно одетая красивая женщина со спортивной фигурой, явно следившая за собой. Ее светлые волосы были обрезаны под каре, а на ее лице, узком, скуластом,

но в то же время удивительно красивом замерла довольная улыбка.

– Да, это моя мама. – Я знал, что проводника на самом деле не существует, как и всего этого. Но, кажется, именно сейчас я начал понимать, зачем мой мозг его создал. Я рад был видеть свою маму настолько красивой и хотел хоть с кем-то разделить эту радость. Ведь это в печали всегда хочется побыть одному, а радость хочется с кем-то разделить.

– Она невероятно выглядит. А кто это рядом с ней? – спросил проводник.

– Это мамин компаньон. На тот момент – просто ее работник.

– Что значит: «На тот момент»?

– Моя мама так и не вышла замуж. Она настолько разочаровалась в моем отце, что даже и не пыталась себе кого-то найти. Да и потом, почти все время занимало главное дело всей ее жизни – небольшая сеть ателье и бутиков. «Какая тут личная жизнь, когда ткани из Италии опять на таможне встряли», – любила говаривать она.

А этот вот солидный джентльмен появился на горизонте, когда мне было уже за двадцать. Он работал наемным директором на большом сталепрокатном заводе, и немного подустав, начал подыскивать себе работу поспокойнее. А моя мама как раз хотела найти себе человека для того чтобы «все бумажки были в порядке». Да, она на глаз могла определить производителя ткани, но никак не могла понять, почему у

нее не принимают документы в налоговой. Так они и встретились.

– И сошлись...

– Это да, но далеко не сразу. Я уверен, что этот мужчина влюбился в маму еще во время собеседования, когда впервые ее увидел. Но она не почувствовала этого, мама просто не допускала мысли, что кто-то может быть ею покорен. А он, в свою очередь, ею настолько восхищался, что словно статую богини воздвиг ее на высокий постамент и настолько недооценивал себя, что не решался даже пригласить маму на ужин.

В этот знаменательный день она попросила его для церемонии исполнить роль ее мужчины. Отчего-то мама не хотела, чтобы на свадебных фотографиях она не была запечатлена в одиночестве. Говорила, что не хочет, чтобы люди видели эту фотографию и говорили мне: «А, так мама растила тебя в одиночку?» Глупо, конечно, но почему-то для нее это было важно.

– И когда между ними все изменилось? – проводник вопросительно посмотрел на полного мужчину, что совсем не походил на стеснительного человека.

– Сегодня и изменилось.

– Не понял?

– Сегодня он страшно напьется, прямо посреди ночи позвонит моей маме и заплетающимся языком скажет: «Я хотел бы с тобой кое в чем объясниться».

– И что та ответила?

– По легенде, первым, что она ответила было: «Наконец-то».

– Какая красивая история.

– Она была бы таковой, если бы им было по шестнадцать.

Сейчас же, смотря на них, я думаю о том, сколько же счастливых моментов они упустили, утаивая друг от друга свою симпатию. Хотя любовь зла, и на пятом десятке вновь может заставить тебя краснеть совсем как зеленого мальчишку. Впрочем, это будет позже, пока это лишь моя мама и ее компаньон, что стоит в полуметре от женщины своей мечты и старательно изображает просто друга.

Как раз в тот момент, когда я закончил говорить, двери зала раскрылись. Гул непринужденных разговоров мгновенно затих, а джентльмен за синтезатором наконец-то отлип от прохладной бутылки, и наскоро размяв пальцы, заиграл известную всем мелодию.

На ковровую дорожку вышли главные виновники сего торжества. Это были, разумеется, я и моя невеста. Я был одет в аккуратно подогнанный черный костюм в тонкую красную полоску, под костюмом была белая сорочка, а венчал этот ансамбль красный галстук в тон полоскам на пиджаке. На моей жене было шикарное белое платье, идеально подогнанное по ее фигуре.

Естественно, за наши наряды отвечала моя мама, она сама изготовила нашу одежду от начала и до конца. Сама за-

казала ткани, сама снимала мерки и даже сама вновь села за швейную машинку. Конечно, это уже была не та старая рухлядь с пожелтевшими панелями, а современный профессиональный аппарат. Но сам факт, что мама внезапно сама принялась что-то там шить здорово перепугал персонал ее ателье.

Да, работа мамы была, бесспорно, великолепной. Когда моя избранница впервые примерила свое платье, то произошло невероятное – это платье понравилось не только окружающим, но и самой невесте. Вероятно, тогда это произошло впервые в истории человечества.

Вот только беда была в том, что мы, приятно пораженные результатами маминой работы, проявляли себя дилетантами и не понимали, насколько неказисто выглядят эти наряды, с профессиональной точки зрения. Посему мама буквально измучила нас постоянными примерками и переделками нарядов.

И оставила она свои попытки достижения идеала ровно за две недели до свадьбы. И то не по своей воле. Здесь нас выручила мама моей невесты, что, будучи мозгоправом по призванию, умела читать людские души как открытые книги. Никому ничего не пытаясь доказать и объяснить моя будущая теща как бы невзначай посетовала моей маме на то, что ей не в чем идти на свадьбу. И моя мама перенаправила все свое маниакальное стремление к совершенству на нее, оставив нас, наконец, в покое.

Да, во время церемонии одеты мы были действительно идеально. Вот только общее впечатление о человеке составляется не только и не столько по тому, что на нем одето. А, собственно, со всем остальным у нас были явные проблемы.

Отдавая дань традиции, ночь накануне свадьбы мы провели порознь, квартируя у своих родителей. И складывается такое впечатление, что мироздание решило немного пошутить над нами в последние часы нашей холостяцкой жизни. Так мое утро началось с того, что в маминой квартире отключили холодную воду, а продолжилось тем, что «слегка пьяный» шофер мусоровоза въехал прямо в зад той машине, на которой я должен был ехать за невестой.

Моя же суженая тоже не смогла перенести эту короткую разлуку без происшествий и еще с вечера решила снять напряжение бутылочкой вина, а потом, вроде как, и еще одной. Посему утром она не смогла влезть в свои красивые туфли, а лицо ее выглядело не совсем так, как она хотела. Плюс к этому визажист, что должна была навести ей утром красоту на лице, была заперта в своей квартире забывчивым мужем, у которого, естественно, заодно еще и сел телефон.

Посему для наведения красоты были мобилизованы все имеющиеся человеческие ресурсы: подружки, мама и парикмахер. В итоге и прическа не получилась, и две бутылочки вина замаскировать так и не удалось. Видя, что невеста сейчас буквально разрыдается, кто-то из подружек предложил мочегонное средство, чтобы снять отеки. Идея была всеми

одобрена и выглядела разумно ровно до тех пор, пока они не поняли, что средство подействует не сразу, а как раз где-то посреди церемонии.

Поэтому, показавшись в дверях, мы выглядели не совсем как счастливые и беспечные молодожены. У меня было такое лицо, словно я шел не под венец, а готовился выйти на боксерский ринг. Мои волосы были бережно уложены подушкой, а на лацкане пиджака остался масляный отпечаток пальца водителя мусоровоза. Невеста же моя неловко селенила рядом, смотря на всех гостей со смесью мольбы и сожаления. Она старалась идти так, чтобы никто не заметил, что на ней повседневные кроссовки, вместо роскошных туфель. При этом три пряди ее роскошных волос выбились из прически и перекрученными столбами торчали в разные стороны, словно антенны.

Однако покуда мы степенно шли к столу, то все же сумели придать своим лицам самый благопристойный вид, и женщина предпенсионного возраста, одарив нас своей лучезарной улыбкой начала свою торжественную речь. Надо отдать ей должное, она говорила так, словно бы и не было тех двадцати лет, что она каждые выходные на протяжении восьми часов говорит одни и те же торжественные слова, практически идентичным взволнованным людям. Это было проявление профессионализма высшей пробы.

Но тут в ее речи промелькнул вопрос. Это была часть ее авторского торжественного обращения и по задумке на этот

вопрос она должна была сама себе ответить. Но тут внезапно моя невеста, что уже очень давно не могла воспринимать какую-либо информацию, кроме позывов собственного организма, во весь голос рявкнула: «Да!» Я погладил ее по плечу и ласково сказал: «Рано!» Толпа позади нас взорвалась смехом. Даже ведущая тихонько порадовалась случаю.

– Знаешь, в тот день столько всего пошло не так... – начал было я.

– Что ты даже допустил вполне закономерную мысль о том, не являются ли все эти явления неким мрачным знаменем. – Закончил проводник.

– Да. А прямо перед выходом, в комнате жениха и невесты, я остался наедине с какой-то одновременно злой и плаксивой бабой в белом платье и кроссовках, что очень слабо походила на мою невесту. И чувство того, что я совершаю большую ошибку усилилось.

– Но, что ты скажешь теперь? Это была ошибка?

– Это было самое верное решение в моей жизни. – Горячо заверил я проводника. – Просто свадьба – это некий экзамен. Сейчас люди давно уже не берегут себя до церемонии и вполне себе спокойно живут вместе довольно продолжительное время, прежде чем официально пойти под венец. Поэтому сам по себе ритуальный смысл этой церемонии давно утрачен. Но свадьба – это то, что вам предстоит выстроить и продумать вдвоем, ибо больше это никого не касается. И вот тут вы внезапно узнаете очень много нового друг о друге.

Например, выяснится, что ваша вторая половинка не любит фиолетовый цвет, или что твоя аллергия на арахис, оказывается, все это время была тайной.

И, естественно, вновь узнавая друг друга, вы несколько раз поругаетесь вдрызг. Прямо в пух и прах, чтобы в сердцах в очередной раз отменить свадьбу, и кто-то при этом обязательно должен демонстративно уехать к родителям. Подготовка к церемонии обнажит те черты характера, что вы так старательно скрывали друг от друга. Вы, наконец, увидите все то, что правда является важным для будущего спутника жизни, а что нет. Это может даже ненадолго оттолкнуть вас друг от друга. Но в этом и есть смысл свадьбы в наше время. Чтобы суметь сделать все таким, чтобы в какой-то мере это устраивало вас обоих. Впервые уже вдвоем понести за что-то ответственность.

Тот мужчина, что делал своей избраннице предложение полгода назад и та женщина, что с трепетом его приняла, пройдут довольно длинный путь до церемонии и предстанут перед алтарем уже совсем другими. Телесно они уже были близки задолго до этого, а вот душевно приняли друг друга лишь теперь, показав себя друг другу без масок и прикрас.

Такой путь проделали и мы, и я не хотел бы от него отказаться.

– Смог бы ты сказать эти слова тогда, восемь лет назад? – лукаво улыбнулся проводник.

– Конечно же, нет.

– Тогда ты сомневался. И все твои сомнения разбились об это самое «да», сказанное невпопад, верно? Ты вдруг вспомнил, что где-то там за склочностью и желчностью последних дней все еще живет та самая девушка, которую ты едва не задавил велосипедом...

– И я подумал, что даже с учетом того, какие грани характера моей невесты открылись за последние дни, я все еще хочу, чтобы именно она была моей женой. И чем дольше я жил, тем больше в этом убеждался.

Официальная церемония же тем временем подходила к концу. Стоя под аркой из хозяйственного магазина мы, позируя фотографу, обменивались кольцами. Я так и не смог до конца протолкнуть тонкое золотое кольцо на ее отекший палец и теперь держа руки за спиной, она с сосредоточенным лицом, закусив нижнюю губу, старалась хоть как-то приладить его на место.

И глядя сейчас на нее, я улыбался, стараясь ухватить каждую ее неловкую улыбку, и каждый ее неуверенный взгляд. Больше всего на свете мне сейчас хотелось бы сказать ей простые слова, важность которых я понимаю лишь теперь: «Спасибо тебе, милая моя, просто за то, что ты есть. Лучшие мгновения моей жизни неразрывно связаны с тобой, и я по сей день люблю тебя всем сердцем».

Сердцем, которое совсем недавно перестало биться...

Сцена 5

Длинный больничный коридор, что слабо освещается ста-

рыми люминесцентными лампами, которые при работе издают знакомый многим мерный гул. Несколько ламп неисправны и помаргивают с постоянной периодичностью, что вкупе с гулом создает некую едва ощутимую мелодию, повторяемую вновь и вновь. Обычно этого гула не слышно за привычным будничным шумом, но сейчас в коридоре было так тихо, что этот звук стал заметен, и ощутимо давил на разум.

Кстати, тихо в этом коридоре было только потому, что на дворе сейчас стояла глубокая ночь. Это можно было понять, посмотрев в большое окно, которым оканчивается коридор. Из окна виднелись темные, безмолвные кроны деревьев и покосившийся фонарь, свет которого собрал подле себя целую стаю майских жуков.

Пол коридора недавно перестелен дешевой кафельной плиткой, которая не выдержала нагрузок и быстро вытерлась, местами даже потрескавшись. По тому, как вытерт узор этих на плитках, можно было попытаться угадать ритм жизни обитателей и гостей этого помещения и без труда определить, в какие двери никто никогда не заглядывает, а возле каких люди почему-то обожают толпиться.

Вдоль этих «линий жизни», у стен стояли массивные деревянные лавки. На одной из них, расположенной как раз напротив двери, пол подле которой наиболее вытерт, лицом к стене спит мужчина. Под голову он положил рюкзак, а сверху накрылся старой джинсовкой, рукава которой покрыты десятками небольших нашивок.

Хоть он и лежит, но по тому, сколько пространства он занимает ясно, что мужчина очень высок. По рюкзаку распластаны его длинные каштановые волосы, что от корней уже начали покрываться серебряной паутиной. Деревянная лавка очень узка, но мужчина, кажется, привык беззаботно спать и в куда более стесненных обстоятельствах, посему не чувствуя каких-либо неудобств, он лишь тихонько посапывает.

– Кто это? – спросил проводник, склонившись над спящим мужчиной.

– Дедуш... Ну, то есть – это мой тесть.

– Довольно колоритный мужчина. – Подытожил проводник, разглядывая нашивки на рукавах куртки.

– Эколог по образованию, журналист по призванию.

– И так бывает?

– Да, если где-то на этой планете произошла какая-то техногенная авария, то можешь быть уверен, через час этот человек уже будет на полпути туда, прямо в кресле самолета знакомясь с деталями происшествия и готовясь лезть в самую кучу событий.

На заре его профессиональной жизни, когда он еще работал экологом в одном НИИ, ему выпала командировка в изолированную область, возникшую в результате аварии на атомной электростанции. И именно тогда он понял, что все эти теплые кабинеты и хорошие оклады никогда в жизни не заменят ему те ощущения, что он испытал в этой поездке.

С тех пор он постоянно был где-то там, на самом острие. Как сам он говорил, ему нравилось быть на кромке того ножа, который человечество готовится воткнуть себе в глаз. Он мог, не заезжая домой, отправится из жаркой пустыни на берег покрытого льдами океана, и только живя в таком ритме, он чувствовал себя на своем месте.

И во всем мире имелась лишь одна причина, по которой он готов был прервать свою работу – это его семья. Сегодня утром он еще был в Центральной Азии, изучая озеро, сотворенное мирным атомом в сельскохозяйственных целях, а к полуночи уже был здесь, в больнице. До двух часов ночи он еще как-то держался, но потом, не в силах бороться с накопившейся усталостью уснул.

– А зачем потребовалась такая срочность? – спросил проводник.

В этот момент дверь, напротив которой спал мужчина, резко раскрылась и в коридор вышли двое, это были я и полная женщина в белом халате. Я был крайне взволнован, настолько, что даже не мог сказать что-то членораздельное, хоть и постоянно пытался. Я начинал одну фразу, а заканчивал уже другую, периодически отвлекаясь на какую-то новую мысль.

Женщина в белом халате, пытаясь меня как-то успокоить, старалась говорить как можно спокойнее и тише. При этом, держа меня под руку, она каким-то образом сумела подвести меня к лавкам и как-то незаметно усадить.

– Сейчас ей нужны врачи, понимаешь? Чем ты сможешь ей помочь? – попыталась успокоить меня женщина.

– Не знаю?! Просто буду рядом. – Парировал я дрожащим голосом.

– Родной мой, там сейчас три врача и четыре медсестры. Я уверена, что они лучше нас с тобой знают, что делать.

– А что если...

– Сынок, я тут работаю уже без малого тридцать два года. Навидалась всякого и могу тебя заверить, ничего страшного и тем более необычного там сейчас не происходит.

– Я не могу тут просто спокойно сидеть. – Признался я, поправив волосы дрожащими руками.

– Я тебе сейчас принесу своего чаю на травках, попьешь горяченького, расслабишься. Но обещай мне, что пока не позовут, ты туда не зайдешь.

– Обещаю.

– Вот и договорились.

С этими словами, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, пожилая женщина пошла по коридору в сторону сестринской. Я же не мог спокойно сидеть и крутился, словно уж на сковородке. Я посмотрел на спящего тестя, раздумывая, стоит ли его будить или пусть отдохнет. Решил, все-таки дать человеку отдохнуть. Затем заставил себя минут пять смотреть на хаотичное движение майских жуков в свете покошенного фонаря, после чего зачем-то достал телефон, покрутил его в руке, пролистал из начала в конец адресную книгу и снова

спрятал телефон в карман.

Затем я закрыл глаза и попытался подумать о чем-то отдаленном. Но, как только я сделал это, гудение ламп над головой стало просто невыносимым, этот гул буквально втискивался в перевозбужденный мозг, и не в силах это терпеть, я вскочил с лавки.

Снова глупо посмотрев в экран телефона, я принялся быстрым шагом ходить по коридору туда-сюда. Без цели, без смысла, просто чтобы заставить стрелку часов идти вперед. Я перемещался по коридору замкнутыми кругами сначала к окну, а потом назад к двери кабинета. Любой шорох где-то в глубине спящей больницы заставлял меня вздрагивать и испуганно оборачиваться на звук.

– Все было настолько плохо? – участливо спросил проводник.

– Скорее, это случилось слишком неожиданно. На 38 неделе беременности. Не сильно, но все-таки раньше срока. Утром я, как обычно, собирался на работу, когда она позвала меня и сказала, что у нее болит живот. А еще через пятнадцать минут у нее отошли воды, и я повез ее в роддом.

В целом, с медицинской точки зрения, роды начались вполне в срок, никто не переживал по этому поводу. Беда была в том, что начались они еще утром прошлого дня, и через два часа минуют ровно сутки, как моя жена находится в родах. И к данному часу даже я уже начал подозревать, что ситуация значительно выходит за рамки нормы.

Благожелательные врачи не стали утром выгонять меня из ее палаты, взяв обещание, что я уйду по первому требованию. И поначалу нам обоим было скорее просто любопытно. Мы с женой посмотрели на телефоне старую французскую комедию с Луи де Фюнесом, потом принялись смотреть какой-то комедийный сериал. Она постоянно смеялась и весело болтала. Мы весело подтрунивали друг другом и выбирали по каталогу очередные пинетки.

А потом ей постепенно стало становиться хуже. На протяжении всего дня она медленно теряла силы, все меньше улыбаясь и все чаще уходя в себя. И к тому моменту, как на улице стемнело, в этой женщине уже трудно было узнать мою жизнерадостную супругу.

Глаза ее запали, а губы утратили краску и посинели. Практически перестав говорить, она все больше молчала, пока не начала просто тихонько хныкать в особо тяжелые моменты, никак не реагируя на то, что ей говорят. Вместе с тем как ночь опустилась на мир вокруг больницы, в палату начали все чаще заходить врачи и все чаще разные. В какой-то момент они пришли втроем что-то обсудили и попросили меня покинуть палату.

Я дал обещание, поэтому послушно вышел. Мой тесть, кстати, рассчитывал, что успеет приехать уже после того, как процесс закончится. Поэтому по прилету он первым делом заявился в нашу квартиру с букетом и подарками, а узнав, что все идет не совсем так, как должно, лично прибыл в боль-

ницу.

Бывалому журналисту ничего не стоило проникнуть на заветный третий этаж закрытой на ночь больницы. В травматологии он сказал, что из глазного отделения, а в глазном, что из травматологии, так он и добрался до заветной служебной лестницы. Поначалу он даже прятался от персонала, но поняв, что всех куда больше волнует судьба его дочери, он устроился на лавке и вскоре, под грузом накопившейся усталости сдался и уснул.

А я все продолжал, не находя себе места, метаться около заветной двери. Я слышал, как моя жена вскрикивает и что-то неразборчиво говорит. На нее кто-то ругался, кто-то третий шикал и на жену, и на того, кто на нее ругался. И вдруг, в какой-то случайный момент все стихло.

В тот момент я как раз проходил мимо двери и, испугавшись за любимую, попытался прислонить ухо к двери. Первым звуком, что я услышал оттуда, были тяжелые приближающиеся шаги. И я едва сумел отпрыгнуть от двери, когда она открывалась.

– А, ты уже тут как тут, на стреме! – улыбнулся мне крупный мужчина в синем хирургическом костюме.

– А где ж мне еще быть?

– Справедливо. – Мужчина устало оперся о дверной проем и потер переносицу двумя пальцами.

– Да не томите, вы! Что с ней? – взмолился я.

– Ой, забыл. Поздравляю, папаша! – спохватился он. – Как

и обещали – дочка. Три семьсот, пятьдесят четыре сантиметра. Здоровая и хороша собой.

У меня на секунду отлегло, но тут вдруг тревога вновь вернулась.

– А почему она не плачет?

– Ну, она, как бы, тоже целые сутки работала, чтобы на свет появиться. Устала очень, вон лежит спокойно на маме, ест.

– А супруга? Как она? – не мог унять я.

– Не могу сказать, что все прошло без сучка и задоринки, но она в полном порядке. Сейчас с ребенком и мамой проделают необходимые манипуляции, и сможешь зайти поздороваться... Так, стоп, а это что такое? – сказал врач, удивленно смотря на тестя.

– Это папа роженицы. – Замялся я. – Он тут вообще уже давно лежит.

– Ну и бардак тут у нас. – Расстроено покачал головой врач. – Чаем-то тебя успели напоить?

– Нет еще.

– Да тебе везет, однако! – раскатисто рассмеялся мужчина. – Ладно, ты там давай начинай всех обзванивать. Как закончим, я тебя приглашу. Можешь расслабиться, все в порядке!

Дверь за врачом закрылась, и я какое-то время просто смотрел на нее. Затем я улыбнулся и начал как умалишённый повторять последнюю фразу, сказанную врачом. Все в

порядке. Все в порядке. Все в порядке.

Приговаривая это, я начал пятиться назад, покуда не споткнулся о лавку и со всего маха не осел на нее. Я смеялся и плакал одновременно. По ногам растекалась усталость, и в то же время я чувствовал такой всплеск душевной энергии, которого не испытывал никогда. Хотелось одновременно выпить, позвонить маме, лечь спать и пуститься в пляс. Словно бы сознание потеряло разумный вектор действия и палило из всех доступных орудий куда попало.

В этот момент дверь открылась, и медсестра, молча по-манила меня рукой. Тогда и тот я, что был объектом этого воспоминания, и тот я, что путешествовал в чертогах своего сознания, буквально влетели в родильный зал.

Там, посреди просторного кабинета, на специальном кресле лежала моя жена, накрытая теплым одеялом. Она выглядела изможденной. Сквозь ее побледневшую кожу проступили сосуды, а ее шея стала красной и со всех сторон была исцарапана в кровь. Видимо, ей было настолько плохо, что она впивалась своим роскошным маникюром в собственную плоть. Она слабо улыбнулась мне, и я заметил, что на уголках ее посиневших губ собрались сгустки высохшей пены.

Но самое главное, что на ее груди лежал маленький комочек, что, кряхтя, впервые вкушал материнское молоко.

– Смотри-ка, – моей жене даже не хватало сил, чтобы говорить в голос, поэтому она лишь тихо шептала – А вон и твой папа пришел.

Я, не зная, что делать, подошел ближе к креслу и аккуратно прикоснулся пальцами к этому теплому комочку, что в ответ закричал и попытался махнуть рукой.

– Подожди немного, она кушает. – Пытаясь прямо сейчас не уснуть, промямлила жена.

Тут меня немного отстранила девушка-врач в фиолетовом костюме, что принялась проводить с дочерью какие-то манипуляции и что-то там записывать на бумажке.

– Почему ты выбрал именно этот момент? Ведь стресс вы все пережили немалый– спросил вдруг проводник.

– Это был одновременно самый тревожный и самый лучший день моей жизни. Сегодня я осознал кое-что важное.

– Да? И что же?

– Что счастье относительно. Что оно существует только при наличии противовеса. А все мы, по собственной глупости стремимся к чему-то абсолютному и не понимаем, что многие из нас на самом деле уже счастливы.

Например, рутина зачастую притупляет чувства, и нередко наша семья начинает нам надоедать. Но мы же стремимся к абсолютному, мы хотим, чтобы каждый день наш спутник жизни выглядел так, как в день свадьбы, а дети перестали орать и рисовать на обоях. Нам кажется, что именно нам не повезло. Каждый думает, что именно его жена перестала ухаживать за собой, или именно ее муж стал выпивать слишком много.

Но нет, рутина съедает всех и каждого. Счастье есть только там, где ты его осознаешь. Так после жаркой ссоры, сча-

ствием становится примирение, а после долгой разлуки, за счастье принимают простой телефонный звонок. Но надо уметь это вовремя понять. Счастье мимолетно, оно любит жить в нашем прошлом, и самое главное в этой жизни успеть его прочувствовать в той точке времени, что зовется настоящим.

И сегодня, когда после самых долгих суток в моей жизни я увидел свою дочь, я это, наконец, понял. Да, накануне случился мой личный «самый длинный день», но я бы ни на что в жизни не обменял бы ни одну секунду этого бесконечно долгого ожидания. Ведь именно на этих томительно длинных обрывках времени и выстроилась затем та радость, которую я в итоге испытал.

Я жалею только об одном, о том, что в тот день, когда я погиб, я не сумел это почувствовать и поделиться этим со своими близкими. Я так надеялся, что на смертном одре сумею осознать свое счастье и уйду с этим чувством. Но вместо этого я просто прожил еще один день, не успев им насладиться.

Вдруг в помещении родильного зала неожиданно погас свет. Воцарилась абсолютная темнота и безмолвие, словно бы мы переместились в темное ничто, существующее без каких-либо координат и ориентиров. И когда свет так же внезапно включился, как и до этого погас, я увидел, что лишь моя жена и дочь остались людьми, все остальные же превратились в безликие манекены, что хаотично сновали вокруг.

Проводник словно бы лишился лица, все его черты смаза-

лись и постоянно менялись, отчего я узнавал в нем то одного, то другого человека. Он был одет в аккуратно подогнанный черный костюм в тонкую красную полоску, под костюмом была белая сорочка, а венчал этот ансамбль красный галстук в тон полоскам на пиджаке, кажется, эта одежда была мне знакома, но я никак не мог припомнить, где я ее видел.

И в этот момент с потолка, прямо со стыков бетонных плит начала капать вязкая черная жидкость.

– Мозг умирает. Твое сознание разрушается. Мы больше не можем обращаться к глубинам твоей памяти. – Сказал проводник сотней голосов, казалось, что сейчас в нем говорят все голоса, что я когда-либо слышал. – Впрочем, у нас осталось последнее воспоминание, что сформировалось незадолго до аварии, и мы как раз успеем в нем побывать.

Сцена 6

Мы находимся в некоем помещении с большими окнами, что выходят на запад, где в красном морозном мареве догорает очередной погожий день. Здание находится на самой окраине города, посему окна выходят прямо на хвойный лес, что слегка припудренный снегом безмолвно простирается вдаль до самого горизонта.

В помещении беспорядок. Из-за того, что повсюду без какого-либо порядка складированы коробки самых разных габаритов, трудно угадать предназначение данного помещения. И более чем удивительно посреди всего этого бедлама смотрится небольшой кожаный диванчик, который не стали

разбирать при транспортировке, ограничившись лишь тем, что закатали его в пищевую пленку.

Диван явно стоял не на своем месте. Сейчас, загоразивая собой почти все свободное пространство, он был развернут так, чтобы сидящий на нем мог смотреть в окна и любоваться закатом. На этом самом диванчике восседал я собственной персоной. Сейчас я канцелярским ножом вскрыл одну из коробок и достал оттуда неподписанный пакет с фурнитурой, понять предназначение которой, было выше моих сил. Тяжело выдохнув и почесав затылок, я отложил пакет в сторону и принялся надрезать клейкую ленту на следующей коробке.

– Это ведь тот самый день? – сказал сотней голосов проводник. Кажется, в этот момент он смотрел на солнце, что готовилось зайти за еловый лес.

– Да, это тот самый день. – Я тоже посмотрел на солнце, вдруг с тяжестью поняв, что именно сегодня солнце в последний раз освещало мир, в котором я жил.

– Что тут происходит? – среди сотен голосов проводника я почему-то отчетливо слышал голос моей дочери. Ведь именно она так сформулировала данный вопрос, впервые оказавшись в этом помещении. От этого у меня закололо в груди, и по ногам растеклась волна неприятного холода.

– Переезд. Моему делу давно требовалось более просторное помещение. И тут, на мое счастье, практически в пригороде отстроили новенький офисный центр. Помещение бы-

ло больше предыдущего в два раза, а аренда выше всего на четверть.

– И чем же ты занимаешься?

– Интерьерами.

– Что?

– А ты думал, что выращенный одной лишь матерью, все детство проведенный в компании ниток и иглолок я стану шахтером или лесорубом? Конечно же, нет. Сначала я приличное время отработал в компании, производившей мебель, а затем, уйдя на вольные хлеба, открыл собственное дизайнерское бюро. Сейчас мы сотрудничаем со многими поставщиками и предлагаем полный спектр услуг по обустройству интерьеров. Лично я, помимо руководства, занимаюсь тем, что проектирую мебель на заказ. Вернее, я все это делал до недавнего времени.

– Столько слов. Ты словно пересказал мне рекламную брошюрку. Никто, ничего у тебя не закажет, ты и сам это понимаешь. – Сейчас проводник почему-то говорил голосом моего бывшего начальника, что провожал меня с предыдущего места работы именно этими словами.

– Смотри, у людей есть квартиры. И, каждый из них всегда считает, что имеющаяся у него жилплощадь меньше, чем ему надо. К слову, одному и тому же человеку как было тесно в однушке на тридцать квадратных метров, так будет мало и пентхаус в триста, но лично убедиться в этом могут лишь единицы.

Так вот, наша задача в том, чтобы сделать каждый сантиметр имеющейся площади доступным и удобным. Дать людям иллюзию того, что у них стало куда больше пространства за меньшие деньги. И судя по тому, как идут... как шли дела, с этим мы справляемся.

– То есть, вы их обманываете?

– Мы обманываем жадного карлика, что сидит в каждом человеке и постоянно требует все больше и больше.

– Ты даже сюда умудрился вплести свою никому не нужную философию. – Проводник снова заговорил голосом бывшего начальника.

Я промолчал. Я знал, что прав я, а он, упрямо цепляющийся за давно ушедшее время, ныне практически банкрот.

Тут вдруг откуда-то из-за горы коробок вышла совсем юная девушка, что несла в обеих руках по чашке. Над чашками клубились облачка пара, что предвосхищали аромат свежесваренного кофе.

– Мне повезло, я наткнулась на кофемашину. – Сказала она, протягивая одну из чашек мне.

– Это как раз то, что нужно. Посиди передохни. – Сказал я, с благодарностью принимая горячую чашку из ее рук.

Девушка присела на противоположенный угол дивана. Она обхватила горячую чашку обеими руками и, смотря в окно, сделала первый глоток.

– Признайтесь, вы выбрали этот офис из-за вида из окна? – улыбнулась она.

– Естественно. Иных причин и быть не может.

– Мне здесь нравится. Правда, далековато теперь добираться. Мне вот на двух автобусах приходится ездить. – Сказала она, делая еще один глоток.

– Это ты так намекаешь на то, что тебе зарплату надо поднять?

– Я... Нет, вы не так... Я теперь уж и не знаю, что хотела сказать. – Сказала она, смущено поджав губы.

– Не нервничай, это же просто шутка, дружеский разговор.

Конечно, она еще не привыкла к такому. Ей был всего двадцать один год, и лишь полгода назад она получила диплом бакалавра по специальности «менеджмент». Это было ее первое место работы и пока она еще жила в той строгой студенческой иерархии, где каралось инакомыслие, и всегда было доминирующее мнение, против которого нельзя было пойти без последствий.

Я взял ее ассистенткой сначала на полставки, а затем и на полный день. Конечно, ее самолюбию иногда претило, что вместо управления крупным филиалом иностранной фирмы, ей доверили координировать работу десятка человек, но она, поначалу, плохо справлялась даже с этим. К слову, сейчас же она великолепно вписывалась в нашу работу, вот даже вызвалась сегодня помочь мне с обустройством нового помещения.

– Я вот считаю, что есть нечто пугающее в дороге, что ве-

дет сюда. Идешь себе на работу, а тут просто тропинка, что с проспекта уходит куда-то в лес. Уверенна, что никто и не догадывается, что тут есть какое-то здание. Вы не находите?

– Это пока. Кроме нас тут еще нет арендаторов. Более того, по договору, даже охрана здесь появится лишь только в марте. И будь уверена, скоро тут закипит жизнь, а пока мы с тобой единственные живые люди во всей округе.

Она украдкой посмотрела на меня, пригубила кофе и вновь уставилась на линию горизонта.

Она была внешне приятной девушкой. Ее длинные вьющиеся волосы были, по моде, от кончиков и до середины длины выкрашены в светлый оттенок, а затем шел плавный переход к темному оттенку и у корней они уже были каштановыми. Она никогда не убирала их в какую-либо прическу, лишь иногда одевая на голову обод. Мне импонировала легкая неопрятность в ее образе. Этакий бунд без конкретной точки приложения.

Она была довольно худа, фигура ее не была четко очерчена, а грудь ее не особо выделялась. Но она была удивительно гармоничной. Она не комплексовала, не старалась скрыть свои отличия от эталона. Она была в полном согласии с самой собой и именно в этом была ее красота. Возможно, и я только сейчас это понял, я ценил в женщинах именно это гармонию, полное согласие внутреннего мира и внешности.

Сегодня она одела черную водолазку с высоким воротом, шерстяную коричневую юбку до колен, плотные черные кол-

готы и аккуратные туфли без каблука. Неброско, но со вкусом.

– Знаете, вот сижу я здесь и понимаю вас, – неожиданно нарушила она тишину, голос ее при этом слегка дрогнул.

– Ты про вид из окна?

– Не только про это, – она улыбнулась, стараясь на меня не смотреть. – У вас бывало когда-нибудь чувство, что вы находитесь именно там, где должны быть?

– Конечно.

– И что вы рядом именно с тем человеком, с которым хотите быть?

Я промолчал. В груди неожиданно сдавило.

– Вот сейчас у меня именно такое чувство, – она, наконец, сумела побороть свою скованность и посмотреть на меня.

Долгий взгляд.

Мы оба все поняли в этот момент. Я увидел в ее взгляде все то, что она так долго хотела мне сказать, но никак не могла решиться на этот отчаянный шаг. Я, наконец, разглядел в ее карих глазах то самое чувство, которое мы безвозвратно теряем к тридцати годам – влюбленность. Тот простой и искренний порыв души, который вырывается в твою опустошённую сущность, словно весна, и привносит в оставшийся неизменным мир новые краски, заставляя его выглядеть по-новому – прекрасным и вдохновляющим. То самое чувство, что с возрастом мы учимся подавлять еще в зародыше, безжалостно давя его о социальный статус, о возраст и о приоб-

ретенный опыт.

Она же увидела то, о чем мечтала и чего одновременно так боялась. Она поняла, что больше всего на свете в тот момент я хотел вновь испытать эту самую влюбленность, хотел вновь почувствовать те искренние порывы страсти, что так сложно контролировать. И только она одна во всем мире была готова сейчас мне все это дать. Сгореть в этом безжалостном пламени вместе со мной, несмотря на ответственность и последствия. Прямо здесь и сейчас.

Словно по команде мы поставили кружки на подлокотники и встретились на середине дивана, словно бы на нейтральной территории. Страстный поцелуй. Легкий аромат ее духов кружит мне голову. Ее тело, оказавшись в моих объятиях, становится податливым. Кажется, ее руки немного дрожат, но она согласна на любой исход. Она мечтала об этом слишком долго, чтобы сейчас прислушаться к голосу разума и страха.

И тут мы окончательно теряем голову. Резким движением я усаживаю ее на себя сверху и поднимаю ее юбку. С ее ноги при этом сваливается туфля, но нам уже все равно. Она с легкостью срывает с себя кофту и откидывает ее в сторону. Я плотно прижимаю ее к себе, отчего из ее груди вырывается тихий стон.

Я больше не могу на это смотреть! Я отворачиваюсь и смотрю на то, как за окнами горит алым пламенем закат. Лишь проводник, стоя прямо у окна, подозрительно часто

принимает образ моей жены, и продолжает смотреть на то, что сейчас разворачивается за моей спиной.

В тот момент, когда девушка, не в силах сдерживаться, начинает стонать в голос он, наконец, подходит ко мне, а я, стараясь не замечать его, продолжаю смотреть на яркое солнце, в надежде бесследно раствориться в нем.

– Я хочу, чтобы все это прекратилось, – говорю я Проводнику. – Я готов навсегда покинуть этот мир, только давай на этом остановимся.

Но проводник подходит все ближе, а девушка за спиной все больше раскрывается и все яснее сознает, что ее грезы, наконец, обратились в явь.

– Ты не лучше, чем твой отец! – закричал проводник голосом моей матери.

А отворачиваюсь не в силах смотреть на нее.

– Твоя жена сейчас дома стряпает по кухне, разучивая новую считалочку с твоей дочерью. Ты должен был быть с ними. Разве они это заслужили? Разве пример твоего отца не дал тебе понять, что это дорога в никуда? Нет, все это ничего не значило, ведь ты сделал ровно то же самое, что и он. Ты превратил свою жену в ту, чьи письма я плача жгла в раковине на кухне, а эту молоденькую дурочку в меня!

– Мам... – я так и не смог ничего больше сказать.

– Да, тебя всегда сводили с ума девушки с кудрявыми волосами. – Сказал вдруг проводник спокойным голосом моей жены.

– Хватит! – В этот момент ноги подкосились, и я осел на пол, обхватив голову.

Но этот голос существовал внутри меня, его нельзя было заглушить. Тем же спокойно-снисходительным тоном она продолжила:

– Я бы приняла это, и ты это знаешь. Я бы сумела тебя понять, если бы ты был честным со мной. Я бы сумела со временем заставить себя забыть об этом, и все вернулось бы на круги своя. Мы столько всего пережили вместе, за плечами у нас целая жизнь с невзгодами и подъемами, поэтому я дала бы тебе право на ошибку.

Согласна, это было бы непросто. Но это было бы возможно, если бы тебе хватило мужества прийти домой и признаться мне во всем этом. Но ты ведь даже и не планировал этого делать, так? Пока ты ехал домой, ты не чувствовал ни раскаяния, ни сожаления. Ты думал лишь о том, как в дальнейшем выстроить отношения с нами обеими.

Как ты мог со мной так поступить? Ведь все эти воспоминания были с тобой каждый миг этого судьбоносного дня. То, как мы познакомились, день нашей свадьбы, день, когда родилась наша дочь. Но для того чтобы воспользоваться ими, тебе потребовалось умереть.

– Прости меня! Прости, пожалуйста!

– Ты никогда не скажешь мне этого вслух. И если я узнаю том, что сегодня произошло, то не захочу верить в то, что ты раскаивался в последнюю минуту. Я поверю лишь делам

твоим и возненавижу тебя ничуть не меньше, чем ее.

Но не переживай. Я сумею оправиться и сумею тебя позабыть. Я выращу нашу дочь, поставлю ее на ноги. Но для нас ты навсегда останешься предателем, и твоя кончина не сможет как-либо тебя оправдать. – Сказала моя супруга спокойным, рассудительным тоном

Тут вдруг проводник встал прямо позади меня и заговорил голосом той, что несколько минут назад призналась мне в теплых чувствах.

– Ты будешь всеми забыт. Моя жизнь на какое-то время будет омрачена горем, ведь я и правда любила тебя. Полгода я мучала себя, не решаясь что-либо тебе сказать. Боялась, что не смогу нести ответственность за то, что разрушу чью-то семью. Боялась, что только наврежу этим и себе, и тебе, но в итоге так ничего и не смогла собой поделаться. И, к своему стыду, ни секунды об этом не жалела.

Но поверь, я смогу выбраться, ведь я еще так молода, и впереди у меня целая жизнь. Ты всегда будешь ее важной частью, но чем больше времени пройдет с этого дня, тем меньшее место в моей душе ты будешь занимать.

Тут из-за спины донеслась какая-то возня. Маленькая женская ножка сбила кружку с кофе и та, падая на пол, разбилась на маленькие кусочки. Проводник обошел меня и встал прямо передо мной. Сквозь подернувшую взор пелену я различал лишь маленький силуэт, и тут он вдруг заговорил высоким голосом.

– Привет, пап!

Меня вырвало прямо себе под ноги. Не контролируя себя, расшвыривая мебель на своем пути, я выбежал в общий холл здания и там, запутавшись в собственных ногах, ничком повалился прямо на кафельный пол.

Я не нашел в себе сил чтобы встать, просто беспомощно лежал, и смотрел, как через холл ко мне медленно идет проводник. У него были тысячи лиц и тысячи голосов. Все они сейчас осуждали меня, и все они были абсолютно правы в своих суждениях.

Он присел подле меня на корточки, и вдруг сказал мне моим собственным голосом.

– Знаешь, я наконец-то понял, почему ты создал меня. Ты создал меня для того, чтобы я тебя осудил. Да, ты действительно хотел вновь увидеть тех, кого ты на самом деле любишь. Тех, чьи имена пришли тебе в голову первыми, когда тот джип пробил ограждение прямо перед твоей машиной.

Но, вместе с лучшими моментами своей жизни, ты хотел, чтобы кто-то покарал тебя. Покарал не столько за то, что ты сделал, сколько за то, что ты планировал сделать. Ведь если бы сегодня ты согласился выпить еще одну чашечку кофе, или если бы вы не болтали десять минут, перед тем как расстаться, то ничего бы не произошло. И тогда ты бы продолжил эту подлую интригу. Медленно утопая во лжи, разрушая свою семью, мучая свою дочь, изводя жену и не давая освободиться той, что влюблена в тебя без памяти.

Мы оба понимаем, что это так. Ведь я – это ты. Я чувствую то же, что и ты.

Ты познал счастье, познал любовь. В этот роковой день ты познал страсть. А самое главное – ты сумел все это понять и испытать до самого дна все то, что даровала тебе жизнь. И я не могу судить себя за чувства, испытанные мной же. Я могу лишь подтвердить их подлинность и искренность.

Но я могу обвинить тебя в том, что ты собирался делать в дальнейшем с теми прекрасными женщинами, что по собственной глупости даровали тебе счастье.

Ты любишь свою жену. Ты обожаешь свою дочь. И ты влюблен в эту девушку. Но ты заслуживаешь того, что с тобой произошло и не можешь быть прощен, потому что ты отказался делать выбор, который принес бы в твой уютный мирок много боли, но сделал бы счастливым хоть кого-то кроме тебя. Это твоя последняя мысль, именно с ней ты и покидаешь этот мир.

В этот миг проводник исчез.

Рядом со мной более никого не было. Лишь узкое окошко под потолком общего холла давало совсем немного света, придававшего потолку холла мягкий красный оттенок.

И вдруг во мне вскипела злоба. Ведь это не я виноват в том, что все произошло именно так. Во всем этом виноваты те двое, что сейчас предаются греху на диване. Именно они заслуживают кары, а не я. Я расплачиваюсь за ошибку, но совершают ее они. Это не справедливо.

Я вбежал в комнату, схватил первый попавшийся тяжелый предмет, кажется, это был настольный светильник и направился к дивану.

И вот я стою напротив них. Мужчина, волосы которого уже начали покрываться сединой и совсем юная девушка. Не боясь, что кто-то может сюда зайти, они сидели на диване и смотрели сквозь меня вслед умирающему дню. Он сидел и обнимал девушку за талию, а та, подобрав под себя ноги, лежала у него на груди.

И тут вдруг я понял, что эти двое совершили все ровно то, что должно было случиться. Она хотела этого, а он позволил этому случиться. Она была виновата в случившемся не меньше его. Ведь я мог бы оттолкнуть ее, мог бы вспомнить о любимой жене и дочери в ту важную минуту, но я не сделал этого.

А, значит, я и правда не заслуживаю прощения, правда заслуживаю смерти. Я закрыл глаза и постарался подумать обо всех тех, кто был мне дорог. Я просто мысленно прощался с ними, просто вспоминая их образы и не пытаюсь вымолить их прощение.

Когда я открыл глаза, черная масса, в которую постепенно сплавлялся мир вокруг меня, уже поднялась мне до колена. Она быстро поглотила влюбленных, что приютились на диване, а затем постепенно превратила все окружающие предметы в вязкое ничто, забрав все, что я помнил: здание, гаснущий закат и весь тот мир, что я когда-то считал своим.

Хотел ли я умирать? Нет! Ведь даже самоубийца больше всего на свете хочет именно жить, просто у него это не получается. Но я уже не мог ничего изменить. Моя жена наверняка уже узнала о трагедии. Моя мама наверняка почувствовала это сердцем. Моя дочка, ничего еще толком не понимая, забеспокоилась. А та, что сейчас чувствует себя на седьмом небе от счастья, уже завтра познает и тяжелую утрату.

Все вы замечательные женщины, что достойны только самого лучшего. И для того чтобы не заставлять вас страдать, я должен был сегодня уйти. И я готов. Прощайте, любимые.

Дурные мысли

Приложение к анамнезу №1

Текст файла «Дневник.docx»

(Текст приведен в оригинальном виде)

—

Часы показывают два часа сорок минут. Ровно через четыре оборота минутной стрелки прозвенит будильник, и мне надо будет вставать на работу, а я снова не могу уснуть. Накануне, в десять часов вечера, предельно уставший, я с большой охотой заснул на своей кровати, но проснулся уже через полчаса полностью разбитый и с пульсирующей болью в районе висков.

Это длится уже несколько месяцев. Каждый вечер я закрываю глаза в полной уверенности, что смогу без перерыва проспать пару суток, но всегда просыпаюсь примерно через полчаса и не могу больше уснуть.

И вот, не зная чем себя занять в эти долгие часы до рассвета, я решил фиксировать свои мысли. Не знаю, зачем я это делаю, но от вынужденного безделья у меня появилось странное желание исповедаться безликим символам на экране.

Я буду здесь обращаться к тебе как к кому-то конкретному, но знаю, что тебя на самом деле нет, что ты — это весь тот

мир, что начал существовать в ту секунду, когда я впервые поставил курсор в начало строки. Ты не существуешь, но ты мой лучший и единственный друг, которому я доверю знать все то, что тяготит меня в последнее время.

Я слышу, как за стенкой проснулся мой сын. Жена, ласково глядя его по спине, успокаивает ребенка, напевая колыбельную, что, по задумке автора, адресована маленькому белому мишке. И вскоре возня за стенкой стихает, а я снова остаюсь с тобой один на один. И лишь уличный фонарь под моим окном вырывает из темноты конус света, в котором медленно кружатся крупные снежинки.

Я очень люблю своего сына и свою жену, они действительно прекрасные люди. Но, около года назад, в нашей семье начался серьезный разлад и на данный момент жена практически со мной не общается, а сын, не очень понимая, что происходит, все больше тянется к матери.

Причина того разлада, что уже практически разрушил мою семью в деньгах. Дело в том, что год назад в той компании, где я работаю, случилась «реорганизация». Часть сотрудников уволили, а оставшимся заметно урезали зарплату. И когда, недовольный данными обстоятельствами, я начал поиск другой работы, то обнаружил, что подобным «реорганизациям» подверглись многие местные кампании, и теперь на одну мало-мальски привлекательную вакансию приходилось пятьдесят соискателей.

Я прошел два десятка неудачных собеседований и исполь-

зовал все возможности для дополнительного заработка, но на данный момент продолжал работать там, где меня не ценили и платили ровно столько, чтобы я не умер с голоду. Эти материальные трудности и стали первопричиной раздора. Недовольная недостатком жена постоянно попрекала меня и устраивала постоянные скандалы. Это продолжалось какое-то время, но сейчас и это пламя погасло, и сейчас мы находили точки соприкосновения между собой лишь по вопросам воспитания сына, да в редких склоках на бытовой почве.

Я думаю, что моя супруга не подает на развод только потому, что не может претендовать на жилплощадь, ведь я приобрел ее до брака, в противном случае эта семья давно бы развалилась.

—

Я должен признаться тебе, что со мной происходит что-то очень странное. На фоне бессонницы в моей голове словно бы начался некий болезненный процесс, и теперь мой мозг работал с перебоями. Я зову сбой в работе моего мозга — приступ. Хотя я уверен, что в медицине есть более точное и удачное определение.

И сейчас я расскажу тебе о том, что почувствовал, когда впервые испытал на себе данное явление.

В тот день я получил небольшой пинок от реальности. Когда я пришел домой после рабочего дня, сын с детской непосредственностью сказал мне о том, что не хотел, чтобы я воз-

вращался с работы домой, и мне стоит туда вернуться. Дети вообще часто говорят злые и обидные вещи, но следует понимать, что они вкладывают в эти фразы абсолютно иной смысл, нежели взрослые.

Однако меня это пустяковое заявление почему-то очень сильно задело. И я очень хорошо помню, как сидел на банкетке в прихожей и вдруг почувствовал, как некий темный комок формируется в моей голове, а затем он как бы ворвался в мое сознание.

В одно мгновение все вокруг внезапно замедлилось, а мое тело вдруг наполнилось приятной тяжестью. Сам я стал при этом удивительно пассивным ко всему, что происходит вокруг. Зрение потеряло фокус, и я словно получил возможность видеть всю картину мира целиком, но без деталей. Я слышал, как медленно и шумно дышу, а на вдохе, сквозь шум воздушного потока я слышал биение собственного сердца и больше ничего.

В тот момент определенная мысль родилась будто бы вне меня, и медленно обволокла мое сознание. Эта мысль была ясной и понятной, выраженная словами, она бы звучала как: «Я хочу, чтобы все закончилось». Сначала мое собственное сознание отнеслось к этой мысли настороженно, но в какую-то секунду я будто бы согласился с ней, пригласил подойти поближе, и в ту секунду, когда я принял ее, наступил полный покой.

Мое сознание словно бы отделилось от тела, тот темный

комок, что принес с собой приступ, словно бы выдавил меня из моего разума и какое-то время мое тело и мое сознание существовали отдельно друг от друга. Это довольно приятное, но очень странное чувство.

Очнулся я на автобусной остановке примерно спустя час. Я просто стоял посреди павильона и смотрел, как автобусы подходят, перераспределяют группы пассажиров и едут себе дальше. Мне стало немного не по себе, ведь я даже не помнил, как пришел сюда. Точнее помнил, но это воспринималось как сон, как что-то нереальное.

А главное, я все еще чувствовал в себе ту самую тяжелую, но приятную мысль о том, что скоро все закончится. Приступ вроде бы отступал, но я еще чувствовал в себе эту темную субстанцию. И тут вдруг мой собственный голос в моей голове произнес фразу: «Если сейчас приедет тринадцатый автобус, то значит время пришло. Плевать на все!» Это был мой голос, но эта мысль словно бы была чужеродной, пришедшей извне.

И, представляешь, он взял и действительно приехал, к остановке неожиданно подошел тринадцатый автобус, словно бы только меня и ждал.

Вдруг мне стало очень приятно и легко на душе. Я даже обрадовался тому, что пришел именно тринадцатый автобус. Кто-то сделал выбор за меня и от этого я был счастлив. Ведь есть в человеческой природе один неприятный изъян, нам проще следовать чьим-то указаниям, чем решать самим. Это

снимает с нас некую ответственность, дарует успокоение и дает право оправдывать свое бессилие превратностями судьбы.

И тут я посмотрел на высокое шестнадцатэтажное здание на противоположенной стороне улицы. Я осмотрел его снизу доверху и, остановив свой взор на крыше строения, я почему-то почувствовал некое удовлетворение, словно бы я трудился над некоей сложной задачей и внезапно нашел верное решение.

И в ту секунду приступ неожиданно прекратился. Я вернулся в свое тело, и мир снова начал передавать сигналы непосредственно моим органам чувств. И знаешь, что со мной произошло? Я испугался. Испугался не так, как это делает взрослый человек, а как беззащитный ребенок, что пугается монстра под кроватью. Я полностью отдался панике и просто побежал. Да, просто бежал сломя голову, не разбирая дороги. И единственное чего я хотел в тот момент – это оказаться подальше от остановки, от тринадцатого автобуса и от той самой высотки.

Я серьезно испугался того, что могу умереть вот так, в приступе. Уйдя в этом состоянии, я ничего не осознаю, мне не будет больно или страшно, но при этом меня словно бы убьет кто-то другой. Внешне это будет выглядеть как самоубийство, но участвовать в этом на самом деле будут двое.

Я утратил контроль над собой. Это было очень страшно, и я никому не пожелал бы пережить подобное. На данный мо-

мент я пережил уже четыре подобных приступа с разницей в пять-шесть дней.

Я никак не могу это контролировать и больше всего на свете я сейчас боюсь думать о том, что это может случиться со мной, например, в тот момент, когда буду гулять с сыном. Я не смогу что-либо предпринять, но я очень не хочу, чтобы он увидел, как папа, ментально разделившись на две ипостаси, делает с собой что-то скверное.

Ведь, несмотря на все текущие неурядицы, я очень люблю своего ребенка и очень хочу проводить с ним все свое время. Пожалуй, только это я и называл бы полноценной жизнью. Но мир устроен несколько иначе, и я в нем вечный должник. Я должен! Я должен всем подряд! Должен ходить на опостылевшую работу! Платить ипотеку! Должен тем! Должен другим! Должен! Должен! Должен! И из-за всего этого бреда, что сейчас составляет основу моей жизни, у меня просто не остается достаточно сил, чтобы провести с сыном столько времени, сколько я считаю достаточным. Я существую на работе и в прочих бессмысленных обязанностях часами, а живу от силы несколько минут в день. Так вот ответь мне, друг, что это за дурацкое существование в уплату некоего долга, при условии, что ты ничего не занимал?

Прости, я немного отвлекся.

Рассказывал ли я кому-либо о приступах?

Естественно. О самом первом случае я рассказал жене, близким, друзьям. Но реакция окружающих была достой-

ной. Ну, то есть вообще никакой. Правда. Я клянусь. Всем плевать.

—

Неприятно признаваться, но я перестал обращать внимание на многие бытовые мелочи, вроде уличного термометра. Когда выпал снег и вдарили морозы, я спокойно вышел на улицу в осенней куртке, кроссовках и без шапки. Самое удивительное в том, что я не чувствовал холод. Я осознал, что делаю что-то не то, только потому, что люди на улице как-то странно смотрели на меня.

Я словно жесткий диск, доживающий свои последние дни. Часть информации удаётся обрабатывать, но битых секторов становится все больше, и я забываю даже то, что сделал только что. Иногда я смотрю прямо на человека, и понимаю, что не помню того, что он мне только что сказал.

А где-то полгода назад я заметил резкий перепад в моем состоянии и настроении. Я начал добровольно отказываться от того, что раньше приносило мне удовольствие.

Я очень любил сочинять музыку. С самой юности я любил играть на гитаре, и придумывать незамысловатые мелодии. Но затем словно что-то сломалось, и в последний раз я что-то сочинил еще в июне. Это была коротенькая зарисовка, последние две минуты моего творчества. И после этого ничего, только пустота.

Я всегда визуализировал свою музыку, перед тем как облачить ее в ноты. Я проигрывал мелодию в голове и, отпу-

стив сознание, погружался в те эмоции, что дарит мелодия. После этого музыка рождалась очень легко, главное было – успевать ее фиксировать. Но после той жалкой июньской по-туги все заканчивается. Я тупо сижу с гитарой в руках и не могу связать даже двух нот. В голове лишь вязкая пустота. Я бесцельно бью по струнам, но мелодия не рождается, вдохновения больше нет.

Еще я очень любил книги. Даже сам написал несколько рассказов. Я всегда предпочитал фантастику и мечтал стать таким писателем, как Филип Дик. Долгое время я усердно работал над своими произведениями – редактировал их, продвигал как мог, но в итоге недавно я смирился с мыслью, что стал просто еще одним парнем из интернета без надежд и перспектив и просто сдался.

Да, прямо сейчас я печатаю текст, но я уже не могу творить.словно стенографистка я могу лишь фиксировать. Я просто вытаскиваю по кусочкам информацию из поврежденного винчестера, и когда тот скудный запас закончится, я остановлюсь. Пальцы просто замрут над клавиатурой, и я буду неподвижно сидеть у ноутбука еще битых полчаса не в силах сообразить, что мне просто нечего больше тебе сказать.

–

Сейчас меня мучает похмелье. Накануне я набрал в магазине дешевого виски, дождался, пока жена с сыном уснут и крепко напился. Нет, я вовсе не хотел повеселиться и не был знатным домашним алкоголиком. Просто я рассчитывал, что

смогу таким образом непрерывно проспать некое продолжительное время, но из этой и из задумки ничего не вышло. Уже очень скоро я проснулся с начинающимся жутким похмельем и в сопровождении невероятного чувства стыда, словно бы я совершил что-то непоправимое, хотя на самом деле я даже не покидал свою комнату.

Голова трещит, руки жутко ломит, а сердце словно бы пропускает каждый четвертый удар, отчего немного колет в груди. И на фоне всего этого я сразу вспоминаю своего отца. Неудивительно ведь он был алкоголиком и, скорее всего, часто испытывал подобное состояние.

Да, мой папа был весьма своеобразным человеком, и его участие в моем воспитании, вернее, его полное отсутствие, не могло не сказаться на мне и всей моей жизни.

Для полноты понимания я, пожалуй, расскажу тебе пару историй из моего детства. Не знаю зачем, наверно просто сейчас я как раз достиг той самой ранней стадии выхода из алкогольного опьянения, когда положено вспоминать былое.

Итак, начнем с более раннего эпизода. Дело было в девятносто шестом году, это я хорошо помню. Одним весенним деньком к нам в гости пришел отец. Тогда он с нами уже не жил, а только изредка приходил в гости. И в ту пору он иногда приходил откровенно пьяным, а иногда брал волю в кулак и являлся трезвым. В численном выражении это составляло где-то семь случаев к трем соответственно.

В тот день он пришел с легким амбре, но вполне трезвым

и сообщил матери о том, что у него есть деньги и он намерен отвести меня в кафе. Ух, друг мой, это было знаковое событие, ведь именно об этом я мечтал долгие месяцы. Все дело в том, что в конце улицы, по которой я тогда жил открыли первое в городе детское кафе, где подавали разные «изысканные» сладости. И это было больше событие для всех местных детишек, ведь в ту пору мало того, что денег ни у кого не было, так и купить на них особо ничего было нельзя. В общем, сказать, что я был рад – ничего не сказать.

Правда, подвох я почувствовал почти сразу. Хотя бы потому, что мы пошли в другую сторону. Я отлично знал, где располагается кафе, потому что нередко просто проходил мимо него, заглядывая в витрину. Но я был всего лишь доверчивым ребенком, смолчал и покорно шел «не туда». И когда я, наконец, не выдержал и спросил отца, а куда же мы собственно идем? Тот спокойно ответил, что есть другое крутое кафе, намного лучше чем то, в которое я хотел пойти. И я более чем удовлетворился таким ответом. Как и любой ребенок, я слепо верил всему, что говорят мои родители. Я отлично знал, как выглядит то место, где я так хотел побывать, и раз отец говорит, что то место, куда мы идем еще лучше, значит, так оно и есть.

И воображение уже рисовало мне настоящий сахарный дворец, где даже столы были сделаны из чистейшего шоколада. Посему, когда я, наконец, увидел то самое «отличнейшее» кафе, то легкая обида затаилась где-то в душе. Я смот-

рел на лестницу с отбитой плиткой, обшарпанную табличку с облезшим логотипом, часы работы на которой надписали синим маркером, и честно искал, что же тут такого хорошего.

А внутри ведь было еще «лучше». Вокруг столов, покрытых «белыми» скатертями, пятна на которых, вероятно, были старше моего отца, стояли перекошенные деревянные стулья. Несмотря на то, что в помещении сильно пахло хлоркой, пол тут был очень грязным, а проходах между столами советская плитка потеряла свой цвет и местами потрескалась.

Когда мы с отцом подошли к прилавку, я заглянул в витрину, и где-то внутри меня умерло что-то прекрасное. При виде пирожков, завернутых в полиэтилен и намертво прилипших к нему, а также застоявшихся салатиков с желтым майонезом у меня заболел живот. Но папу, кажется, все устраивало, он поздоровался с продавщицей – необъятной женщиной в синем переднике, подбородок которой плавно переходил в грудь без каких-либо намеков на изгибы, а потом обратился ко мне:

– Что ты хочешь?

– Я хочу в другое кафе.

Я помню, что именно так ему и ответил. И помню, как отец на это лишь махнул рукой, и на что-то разозлившись, заказал мне пирожок с капустой, бутылку самой дешевой газировки и мороженое. Себе он заказал бутерброд с блестя-

щей на свету рыбой и стакан минералки. Когда он заказывал минералку, он сделал какой-то странный жест рукой, его я тоже хорошо запомнил.

Когда мы сели за стол, повисло тяжелое молчание. Я заставил себя попробовать пирожок и немного отпил газированной воды. Мой желудок впервые в жизни получил такую дикую комбинацию неизвестных науке отравляющих веществ и запротестовал, поэтому я сидел и просто смотрел, как тает поданное в металлической чашке мороженое.

А папа вдруг выпил целый стакан минералки и, поморщившись, в один укус съел бутерброд, после чего громко крикнул на все заведение. «Еще бы, я вообще не смогу выпить целый стакан минералки махом», – подумал тогда я. А папа тем временем пошел к стойке и заказал себе еще один бутерброд и еще один стакан минералки.

Он вернулся, и, даже не садясь за стол, выпил еще один стакан минералки и съел бутерброд. Потом немного постоял и почему-то сел рядом со мной, хотя до этого сидел напротив.

Отец вдруг начал что-то мне рассказывать, зачем-то требуя от меня, чтобы я смотрел ему в глаза. Не помню в деталях, что он говорил, в его речи трудно было что-то разобрать. Но он придвигался все ближе ко мне, покуда его лицо и налитые кровью глаза не оказались прямо около моего лица. От него чем-то воняло, в его глазах горел гнев, а мне было очень-очень страшно. Таким беззащитным я еще

не чувствовал себя никогда. Тогда в кафе, я вжался в стул так сильно, как только мог, но отец продолжал давить, пока я не выдержал, и одинокая слезинка потекла по лицу. «Ты что боишься меня?! Отца родного, мать твою!» – закричал он.

Плохо помню, чем закончилась эта история. Помню только одну картину – я стою на пороге кафе, а отец валяется прямо передо мной на мокром от дождя асфальте. Я плачу, а толстая продавщица гладит меня по спине и пытается успокоить. Сквозь пелену слез я вижу, что мама бежит ко мне со стороны автобусной остановки, и я, перепрыгнув через бездыханное тело отца, бегу к ней навстречу.

После того события я впервые заработал проблемы со сном и не мог нормально спать на протяжении двух недель, а отца не подпускали ко мне на протяжении нескольких месяцев, правда, тот и сам не очень-то ко мне рвался. Такая вот, обычная для девяносто шестого года, история.

Ну и еще одну историю расскажу, вдруг тебе интересно.

Я вспоминаю свой десятый день рождения. В ту пору, как и любой нормальный подросток, я очень хотел велосипед. Но все время обстоятельства складывались, так что эта покупка постоянно откладывалась, напрочь исключая меня из социальной жизни моего родного двора.

Так вот, где-то за месяц до моего дня рождения мама намекнула, что папа подарит мне велосипед. Ура! Свершилось! Наконец-то дни моей вынужденной транспортной изоляции минуют. Каюсь, в ожидании знаменательной даты я даже на-

чал вычеркивать дни в календаре.

И когда, наконец, пришел заветный день, мама подозвала меня и сказала, что на лестнице меня ждет папа и хочет что-то мне подарить. И я, забыв про тапки, прямо в носках выбежал на лестничную клетку. И там меня ждало, что бы вы думали? Правильно – разочарование. Слегка пошатываясь, отец стоял на лестнице и держал за руль, кстати, бережно обмотанный синей изолентой, настоящее чудо советской промышленности. Да, технически это был велосипед. Тут уж ни прибавить, ни отнять. Но меня немного смущали: проржавевший остов, выцветшая только с одной стороны краска, цепь без единой капельки масла и, вишенка на этом празднике упадка, спущенная и сдернутая с обода передняя покрышка.

– Держи, сынок. С днем рождения! – Он с улыбкой подтолкнул ко мне это корыто.

А я уже погас, я уже все осознал. Я понял, что мама и папа меня обманули. Я отстранился от столь замечательного подарка, развернулся и молча побрел домой. Ради чего все это? Ради чего я ждал целый месяц? Ради «мечты велосипедиста 1968»? Я со всей силы постучался в дверь, мама в недоумении открыла мне, и я молча прошел в самый дальний угол квартиры, чтобы спрятаться там.

Я слышал как мама орала на отца в подъезде. Потом они зашли в квартиру, она наорала на него еще раз. Потом, найдя меня, папа начал рассказывать какую-то удивительно-де-

тективную историю. В ней говорилось о том, что на самом деле подарок мой стоит в квартире папиного друга. Но в подъезде, где живет его друг, на кого-то напали, приехала милиция (тогда она так называлась) и все оцепила. Папа не может сейчас принести подарок, его просто не выпустят милиционеры. Чушь? Естественно. Даже десятилетний мальчик понял, что ему на уши бережно навалили целый дуршлаг лапши.

Повзрослев, я узнал, что тогда мама попыталась как-то реабилитировать отца в моих глазах и доверила ему все деньги, что скопила мне на подарок. От него требовалось только лишь купить мне велосипед и больше ничего. Но папа, естественно, быстро пропил все эти деньги и приволок вместо нормального велосипеда, какой-то металлолом, который он, верное дело, откопал на балконе одного из своих собутыльников.

Вот такие вот теплые воспоминания об отце. Впрочем, он оставил после себя и что-то хорошее, просто я никак не мог найти в своей памяти что-то конкретное. Особенно тяжело это сделать теперь, когда любые воспоминания испаряются из памяти, едва я пытаюсь к ним обратиться.

И да, со временем я начал относиться к своему отцу отстраненно, словно бы это был посторонний человек, почему-то постоянно лезущий в мою жизнь. Почему? Да потому что в конце концов я просто привык. Привык не бояться его пьяных выходок. Привык, что его иногда колотили друзья. При-

вык не верить ни единому его слову. И все происходящее с ним постепенно перестало меня задевать.

А, когда мне было пятнадцать, он и вовсе попал под машину. Зачем-то, будучи пьяным, он решил посреди ночи перейти оживленную скоростную магистраль. В тот день ему просто перестало везти, если говорить иносказательно, то в тот день море наконец-то поднялось ему выше колена. Я, конечно, переживал. Но к тому моменту я уже понимал, что это случится скорее рано, чем поздно и мысленно был готов к такому исходу.

И раз уж я вспомнил свое детство, то не могу не упомянуть здесь заслуг моей матери. Ведь именно она одна тянула семью из пяти человек. Ведь, кроме меня и старшего брата, ей приходилось обеспечивать бабушку и сильно пострадавшего от инсульта дедушку. Она работала буквально до изнеможения. Например, выходила работать грузчиком по выходным, лишь бы у нас была еда на столе.

Мам, если ты все же читаешь эти строки, то знай – ты ни в чем не виновата. Очень жаль, что у меня прохудилась голова, но боюсь, что дальше будет только хуже. Мое сознание подводит меня, память ухудшается, я практически ничего не ем и каждую ночь не могу заставить себя уснуть. Я на пределе, и сейчас больше всего на свете я боюсь окончательно утратить над собой контроль. Вряд ли ты сможешь меня понять, но завтра утром я могу выйти из дома, а затем начнется приступ и одному мирозданию известно, чем он закончится.

И если со мной все же что-то случилось, то знай, я люблю тебя, просто я так ничего и не смог с этим поделать.

—

Вчера я увидел по телевизору один новостной сюжет. Или это было позавчера? Нет-нет, это точно было вчера. Или нет все-таки? Неважно! В сюжете говорилось о том, что в моем городе женщина, мать двоих детей, выпрыгнула из окна восьмого этажа и разбилась насмерть. Ей было всего двадцать семь лет. Представляешь, всего двадцать семь, она даже младше меня. Это ужасно.

После короткой сводки с места происшествия безжалостные репортеры взяли интервью у ее мужа. Это был типичный мужчина средних лет с ранней сединой. В момент съемок он еще не сумел толком осознать всю серьезность происходящего. Он был обескуражен и никак не мог довести до конца хоть одну свою мысль. Но тут он обронил фразу, которую наверно говорят все родственники: «Она ничего не говорила... Никаких поводов... Не знаю, что случилось».

Не говорила?! Нет, мой друг, это неправда. Она много раз обращала твое внимание на то, что что-то идет не так. Просто ты всегда был так занят, что не обращал на это внимание. Конечно, немного некорректно мерить всех людей своей меркой, но я уверен, что она много раз говорила окружающим о своих тревогах.

Ведь очень легко расстаться с жизнью в пятнадцать лет, когда терзания по поводу неразделенной любви могут стать

сильнее инстинкта самосохранения. Но в двадцать семь, когда твои собственные дети делают первые шаги в этом безумном мире, решиться на подобный шаг может только доведенный до отчаяния человек.

И знаешь, сам путь от благополучия до саморазрушения все преодолевают по-разному, но уверяю тебя, всегда делают это в полном одиночестве. Я знаю это по себе, ведь когда в моей семье только начался разлад, и я еще только начал испытывать проблемы со здоровьем, то неосторожно пожаловался жене на усталость и постоянные головные боли. В ответ та молча достала из аптечки упаковку таблеток и со злостью сунула ее мне в руки. Кто бы теперь удивился тому, что уже на следующий день она перенесла все свои вещи в комнату сына и безвозвратно покинула супружеское ложе.

Вот так я остался со своими проблемами один на один. И уже пребывая в нестабильном состоянии, я невзначай пожаловался на свой недуг старшему брату, но тот лишь отшутился, сказав на это: «Я всегда знал, что ты у нас какой-то бракованный». Затем я приехал в гости к другу и нечаянно пожаловался на проблемы со сном. Он ответил: «Да прекрати ты ныть уже! Все так живут, у всех проблемы. Твоя жена – замечательный человек. Не понимаю, за какие грехи ей такой нытик достался».

И это была переломная точка. День, когда я понял, что люди вокруг меня, те, кого я считал своей поддержкой и опорой, на самом деле не слышат меня. Вскоре после этого и

случился тот первый приступ, что едва не сбросил меня с крыши высотки.

И сейчас мое состояние постоянно ухудшается. Ведь началось все безобидно, с того, что я просто не мог нормально выспаться. Затем у меня расстроился аппетит. Где-то полгода назад у меня начались постоянные головные боли. Три месяца назад у меня ухудшилась координация: сначала я просто постоянно обо все спотыкался, а сейчас же у меня постоянно так сильно трясутся руки, что я даже не могу спокойно почистить зубы. Ну и наконец, пришли приступы, и я стал обнаруживать значительные провалы в своей памяти.

Я не уверен, что та девушка из позавчерашнего телевизионного сюжета испытывала те же самые симптомы, что и я, но я уверен, что момент, когда все ломается, и ты впервые ощущаешь всепоглощающее одиночество, все мы проходим примерно одинаково.

И знаешь, я действительно боюсь, что могу сделать нечто похожее. Что это мои останки будут лежать на асфальте накрытые черным целлофаном, что трепещет на ветру, и это моя жена будет ошарашенно смотреть в камеру и как заведённая повторять, что все было в порядке.

Я не хочу убивать себя, и со времен победы над юношеским максимализмом даже не задумывался над этим, но приступы имеют определенную направленность и становятся все сильнее.

И мне страшно, я боюсь себя самого, и никто мне не по-

может.

—

Сегодня я, кажется, попал в переделку. Впервые за всю свою жизнь я ввязался в конфликт, закончившийся потасовкой. Причем сделал это без какой-либо видимой на то причины.

Это был обычный рабочий день, такой же, как еще две сотни подобных пережитых мной за этот год. Как всегда, я стоял на остановке и покорно ждал свой автобус. Накануне всю ночь шел снег, что сейчас превратился в дождь, и никто даже и не думал все это убирать, отчего дороги стали непроходимы и на остановке было довольно людно.

И вот стоя в этой разношерстной шумной толпе, я чувствовал себя некомфортно и понимал, что очередной приступ уже где-то совсем рядом. Я ясно ощущал некий блик на границе моего сознания, но еще мог с ним бороться. «Это ради сына! Ему надо кушать! Это ради него!» — шептал я сам себе, боясь потерять контроль над собой.

Но к тому моменту, когда к остановке, наконец, подошел нужный автобус, шепота было уже недостаточно. Я уже слышал биение собственного сердца в ушах, и чтобы не потерять самого себя мне приходилось со всей силы давить ногтями на ладонь.

Несмотря на общую востребованность общественного транспорта в то утро, мне повезло, и в небольшом автобусе на двадцать человек оказалось одно свободное место. Прав-

да, это было самое неудобное место – рядом с водителем. Но выбирать не приходилось, я направился к передней двери, и очень крупный мужчина с усами выбрался из салона мне навстречу, чтобы я первым забрался внутрь. То есть он пропустил меня именно на неудобное место рядом с водителем, а не продвинулся сам.

Ты наверняка и сам знаешь, как неудобно тут сидеть. Здесь тебя постоянно цепляет руками водитель, когда берет плату за проезд, по коленке часто прилетает от рычага переключения передач, а схватиться в случае резкого маневра и вовсе будет не за что. В общем, самое неудачное место во всем автобусе.

Обычно люди пропускают кого-то на это неудобное место, если сами выходят на следующей остановке. Этаким элементом современного транспортного этикета. Но мой сосед, представляющий собой большую, бесформенную массу плоти не вышел на следующей остановке. Более того, даже через одну остановку Его высочество не соизволило покинуть салон.

И тут что-то ударило мне в голову.

– Ты что, просто так посадил меня на это место? Просто ради собственного удобства?

Мужик удивленно уставился на меня своими маленькими глазками, но ничего не ответил. Он лишь удивленно причмокнул своими мерзкими губами, затем отвернулся к окну и сделал вид, что вообще ничего не слышал. И тут я ощутил такой гнев, какого еще никогда в жизни не испытывал.

– Слышь, жиртрест. – Я довольно чувствительно толкнул его в плечо.

Мужчина испуганно оглянулся по сторонам.

– Я желаю тебе сдохнуть! – вдруг заорал я во весь голос. – Нет, тебе этого будет мало, мразь! Я желаю тебе медленно помереть от рака. Желаю тебе долго и мучительно умирать на протяжении нескольких лет. Чтобы тебе было больно, чтобы засыпал с болью и просыпался с ней! Чтобы ты не мог умереть, даже когда будешь молить об этом. Чтобы ты плакал от своих страданий. Чтобы ты умирал так долго, что успел надоесть всем своим родным и близким. Чтобы, выходя из палаты, они взывали к небесам, умоляя, чтобы ты уже как можно быстрее сдох!

Я орал на всю маршрутку и брызгал слюной на эту гору плоти. А мужик ошарашенно смотрел на меня и все, что он смог выдать из себя:

– Ты чо... епт?

Он замахнулся на меня кулаком. А я ударил его прямо в челюсть, вложив этот удар всю свою ярость.

А затем еще раз. И еще раз. И еще много раз.

«Ага, давай выйдем?! – кричал я, продолжая избивать его. – Давай драться, ублюдок! Пошли! Выходи! Я буду пинать тебя, пока ты не начнешь кровью харкать! Буду бить, бить, бить. До тех пор, пока не устану. А знаешь, что потом сделаю? Глаза тебе выдавлю! Последнее что ты увидишь – это мои пальцы!»

Тут вдруг автобус замедлился. Испуганный мужчина с разбитым лицом, не дожидаясь полной остановки, буквально выпал из салона. Он сразу же поскользнулся и беспомощно шлепнулся прямо на дорогу. Не особо отдавая себе отчет в то, что делаю, я рванулся вслед за ним.

И вдруг меня сзади ворот куртки схватил водитель. Не знаю, зачем он это сделал. Не думаю, что в тот момент я выглядел как человек, которого стоит трогать. Но он схватил меня сзади и совершенно спокойно сказал.

– Не надо, братан. Сейчас на остановке выйдешь, да? Успокойсья.

И я обмяк на сиденье, словно тряпичная кукла. Я в одно мгновение словно бы потерял какой-то колоссальный импульс, и, доехав до ближайшей остановки, я без сил вывалился из автобуса. Я слышал, как за спиной завизжали, шлифуя по льду колеса автобуса, но я не нашел в себе сил даже на то, чтобы обернуться. Я сумел сделать три неуверенных шага, и меня вырвало прямо на мостовую.

Затем начала кружиться голова, и я осел на землю. Немного посидев рядом с лужей собственной рвоты и сделав три глубоких вдоха, я все же сумел побороть себя и встать на ноги. Меня шатало, а все тело перекашивало от хаотично проявляющихся судорог. От ног к голове волнами пробегал озноб, и когда он достигал головы, то замещал собой все мысли, что успели родиться в моем сознании, пока он поднимался от ног к голове. Не особо понимая, что делаю, я по-

брел в случайном направлении, лишь бы оказаться как можно дальше от этого места.

На остановке стояла целая куча народа. Еще бы, утро рабочего дня, всем надо куда-то спешить. Думаете, ко мне кто-то подошел? Что-то спросил? Нет, конечно. Лишь пожилая женщина довела до моего сведения, что мне следует меньше выпивать, ибо ее покойный муж – вот такого вот никогда себе не позволял. Я так и не понял смысла ее изречения, но вникать не стал.

Я каким-то образом определил, что двигаюсь в сторону работы и это меня вполне устроило. Я просто медленно брел в выбранном направлении, сильно загребая мокрый снег ногами.

Понимаешь, в тот момент я не чувствовал сожаления, не чувствовал страха. Хотя я ясно отдавал себе отчет в том, что пострадавший мужчина вполне может обратиться в полицию и те меня без труда отыщут. Но меня это беспокоило не больше чем погода в Гватемале, словно бы не я сейчас ударил совершенно незнакомого человека, а мною было это прочитано в разделе криминальной хроники местной газеты.

Сейчас я испытывал сожаление, испытывал стыд и возможно даже хотел бы извиниться. Но есть одна вещь, что тревожит меня куда сильнее самого инцидента – это провал в памяти. Я помню, как куда-то шел от автобусной остановки, но не помню, куда в итоге пришел, и что я там делал. Кажется, я просто пришел на работу, слегка опоздав, и про-

сто выполнял свои будничные обязанности, как полагается. Впрочем, я не могу быть в этом уверен, ведь память вернулась ко мне только в девять вечера, когда я был дома.

—

Не могу сказать, что в школе я чем-то выделялся. Самый обычный подросток, часть умеренно серой массы. Правда, круг моих друзей был весьма невелик. Но связано это в первую очередь с тем, что я не особенно легко вхожу в контакт с новыми людьми.

Я не могу прийти в незнакомую компанию и сразу влиться в нее. Чтобы начать активно общаться с человеком, мне требуется довольно много времени. Мне необходимо узнать его поближе, четко уловить особенности его поведения. Те, кто меня знают, скажут, что я лукавлю, что я всегда уверен на людях, выступаю на публике и, вероятно, никто не чувствует себя так уверенно в большой компании.

Но это на самом деле не так.

Ведь для того и существуют подобные записки, чтобы рассказывать в них всю правду. Верно? Так вот, с годами, путем многих неудач и провалов, я научился ловко подстраиваться под любое общество. Мне достаточно взглянуть на тех, с кем мне предстоит сегодня общаться, и я уже знаю, какое обличье мне стоит достать из моего внутреннего шкафа. И я так ловко это делаю, что даже сам уже забыл, как выгляжу и что думаю на самом деле.

Даже в тот день, когда я познакомился со своей женой,

я был в одной из этих тщательно проработанных масок. Да, со временем я подмешивал к созданному мной образу элементы себя реального, но чем больше во мне было моего, тем чаще я слышал: «Когда мы познакомились, ты был совершенно другим». И за последний год я приобрел полную уверенность в том, что «настоящий» я ей не подходит. Так сложилось. Видимо, не надо было казаться кем-то другим, может тогда и не было бы сейчас этого мучительного чувства одиночества.

Впрочем, я отвлекся. Так вот, из школы я вынес немало полезных уроков. Например, научился пить, курить и ругаться матом. Но самое главное как раз в том, что именно в школьные годы я и научился маскировать свою нелюдимость. Хотя нет. Нелюдимость – неудачное слово. Я любил общаться, любил веселые компании. Но мне нужно довольно много времени, чтобы стать «своим». Вот оно! Верная формулировка. Я совершенно не «свойский» человек, и именно в школе я научился прикидываться «своим».

Возможно, эта моя осторожность в общении с людьми была воспитана отцом, благодаря которому я отвык доверять людям, и боялся лишний раз обжечься. Возможно все дело в том, что я был младшим ребенком в семье и долгое время знакомился с кем-то только по протекции старшего брата. В общем, откуда бы ни взялась эта робость, она была со мной с глубокого детства.

И я сначала жить с этой неуверенностью было тяжело.

Все ребята в классе быстро перезнакомились и сдружились пока я еще только начал присматриваться, кто же из них мог бы стать моим другом. Этот поезд быстро ушел, и мне пришлось его догонять, на ходу что-то придумывая.

Далее именно во время обучения в школе я определил для себя те две стези, которые приносили мне удовольствие на протяжении всей моей жизни.

Для начала, я с парой друзей основал «локальную панк-рок» группу. Наверно в каждой школе есть своя группа странных ребят, которые старательно изображают нормальных музыкантов. Мы играли ничем не примечательную музыку на клееных деревяшках, которые по ошибке назывались инструментами. Но именно этот ансамбль привил мне любовь к музыке. С окончанием школы распалась эта группа. С после второго курса института развалилась другая. А я продолжал заниматься музыкой и до недавнего времени продолжал сочинять и получать от этого неподдельное удовольствие.

Далее, я всегда любил сочинять различные истории и придумывать самые разные миры. В ту пору, когда я еще не умел писать, то рисовал убогие комиксы про зайцев. И вот тут могу точно сказать, что рисование – не мое. Посему комиксы быстро ушли на второй план и как только я научился писать, то сразу взялся за сочинение историй. Они были непродуманными и короткими, но я не сдавался и продолжал писать, постепенно наращивая формат. И к середине восьмого клас-

са у меня была готова приличная повесть. Глупая и наивная история, но в целом ее даже можно было прочитать, не сильно при этом страдая.

Так вот и писал я с большой охотой и любовью, покуда в конце девятого класса нам не задали сочинение, что должно было быть посвящено теме борьбы с наркотиками. Нам объявили, что сочинение конкурсное. Если выиграешь на школьном уровне, то отправят на городской уровень, а потом и на областной, и уже если там занять хотя бы третье место, то в подарок дадут новенький телевизор. По тем временам это был просто великолепный приз. И поскольку мне в целом нравилось сочинять и без посторонних стимулов, я взял в руки ручку и за неделю выдал свой «шедевр».

В общем, меня отметила фортуна и мое произведение дошло до областного уровня, а уже летом мне неожиданно позвонили и сказали, что я занял призовое место и теперь меня ждет ценный приз.

Собственно, первого сентября, сразу после торжественной линейки меня торжественно наградили. Целая толпа педагогов во главе с директором прибыли поздравить меня. Выглядели они при этом так, словно каждый из них лично внес свою лепту в написанный мною текст. Хотя, к слову сказать, с редактурой мне помогал только один педагог, и она, кстати, под натиском более «благопристойных» коллег к этому моменту уже уволилась.

В общем, нас сфотографировали, директор выдал торже-

ственную речь. А затем мне, наконец, выдали грамоту, медальку и кружку.

Кружку?!

Да, обычную кружку. Зелененькую. Вполне себе симпатичную. Но представь мои эмоции? Обещали огромный телевизор, а дали кружку. Так я и познакомился с миром взрослых. Добро пожаловать, так сказать. Кружку я почти сразу передарил, медаль выбросил, а грамоту ритуально сжег около подъезда. После такого «вознаграждения» я не писал почти три года и вернулся к сочинительству уже, будучи студентом.

—

Я запутался и не знаю точно какой сегодня день недели. Кажется, я сделал все как положено: сходил на работу, вернулся домой и теперь привычно сидел в полном одиночестве на своей кровати. Да, если дома не было сына, то придя с работы, я просто садился на диван и безуспешно старался хоть немного подремать. Это не приносило никакого облегчения, но время при этом все же неуклонно шло вперед, что меня вполне устраивало.

Итак, что я вообще знаю про сегодняшшний день? За окном темно, а часы показывают девять сорок, значит сейчас вечер. Жены и ребенка нет дома в столь поздний час, значит, они остались на ночь у тещи. Оставались они там либо в пятницу, либо в субботу, и раз сегодня я был на работе, значит сегодня пятница.

Вот так я сумел установить какой сегодня день недели. Единственное, я не был до конца уверен в том, что ходил сегодня на работу. Кажется, я был там, но каждый новый день на моей работе схож с предыдущим до мелочей, и точно понять, что было вчера, а что сегодня невозможно. Никаких конкретных деталей, подтверждающих, что я был на работе именно сегодня, из своей дырявой памяти мне выудить так и не удалось. Поэтому вполне вероятно, что я весь день так и просидел на этом диване, не двигаясь с места.

Плевать, вряд ли по мне скучали. Со мной давно никто особо не общался на работе, все разговоры были только по делу. Моя работоспособность была вполне сносной, я делал необходимую работу на автомате, и делал ее неплохо.

Переступая порог офиса, я словно бы погружался в вязкое серое измерение, где был отделен от моей физической оболочки и, пребывая в некоей дреме, смотрел оттуда на то, как мое тело что-то печатает, что-то считает и кому-то что-то говорит. Иногда это тело вставало из-за стола и куда-то относило документы, после чего возвращалось на свое место и часами смотрело в окно поверх монитора и так пока не стукнет шесть часов.

Кажется, на прошлой неделе, я не помню в какой день, к моему столу неожиданно подошли. Красивая молодая девушка азиатской внешности в строгом брючном костюме и в туфлях на высоком каблуке подошла к моему столу и улыбнулась мне.

Пребывая в сером измерении, я видел, как мое тело отвлеклось от созерцания окна и посмотрело на девушку. Она хотела что-то мне сказать, даже набрала воздуха в грудь, но так и не решилась. Она немного постояла в нерешительности, слегка покраснела, как-то растерянно улыбнулась и поспешила удалиться.

Это была моя начальница – Надежда Симидзу. Наполовину японка, наполовину русская, она провела все детство неподалеку от Магадана, где работали ее родители. Она была единственным человеком в фирме, кто, кажется, догадывался о том, что со мной что-то не так и всегда старался со мной хотя бы поговорить.

Она дружелюбно улыбнулась мне и спросила, не хочу ли я посетить традиционный новогодний корпоратив. Я вежливо отказался, что явно не было неожиданностью для Надежды, хоть та и изобразила разочарование. Моя одиноличность и обособленность от коллектива уже давно никого не удивляли.

А ведь только представь себе, еще весной я буквально сидел в печенках у начальства: то просил повышения, то прибавки. Я подходил с этими вопросами к Надежде каждые пару дней. Выполнял свою работу так качественно и быстро, как только мог. Симидзу постоянно хвалила меня перед руководством, но все эти усилия пошли прахом, и я постепенно разуверился в работе, в выбранной профессии и в себе самом.

Кажется, все это было недавно, но в моей жизни все успешно измениться настолько, что теперь я сижу и смотрю выключенный телевизор, вполне удовлетворённый результатом. На ноутбуке, что лежит рядом, открыт вордовский файл. Иногда я отрываюсь от бессмысленного бдения и что-то печатаю. Это печально, но такова теперь вся моя действительность – обрывки памяти и мигающий курсор на белом фоне.

–
– Что ты там все пишешь? – спрашивает жена.

– Книгу, – отвечаю я.

– И что, думаешь, в этот раз повезет?

– Вряд ли.

– А зачем тогда пишешь?

– Просто я люблю писать.

– Мммм, понятно. Работу лучше бы искал.

– Я ищу.

– Да вижу я, как ты ищешь! Ты что вообще не понимаешь, что у нас денег нет?

– И что?

– А то! Ты – мужчина! Ты должен нас обеспечивать.

– Я вроде обеспечиваю. Я разве дома сижу и бухаю целыми днями?

– Недостаточно! Возьми подработки, если не можешь нормальную работу найти.

Я ничего не отвечаю.

– Иди в магазин грузчиком. А то расселся он тут! Я же

тебе скидывала вакансию, почасовая оплата, рядом с домом. Ты невыносим.

Я ничего не отвечаю.

– Знаешь, когда я выходила за тебя. То думала, что ты будешь нас обеспечивать.

Я ничего не отвечаю.

– Ты все мечтаешь о гитарах своих, о книгах. У тебя есть образование, есть специальность, вот иди и работай!

Я ничего не отвечаю.

– Опять в молчанку свою играешь? Очень по-взрослому!

Я ничего не отвечаю.

– Ладно, я пошла в парикмахерскую. Занимайся чем хочешь!

Я слышу, как она собирается. От злобы у нее дрожат руки, отчего все буквально сыпется из ее рук. Она роняет ключи, затем, пытаясь поднять ключи с пола, цепляет свою сумку, и та тоже с грохотом падает на пол. Она бормочет себе под нос последние ругательства, проклиная каждый элемент мироздания, которому не повезло сегодня с ней столкнуться. Затем я слышу, как она со злобой застегивает молнию на своих сапогах, и, наконец, на прощанье громко хлопает входной дверью, а я снова остаюсь один на один с самим собой.

Так ведь было не всегда?! По крайней мере, мне кажется, что когда-то все было иначе.

Сейчас мы с ней разговариваем только так. Порция упреков, затем скандал и кто-то из нас покидает помещение. А

ведь еще пару лет назад мы, и правда, жили душа в душу. С готовностью делили поровну как радости, так и горести. Но затем мой заработок упал, все наши разговоры стали похожи один на другой и ныне целиком состояли из претензий в мой адрес. Я же либо вообще никак не отвечал, либо говорил одну или две ничего не значащих фразы.

Тут мой взгляд невольно падает на большую фотографию, висящую на стене над комодом. На этой фотографии запечатлены мы с женой, что впервые в жизни выбрались на заграничный морской курорт. Тут мы такие молодые, такие красивые и, главное, мы еще любим друг друга. Глядя на эту фотографию, я вижу ту самую женщину, которую я с радостью повел под венец, ни секунды не сомневаясь в принятом решении.

Я смотрю на эту фотографию, где я делаю вид, что пью из фужера некий коктейль через соломку, а моя супруга широко улыбаясь, деланно позирует фотографу, придерживая одной рукой шляпу с невероятно широкими полями. Как же я скучаю по ней. И самое болезненное тут в том, что она всегда рядом, тот человек, о котором я грущу всегда подле меня, но все настолько поменялось, что я могу быть счастлив с ней, лишь вспоминая моменты нашего благоденствия. И мне страшно представить, как после очередного приступа я посмотрю на эту фотографию и не смогу вспомнить ту поездку. Сейчас я еще могу быть уверен, что счастье у меня хотя бы когда-то было, скоро не останется и этого.

Какая она? За что я ее полюбил?

Знаешь, моя жена очень красивая. Статная и высокая. Она очень стесняется своего роста и никогда не носит обувь на каблуке. В последний раз она надевала туфли на выпускной вечер в училище. И фотография с того мероприятия, где она выше всех тщательно спрятана в самый дальний уголок антресоли.

Еще в школе она играла в волейбол, но как только школа закончилась, она решила отказаться от профессиональной карьеры и бросила это занятие ради учебы. Однако это увлечение, естественно, повлияло как на ее внешность, так и на ее стан.

Моя супруга очень худая. Любая бабушка у подъезда сказала бы, что я ее совсем не кормлю. До родов она была немного «мясистей», но после родов у нее появился пупок, что она толстая, и она чересчур похудела. Впрочем, даже в прежние времена она не была обладательницей пышных форм.

Мне очень нравились ее длинные черные волосы. Они всегда красиво сочетались с ее южным лицом. Я любил гладить ее волосы. Любил их расчесывать, когда она просила. Но потом она забеременела и в какой-то момент просто остригла их. Да, возможно, ей и правда шла эта новая прическа, но я так и не привык к этому образу.

Ее новый внешний вид словно бы сделал ее новым человеком. У меня даже возникло ощущение, что мою жену под-

менили в парикмахерской. Вероятно, в тот день, когда она отправилась в салон, ее похитили, а ее место прислали какого-то бесчувственного робота. Представляешь, моя жена – та милая и нежная женщина сейчас в лапах злодеев. А я живу с жестоким роботом, который знает всего три слова. «должен», «деньги» и «отвали».

Я сейчас попытался вспомнить, когда у нас последний раз был интим и не смог. Вероятно, это было даже не в этом году. Похоже, я утратил всякий интерес к противоположенному полу, вот только осознать это сумел лишь сегодня.

И да, думаю, у нее кто-то есть на стороне. До того, как все сломалось, моя жена очень любила секс. Она занималась любовью с большой отдачей и всегда предлагала что-то новенькое. Вряд ли ее может устроить нынешнее положение вещей.

Мне стало обидно, но лишь на долю секунды, пока я не вспомнил наш недавний разговор. Боюсь, даже если бы затеяли любовные игры, то у нас бы ничего не вышло, ведь очень тяжело испытать эрекцию в присутствии человека, который ассоциируется исключительно с чем-то неприятным.

–

И все-таки главную свою ошибку я совершил после окончания школы, когда была предоставлена возможность выбрать, кем же мне быть в этой жизни. Как и многие другие, я халатно отнесся к своему будущему, за что теперь расплачивался по полной, ибо это самое будущее больше не сулило мне ничего хорошего.

Я тут задумался и прикинул, что целых десять часов и двадцать минут в день я трачу на работу и дорогу туда. То есть практически весь свой день я трачу на то, что мне не нравится. Я делаю это, потому что должен. Не более. Никакого удовлетворения, никакой радости и платят мне за это жалкие копейки, которых не всегда хватает до следующей зарплаты.

Недавно я понял, что все мои беды из-за этих самых десяти часов двадцати минут. Я вдруг очнулся посреди этого замкнутого цикла и осознал, что моя жизнь проходит здесь и сейчас, но проходит она мимо.

Знаешь, старики часто говорят: «Ох, так быстро время пролетело!». Но я уверен, что они не правы. Это не время идет быстро. Это не счастливые часы, которые тают незаметно. Это из-за того, что все прожитые дни похожи один на другой. Сорок лет до пенсии состоят из ежедневных десяти часов и двадцати минут на работе.

Мы всегда находимся там, где не хотим быть. Наши дети вырастают и встают на ноги без нашего участия, пока мы тратим время не пойми на что. И да, это происходит слишком быстро, но это не неизменная особенность течения жизни, это из-за атрофии мозга. Человеческий мозг способен хранить и анализировать гигантские объемы информации. Но вместо этого мы даем ему пищу в виде десяти часов и двадцати минут ежедневной рутины. Из-за этого получается, что каждый день похож на предыдущий как две капли воды. И мозг просто не сохраняет ничего из прошедшего дня. А

зачем? У него уже есть такой день в памяти, зачем забивать архив одинаковыми копиями?

Вот и кажется людям, что время идет быстро. А на самом деле они просто просуществовали такую жизнь, в которой и запомнить то было нечего.

Кажется, сейчас на дворе середина декабря, я не уверен, но я попытался вспомнить, что интересного произошло в июне и не смог. Это не нормально, так не должно быть.

И сейчас я думаю, что счастье вовсе не в деньгах и не в безграничной любви, ибо все это проходящее. Счастье в том, чтобы найти себя и превратить те десять часов двадцать минут бессмысленной рутины в то, что приносит тебе удовольствие и удовлетворение. Позволяет тебе почувствовать себя человеком и заставляет двигаться вперед.

И это умозаключение собственно возвращает меня к главной моей ошибке в жизни, к ошибке в выборе будущей профессии.

Итак, на момент окончания школы я и сам не знал толком, кем хочу быть. К тому моменту школьная панк-группа перестала существовать, а от писательского ремесла меня надолго отвадила зелененькая кружка.

Но однажды я случайно наткнулся на книги Владимира Санина об антарктических экспедициях. И тут пошло-поехало. Я достал старые библиотечные экземпляры дневников Роберта Скотта и Руала Амундсена, читал их взахлеб и тайно мечтал оказаться на далеких и мрачных берегах Антарк-

тиды.

Этот суровый и негостеприимный край почему-то манил меня. Меня манила тяга к испытанию самого себя этой жесткой средой. Антарктика представлялась мне удивительным местом, где люди сбрасывают свои маски и, борясь с жестокой действительностью, могут, наконец, быть теми, кем они являются. Как человек, который постоянно примерял чужие обличия, я мечтал оказаться в мире, где все естественны и честны не только с окружающими, но и сами с собой.

Я сильно загорелся этой идеей. Захотел отучиться на гляциолога – это специалист по изучению природных льдов. Я сел и начал искать, где же в нашей славной стране, которая еще совсем недавно была весьма продвинута в изучении полярных широт, учат на гляциолога. И узнал одну шокирующую правду. Нигде. Гляциологи этой стране были не нужны.

А время уже поджимало, посему я спустился с небес на землю и начал реалистично обдумывать то, кем мне предстоит стать во взрослой жизни. Я просмотрел все вузы и училища, которые бы потянул и решил, что нашел подходящий вариант.

Ведь мне все еще нравилось сочинять истории и придумывать миры. Да, у меня не получилось должным образом воплотить их в словесной и печатной форме, но почему бы не попробовать визуализировать их в интерактивном виде? Делать игры. И я решил поступать в областной вуз для того, чтобы освоить техническую составляющую этого направле-

ния. Областной вуз имел достойный факультет по этому направлению и не требовал заоблачных проходных баллов.

Мечты с каждым днем заводили меня все дальше. Когда я ложился спать, будущее уже ясно виделось мне как главенство в небольшой студии по производству нестандартных игр. Я лежал в постели и грезил о собственной студии, что расположилась в небольшом ныне заброшенном здании детского сада в старой части города.

На той же улице где находился заброшенный детский садик, располагался старый, но еще работающий, хлебокомбинат. И я представлял себе, как ранним утром подхожу к зданию студии, что скрыто от пытливых взоров раскидистыми вековыми дубами и вдыхаю аромат свежего хлеба, что каждое утро наполняет собой всю улицу.

Это была довольно-таки наивная мечта. Но она у меня хотя бы была, я был готов к чему-то стремиться.

Все поломалось, когда я озвучил свою идею родным. Они были настолько шокированы, что поначалу даже никак не отреагировали. Но потом началось планомерное разрушение фундамента моей уверенности. Ты уверен, что работу потом сможешь найти? Экзамены-то сможешь сдать, ведь вуз-то областной? Может, что-то более приземленное придумаешь, а?

И я сам не заметил, как отказался от своей же собственной мечты и взял на вооружение чужую. Я упустил тот момент, когда отошел от того, что нравилось мне самому, и по-

верил в то, что было «престижно». Я не успел толком ничего понять, а уже стоял в приемной комиссии местного вуза и подавал документы на специальность, которая называлась: «Бизнес-информатика».

И осознал всю серьезность своей ошибки я совсем недавно, когда начал, словно в омуте, тонуть в своей «счастливой» действительности.

Как же так вышло? Почему я не настоял на своем? Это правильные вопросы. Но задал я их себе слишком поздно, когда грань безысходности уже была преодолена. А тогда, в юности, я не нашел в себе сил отнестись к собственному будущему серьезно.

Так, а теперь слушай внимательно. Если у тебя есть ребенок, то у меня есть рекомендация. Когда он научится самостоятельно ходить в туалет и перестанет неконтролируемо падать со шкафов и других высоких предметов мебели, то просто отстань от него.

Не лезь к нему со своим половым воспитанием. Ему все объяснят сверстники, при помощи эротического журнала. Не лезь к нему со своим пониманием того, что необходимо в жизни. Он сам разберется, если ты дашь ему почувствовать то, что от его выбора что-то зависит. Дай ему возможность ошибиться на жизненном пути, тогда он поймет всю серьезность предстоящего выбора. Поддерживай, помогай, но не вмешивайся, когда тебя не просят. И тогда он точно не будет в четыре пятнадцать утра, мучаясь от бессонницы стучать

по клавишам ноутбука, не в силах вспомнить какой сегодня день недели.

«Вот закончишь институт, устроишься на работу и скажешь мне большое спасибо».

Я закончил институт, устроился на работу и рассыпался, едва дожив до тридцати.

СПАСИБО!

—

Накануне я видел по телевизору один интересный сюжет. Кажется, это было в вечернем блоке новостей. Репортаж в места событий ведал о том, что женщина, мать двоих детей, прыгнула из окна восьмого этажа и разбилась насмерть о мостовую. Она была молода, ей было всего двадцать семь. Видеофрагмент сопровождался фотографией, на которой улыбающаяся девушка с озорным огоньком в глазах смотрела на зрителей с экранов телевизора.

Далее журналисты взяли интервью у супруга погибшей. Это был обычный мужчина средних лет. На момент интервью он еще пребывал в шоковом состоянии и был не способен ясно выражаться. Он неразборчиво выплевывал в микрофон фразы, в которых не было смысла: «Она ничего не говорила... Никаких поводов... Не знаю, что случилось».

А мне вдруг подумалось о том, как это происходит. Где люди берут силы для того, чтобы разорвать путы бытия таким образом? Или же это вовсе не осознанное желание и люди всегда уходят в состоянии подобном моему приступу? А

что если это был просто моментальный порыв, о котором она бы теперь сожалела, если могла?

Да, думаю не всегда, и далеко не все перед решительным шагом задумываются о серьезности подобного поступка. Пару лет назад в моем городе пятнадцатилетняя девочка покончила с собой из-за мальчика. Серьезно. Она так и написала в социальной сети: «Я люблю лешу».

Полагаю, ее убила не любовь к некому Алексею. Ее убил тот самый пост в сети и юношеский максимализм. Убило то, что она озвучила свои намерения вслух. Подросток так устроен, что всегда боится пойти на попятную. Он настолько дорожит каким-то мифическим положением в подростковой иерархии, что боится отказаться от своих слов. И тут ничего не сделаешь. Пока существуют подростки с их максимализмом и упорством, такие случаи будут происходить. Мы не можем запретить им две вещи: влюбляться и быть идиотами.

Но не всегда этот поступок вызван юношеским максимализмом, иногда люди просто не дают себе времени, чтобы найти выход из ситуации. Недавно в лесополосе неподалеку от города нашли висельника. Это был мужчина тридцати двух лет. Он повесился сидя, представляешь?! Этот мужчина не смог найти достаточно высокое дерево и использовал ветку орешника. При нем нашли записку, в которой он дрожащей рукой начеркал пару фраз. Мужчина просил прощения у матери и сообщил, что повесился из-за карточного долга.

Вот он просто поддался этому импульсу и не дал себе ни-

чего обдумать. Как я понял? Мужчина повесился сидя в сыром осеннем лесу, одетый в домашний халат. Значит, он не продумывал месяцами этот день. У него не было плана. Он просто пришел в лес и ушел из жизни.

И вот смотрел я на фото этой милой девушки, которой было двадцать семь лет и мне не хотелось думать, что ее убила неразделенная любовь или долги. Мне хотелось полагать, что у нее случился приступ, примерно такой, что все чаще переживаю я.

При ней не нашли записки и несмотря на то, что тело в видеоролике было закрыто мозаикой, отчетливо были видны домашние тапочки в форме заек, что слетели с девушки в момент падения и просто лежали на мостовой. Посему я думаю, что она не могла сделать этого сама, ее убил голос в голове. Это был ее голос, но он пришел извне, и она просто не смогла ему противиться.

Да, скорее всего, она мучилась приступами несколько дольше, чем я. Ведь я сам вижу, что чем больше времени проходит с момента самого первого приступа, тем чаще мое сознание теряет контроль над телом.

Когда она прыгнула, оба ее ребенка были дома. И это частично подтверждает мою теорию. Ведь даже самая плохая мать неспособна оставить своих детей в опасности. А судя по всему, эта улыбчивая женщина не была плохой матерью, просто приступы у нее были уже куда более сильными, чем сейчас испытываю я, а, соответственно, и память ее работа-

ла еще хуже. Скорее всего, она просто забыла, что у нее есть дети, забыла, что есть в этом мире хоть кто-то, кто ей дорог. А затем голос в голове нашептал ей нужные слова и все случилось.

—

Я снова был в отключке. Не знаю что произошло, помню только, что перед этим я снова поругался с женой. Она вышла из себя из-за какого-то пустяка, а потом орала на меня до тех пор, пока сын не выдержал и не начал плакать, требуя от мамы, чтобы та перестала кричать.

А затем провал, и неизвестно как я оказался на занесенном снегом перроне незнакомой мне железнодорожной станции. Темно. Только два фонаря неярко освещают девственно-чистый снег под собой. Удивленный, я бросаю взгляд вправо и вижу уходящую вдаль пригородную электричку. Скорее всего, именно на ней я сюда и приехал. Не уверен. Тем временем, быстро набрав ход, поезд покинул освещенный фонарями участок полотна, и лишь удаляющиеся огни его окон еще какое-то время были видны вдалеке.

И вместе с тем как вдалеке стих стук колес и гул электродвигателей, на меня опустилась безмятежная тишина зимней ночи, и я осознал вдруг, что в полном одиночестве стою по щиколотку в снегу посреди неизвестной мне железнодорожной станции.

И что же теперь делать, скажи на милость?

Первым делом я взглянул на наручные часы. К счастью,

привычка всегда при выходе из дома одевать этот аксессуар не подвела меня даже в приступе. Стрелки часов показывали 19:61. Что ж теперь я хотя бы знал точное время, уже хоть какая-то информация. Дату мои часы не показывали, так что этот вопрос пока оставался открытым.

Далее я решил выяснить свое местоположение при помощи трекера в телефоне. Но почему-то телефона при мне не оказалось. Выбросил ли я его где-то по дороге или он остался дома, я не знал. Главное в том, что теперь я не мог узнать, где точно я нахожусь, не мог позвонить кому-то из знакомых, и, наконец, не мог банально вызвать экстренные службы.

Как раз в тот момент я почувствовал, что мои ноги начали понемногу стыть в снегу и только теперь начал понимать всю серьезность своего положения. Я без средств связи оказался в неизвестном мне месте, где судя по уровню снега на перроне, никого, кроме меня, давным-давно не было, а на мир вокруг тем временем быстро опускается морозная зимняя ночь.

Что ж, если мой разум хотел меня убить, то лучше бы уж просто вытолкнул из окна.

Я рефлексивным движением попытался стряхнуть снежную пыль с плеча и, с удивлением заметил лямку рюкзака, что висел у меня за спиной. Я не помнил, как и зачем его собирал, но вдруг там найдется что-то полезное. Я торопливо снял со спины нетяжелую сумку и, расположившись прямо на заснеженной платформе, начал рыться в его внутрен-

НОСТЯХ.

Я додумался взять с собой ноутбук без зарядки, небольшой налобный фонарик, зубную пасту, два почерневших банана и игрушечную машинку моего сына. Весьма странный набор.

И вот я сидел на корточках подле своей разверстой сумки, твердо осознавая, что мне скорее всего конец, и неожиданно рассмеялся в голос. Мне вдруг стало очень весело в тот момент, когда я представил удивленные лица полицейских, что найдут мое окоченевшее тело и, открыв рюкзак, найдут в нем столь любопытный набор предметов. Это будет один из тех забавных случаев, что пересказывают друг другу во время застолий, а затем, спустя много лет он обрстет кучей подробностей и превратится в дрянной анекдот, что печатают в дешевых сборниках на плохой переработанной бумаге.

Но тут подул холодный ветер, и я почему-то весьма живо осознал, что мою курьезную кончину и нынешний момент моего бытия разделяет ряд неприятных и весьма болезненных часов, на протяжении которых я буду медленно замерзать на этой богом забытой станции.

Стоп! Да что же твориться с моей головой-то?! Ведь если я сюда приехал на электричке, то и обратно смогу вернуться на этом же поезде! Надо только найти расписание. Я выхватил из рюкзака так кстати захваченный мною фонарь и, оставив сумку валяться прямо посреди платформы, спрыгнул на полотно. Затем, перебравшись через рельсы, я взо-

брался на противоположный перрон и с помощью фонарика нашел табличку с названием железнодорожной станции и расписанием прибывающих поездов.

Первым делом я отряхнул снег с верха таблички, где большими буквами было обозначено название станции. И тут меня ждала первая за весь день хорошая новость – название станции было мне знакомым. Если меня снова не подводит память, я сейчас располагался в четырех остановках и двадцати километрах от родного города.

Станция незамысловато именовалась «Дачная» и была построена для сообщения трех дачных поселков с городом. И словно бы для того чтобы никого не обидеть, строители решили возвести ее прямо посреди леса на равном удалении от всех трех дачных угодий.

Что ж пускай я находился на совершенно не востребованной зимой станции, зато я теперь хотя бы знал, где я.

Затем я смахнул снег с расписания поездов, и внимательно изучив его, издал жалобный стон. Последняя электричка в обратном направлении ушла двадцать минут назад, а возобновится железнодорожное сообщение лишь завтра утром. И первая электричка будет здесь только в 7:02.

Так, а что если поехать дальше в изначальном направлении? Кажется, через две остановки будет небольшой город, где хотя бы будет к кому обратиться за помощью. И с этой робкой надеждой я снова пересек полотно и проделал те же манипуляции с табличкой на противоположной платформе.

Робкая надежда умерла во мне в тот момент, когда я понял, что та самая электричка, на которой я прибыл на эту станцию, собственно и была последней. Я закрыл глаза и поднял лицо к небу, позволяя редким снежинкам касаться моего лица, принося освежающую прохладу.

Никого вокруг. До ближайшего городка, думаю, километров десять. Это если напрямик. А напрямик – это не зная дороги через лес по пояс в снегу. И скоро, повинувшись требованиям инстинкта, я все же попробую преодолеть этот путь, ведь невозможно будет просто сидеть на платформе и покорно ждать, пока холод одолеет меня.

Но сейчас чувствовал какое-то странное смирение. Я был отчасти даже доволен тем, что происходит. Ведь теперь никто не позвонит и не попросит меня что-то сделать, никто не будет тиранить меня по поводу вечной нехватки денег, и больше не придется каждый день заниматься той ненужной ерундой, за которую мне платят зарплату.

Завтра меня еще не хватятся. Жена подумает, что я пошел на работу не заходя домой, а на работе подумают, что я остался дома с женой. Лишь спустя два дня кто-нибудь задумается о том, куда же я пропал, почему вдруг осмелился перестать отдавать свой вечный долг.

Первым, скорее всего, забеспокоится сыночек.

И тут я резко пришел в себя и открыл глаза. Сынок, любимый мой, я не могу с тобой так поступить! У папы прохудилась голова, но если он хоть в чем-то еще уверен, так это

в том, насколько сильно он тебя любит. Я должен тебя еще раз увидеть и должен тебе еще хоть что-то сказать. А значит, мне надо как выбираться отсюда.

И у меня в голове появился немного своеобразный план спасения. Я решил найти ночлег. Раз я не могу уехать, то надо найти способ переждать эту ночь, чтобы утром в семь утра уехать домой на первой электричке. И кров я попытаюсь найти в одном из близлежащих дачных поселков. Не бог весть что, но лучшего моя дырявая голова родить была не способна. Посему я подхватил свой рюкзак, что уже был немного припорошен снегом, и быстрым шагом направился к намеченной цели.

Далее, около получаса, я, утопая в снегу, безрезультатно плутал по лесу, покуда луч фонарика, наконец, не выхватил из темноты высокий деревянный забор. Это значило, что я, наконец, набрел на одно из тех дачных сообществ, что окружали станцию. Люди здесь не показывались с самой осени, что подтверждалось хотя бы тем, что на подходах к поселку не было наезженной дороги или хотя бы хоженной тропы.

Я осветил фонариком покосившийся дом, расположенный за ближайшим забором. Но на его покатой крыше не нашлось печной трубы, а значит, мне он не подходил. И я, уже не чувствуя ног от холода, побрел дальше вдоль череды разномастных заборов. Следующие два дачных домика так же не имели труб и в целом не выглядели как место, в котором можно было бы переждать холодную зимнюю ночь. Более то-

го, проходя мимо одного из них, я провалился в какую-то полость в снегу и подвернул ногу. Отчего дальше я с трудом ковылял, опираясь на заборы и часто отдыхая.

И уже в самом конце линии я все-таки обнаружил неказистый домик, над которым возвышалась выложенная из красного кирпича печная труба. Наконец-то!

Я сразу определил для себя, что нельзя будет выбивать окно, ибо дом и так не выглядел теплым, и дополнительно портить его теплоизоляцию не стоило. К счастью, входная дверь оказалась закрыта лишь на небольшой навесной замок, который удалось сбить пятью ударами какой-то деревяшки, найденной здесь же в снегу.

Теперь благополучный исход виделся мне вполне допустимым. Однако сразу согреться не получилось. Еще минут двадцать у меня ушло на то, чтобы, стуча зубами на морозе, раскопать дрова, аккуратно сложенные в поленницу возле дома. К тому моменту у меня уже начало жечь нос и щеки, а поврежденная нога так замерзла, что перестала болеть.

На мою удачу мне удалось довольно быстро растопить печь. Правда, стоит признаться, сначала я по незнанию забыл открыть дымоход и напустил внутрь дыма, но я быстро понял свою ошибку и сделал все как надо.

Оттаяв и, наконец, почувствовав пальцы на ногах, я вдруг осознал, что очень голоден. И, поставив заполненную снегом эмалированную кастрюлю на огонь, я решил пройтись по дому в поисках съестного.

В старом советском серванте, подле фотографии того писателя, что писал про старика и море, я обнаружил пачку макарон, полкоробки шоколадных конфет и упаковку чая. Макароны были в запечатанном пакете, а значит, их можно было есть без опаски. Шоколад на конфетах побелел и от мороза они затвердели, но при всем этом они все еще были вкусными. Чай слипся комочками, но все же заваривался, пускай и имел явный привкус земли. Так что из прихваченных в припадке бананов и найденных на месте припасов я сумел приготовить вполне себе полноценный ужин.

И насытив свою утробу, я решил достать ноутбук и поделиться с тобой всем тем, что мне довелось сегодня мне пережить. Да, прямо сейчас я нахожусь на чье-то даче и радуюсь хотя бы тому, что мне удалось сегодня выжить. Завтра с первой электричкой я вернусь к своему сыну и проведу с ним столько времени, сколько он сам посчитает нужным. Плевать на все остальное.

Главное, чтобы завтра не случился еще один приступ. Они становятся все глубже, продолжительнее и фатальнее. Наверно мне уже стоит смириться с тем, что совсем скоро я полностью утрачу над собой контроль. Посему следует быть готовым к тому, что завтра состоится, возможно, последняя моя осмысленная встреча с моим ребенком.

Совсем скоро сядет ноутбук, но надеюсь, что мне хватит заряда, чтобы сказать тебе кое-что важное. Знаешь, я вс

Весь следующий день я, как и планировал, провел со своим сыном. На первой электричке, что отправлялась со станции «Дачная» в 7:02 я вернулся в город, и, забрав сына из детского сада, целый день водил его по кафешкам и развлекательным центрам. И знаешь, я считаю, что это был лучший день в моей жизни. Я провел его с единственным на всем белом свете человеком, которому действительно нравилось проводить со мной время, а мне было хорошо просто потому, что он был рядом и никто нам не мешал.

А ночью, зная, что все равно не смогу уснуть я просматривал наши семейные фотоальбомы. Мне было больно осознавать, что обстоятельства, стоящие за определенными фотокарточками, я не в силах был вспомнить. Вот фотография, на которой я стоял рядом с каким-то молодым человеком, и мы показывали «класс» фотографу. Я не помнил кто он. Возможно это мой близкий друг? Или, наоборот, какая-то известная персона, с которой мне повезло сфотографироваться? Я не помнил этого человека, поэтому не мог верно оценить ценность данной фотографии. Ведь фотографии сохраняли в себе лишь сиюминутное состояние людей. Они обладали той магической силой, что вызывала в нас определенный эмоциональный отклик, наделяла смыслом эти обрывки глянцевого бумаги уже наша память, а на мою память уже какое-то время нельзя было полагаться.

Вот на фотографии запечатлены мы с женой. Оба мы счастливы, я обнимаю жену за талию, а она одной рукой опи-

рается на мое плечо, а другой обнимает свой округлившийся живот. Умом я понимаю, что это чуть ли не единственное доказательство того, что когда-то мы были с ней счастливы. Я даже испытываю некую глупую зависть по отношению к тому молодому человеку, чья любимая жена находится на последних месяцах беременности и совсем скоро в их семье случится пополнение. Но я не помню когда, где и кем было сделано это фото. Оно существует само по себе, словно бы на фотографии был запечатлен не я, а мой брат-близнец, чье место в мире я сейчас совершенно необоснованно занимал.

—

На следующее утро, едва я успел сесть за свое рабочее место, ко мне подошла Надежда и попросила пройти в ее кабинет. Она не была зла, не выглядела расстроенной, скорее просто была настроена поговорить.

На ней снова был строгий брючный костюм и туфли на шпильке. Свои длинные черные волосы она убрала в конский хвост, и, следуя за ней по коридору, я заметил небольшую татуировку на шее. Ее было плохо видно из-за ворота жакета и волос, но, кажется, это был Уроборос.

Наконец мы дошли до двери, на которой была приклеена табличка: «Надежда Симидзу, руководитель аналитического отдела». Начальница открыла дверь и пустила меня в кабинет, после чего зашла сама.

Ее кабинет чем-то напоминал ее саму. Выглядел он очень по-японски – сдержано, функционально и при этом с некими

намеками на дань традициям. Но при этом на одной из стен висела огромная репродукция картины Поленова «Золотая осень», что резко диссонировало с остальными элементами интерьера.

Такой же была и хозяйка этого кабинета. Надежда всегда была одна, всегда была сама по себе. Она была настолько сдержанной и скрытной, что никто и никогда не мог с уверенностью сказать, что у нее на душе. Но при этом, на общих посиделках она нередко сильно напивалась и вела себя откровенно развязно. В ней смешались две культуры, причем смешались так, что ни одна из них не могла быть ясно выражена, что мучило Надежду, не давая ей найти единение с самой собой.

Когда мы зашли в кабинет, Надежда резким жестом указала мне на стул, стоявший напротив ее стола, а сама подошла к своему креслу и неожиданно скинула с себя свои шикарные туфли.

– Ты не представляешь, насколько в них неудобно ходить, – скорее сама себе сказала Надежда. – Кофе?

– Да пожалуйста. – Я был несколько удивлен ее радушием, и не стал отказываться.

И пока она колдовала над кофемашиной, я попытался разглядеть татуировку на ее шее, и тут вдруг осознал, что никакой татуировки там нет. Неужели мне померещилось?

– Тебя два дня не было на работе, и я не могла тебе дозвониться. Что-то случилось? – сказала Надежда, передавая

мне чашку ароматного кофе.

– Накануне я поехал на дачу, проверить как там дела, и застрял там.

– Ты поехал туда посреди зимы? – Я сидел на кресле, Надежда подала мне кружку кофе и начала бесцельно прохаживаться по своему кабинету.

– Да, почему бы и нет?

– Странно.

– Как есть.

– Слушай. Если ты на собеседование ездил, то так и скажи. Я ведь тебя понимаю, как никто другой. После всех этих урезаний и сокращений я и сама бы с радостью ушла, да некуда, – она ухмыльнулась.

– Нет, я не был на собеседовании. Я очень давно не был на собеседованиях, если честно.

– Почему?

– Бесплезно. Слишком много тех, кто ищет работу и слишком мало тех, кто ее дает.

Надежда остановилась посреди комнаты и посмотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд был настолько острым, что я невольно отвел глаза.

– Как ты вообще? – вдруг спросила она.

– Нормально, – выдавил я из себя.

– А на самом деле?

– Тебе, правда, интересно?

– Ну, я ведь спрашиваю, – улынулась она, делая шаг в

мою сторону.

– Все, правда, нормально.

– Да? Все настолько нормально, что ты в последнем своем акте написал свою фамилию с двумя ошибками? Или вот, например, твоя подпись, датированная тридцать первым ноября. Мне это не кажется нормальным. Что с тобой? Скажи мне.

– Знаешь, проблема в том, что я очень мало сплю. – Вдруг выпалил я. – Это длится уже несколько месяцев кряду. Ложусь я нормально, но через полчаса я просыпаюсь и больше этой ночью не могу уснуть как бы я того не хотел.

– Это очень серьезно, – участливо смотря на меня, сказала Надежда. – А твоя жена знает о твоей проблеме?

– Знает, но, кажется, ей все равно и скоро меня ждет развод, – вдруг признался я, стараясь не смотреть на Надежду. – Мы уже какое-то время живем с ней порознь и практически не общаемся. Не знаю, как так получилось, но все просто как-то разом разрушилось. У меня больше нет семьи, больше нет нормальной работы, я не могу спать, и, кажется, теряю память...

И тут я, наконец, замолчал, оборвав себя на полуслове. А Надежда, обняв себя за плечи, стояла посреди комнаты и внимательно смотрела на меня.

Тут она подошла к своему столу, оторвала стикер, что-то на нем написала и передала мне эту бумажку. Там был номер телефона и подпись «Надя». Согласно своему душевно-

му дуализму, Надежда не любила официоза и не приветствовала обращение к себе по имени-отчеству, одновременно с этим никто не обращался к ней «Надя», она это всегда пресекала.

– Это мой личный номер, и я... Просто позвони, когда сможешь.

С этими словами она кончиками пальцев коснулась моей руки, но тут же отдернула руку, словно бы она только что прикоснулась к чему-то нестерпимо горячему. И, словно бы пожалев о том, что только сделала, она поспешила к своему креслу и, стараясь не смотреть на меня, снова одела свои неудобные туфли.

–

Сегодня, придя с работы, я не смог открыть входную дверь своей квартиры. Я так и не понял, как такое вообще могло произойти. У меня, конечно, заметно тряслись руки, но я еще был вполне способен попасть ключом в замочную скважину. Проблема была в том, что у меня словно бы были ключи от другой двери. Самым странным было то, что замки на двери словно бы поменялись местами. Раньше ключ-бабочка подходил к верхнему замку, а нижний запирался на английский ключ, теперь же все вдруг стало наоборот. Я так и не смог найти решение этой проблемы. И решил немного прогуляться, пока жена не вернется с работы и приведет с собой сына.

На улице было очень холодно. На темном ясном небе си-

ляли многочисленные звезды, а на горизонте висела большая, практически полная луна. Уже через пару дней будет полнолуние, но пока она ярко освещала улицы без маленького куточка, который будто кто-то откусил.

И следующие пару часов я бесцельно бродил по пустым улицам города. Два раза, для того чтобы согреться, я заходил в маленькие забегаловки. В одной я подкрепился разогретым в микроволновке чебуреком и горячим кофе. А второй раз я случайно зашел в какое-то модное заведение, где съел какой-то салат из картона и выпил чай с какими-то палками, кажется, это был укроп. Не вкусно, зато я согрелся.

Затем ноги завели меня в промзону. Я шел мимо высоких железобетонных заборов, ограждавших несколько заводов разной тематики. Когда-то давно здесь работало огромное количество людей, но к началу девяностых большинство предприятий были заброшены. Затем некоторые из них были кем-то выкуплены и приведены в порядок, но большинство так и остались стоять невостребованными, медленно разрушаясь под гнетом времени.

И вот я шел мимо одного такого предприятия, что оказалось неудобно рынку. Забор местами обрушился, и я мог видеть сквозь дыры в нем здания цехов, в которых когда-то кипела жизнь. Но сейчас все стекла в зданиях корпусов были выбиты, ворота всех цехов либо были открыты настежь, а сами здания под действием температуры и влаги приходили в негодность.

И тут одно строение на территории предприятия привлекло мое внимание. Это была довольно-таки высокая конструкция, на глаз метров тридцать высотой. Что-то вроде металлической бочки, закрепленной на высокой башне. От нее вниз под углом уходила галерея, что спускалась в башню поменьше.

Все это давно поржавело. И если башня еще относительно сохранилась, то от обшивки колонн, поддерживающих этот сосуд, уже отваливались листы металла, и сквозь дыры виднелись элементы ржавых ферм. Наклонная галерея от времени абсолютно разрушилась. Механизм, перемещавший что-то по галерее, полностью отгнил и упал на землю, валяясь теперь бесформенной кучей покореженного металла.

Что же так привлекло меня в этой постройке? Дело в том, что на крыше резервуара, съедаемого временем, была расположена современная аппаратура для сотовой связи. Да, прямо поверх ржавой крыши кто-то установил дополнительную вышку, что, сейчас в темноте, ярко горела красными огоньками. Удивительно диссонировали, грозящее в любой момент обрушится строение и современное устройство на ее крышке.

Мы с этой постройкой были чем-то похожи. У нас есть задача, которую мы выполняем, но мы словно бы были созданы для чего-то другого. Да мы выполняем некую функцию, но делаем это исключительно по зову долга, медленно приходя в негодность во имя чужой цели. Внутри нас скрыты

огромные силы, но они остались не востребованы этим миром, и нам остается только смиренно ждать, пока время не возьмет свое.

Эх, до чего же я докатился? Сравниваю себя со ржавым резервуаром на заброшенном заводе. Чудесно!

Окончательно замерзнув, я, наконец, выбрался из промзоны и сел на первый же подошедший автобус. К моему счастью, я приехал домой как раз в тот момент, когда жена и сын вернулись домой.

Впереди меня ждали невкусный ужин, порция упреков и бессонница.

—

Сегодня произошло кое-что прият

—

Чертовщина! Я не знаю, что вчера произошло, и чем хорошим я с тобой поделился! Пять минут назад я сел за ноутбук и из-за того, что мои руки не слишком хорошо меня слушаются, неловко провел пальцами по тачпаду и нечаянно удалил практически все, что вчера написал!

Я запаниковал и поторопился вернуть все то, что столь неловко стер, но вместо этого как-то неловко дернул плечом и столкнул ноутбук со стола, отчего тот, упав на пол напрочь завис. И когда я сумел восстановить его работоспособность, то в качестве памяти о вчерашнем дне у меня осталась лишь одна неполная фраза.

Как же жаль, что я не могу вспомнить вчерашний день

самостоятельно. В голове вообще ничего не осталось. Я стараюсь зацепиться хоть за что-то, но вся моя память — это словно воспоминания о недавнем сне. Проснувшись, ты помнишь все в деталях, к обеду ты можешь вспомнить лишь некоторые черты сновидения, а к вечеру с тобой остаются лишь неявные ассоциации и следы тех чувств, что пробудил в тебе сон.

Обращаясь ко вчерашнему дню, я не вижу образов, я могу лишь попытаться вернуться в то душевное состояние, с которым ассоциируется мой вчерашний день. И судя по оставшемуся мне огрызку фразы и тому, что от вчерашнего дня мне достались отголоски чувств скорее похожих на некий эмоциональный подъем, вчера я сумел увидеть в своем положении что-то хорошее. Но, кажется, теперь я никогда не узнаю, что же вчера случилось.

Пожалуй, о том, что же там было зафиксировано черными буквами на белом листе мне можешь рассказать только ты. Причем не тот ты, что существует сейчас, а тот ты, что существовал со вчерашнего вечера и до сегодняшнего дня. Только ты способен вернуться на пять минут назад и узнать, чем же так выделился вчерашний день, ибо ты всемогущ. Хотя бы, потому что тебя нет. Ведь хоть ты и существовал всегда, но именно я сейчас обратил тебя в определенную форму и теперь обращаюсь к тебе.

Существуешь ли ты вообще за пределами этих строк? Что если весь тот мир, который ты полагаешь своей реальностью,

не существует и служит лишь необходимым фоном для того, чтобы ты сейчас взирал на эти строки? Ведь вся твоя прожитая жизнь перестает существовать в тот момент, когда понятие «сейчас» начинает относиться к новому промежутку времени. Память неосязаема, индивидуальна и не имеет доказательной базы. А будущее и вовсе не существует, поскольку тебя в нем еще нет и неизвестно в какой форме и зачем тебе предстоит существовать уже в следующее мгновение. Сейчас тебе необходимо перерабатывать буквы в слова, а слова в образы. А уже совсем скоро тебе потребуются сделать что-то другое, и это будешь уже не совсем тот ты, кем ты сейчас являешься. Нынешнего тебя создал я. Того, кто сейчас отнимет взор от текста, создал уже кто-то другой.

Выбирая кем быть и что делать, ты волен изменять самого себя и реальность вокруг, так воспользуйся своей силой и создай для меня вчерашний день, в котором произошло что-то хорошее. Умоляю тебя!

—

Кажется, я убил свою кошку.

Мы с ней всегда друг друга недолюбливали. Это началось с тех самых пор, когда она только появилась в моем доме. Вообще, благодаря тяжелому характеру, это животное сложно было назвать домашним любимцем. Обладая крайне своевольным нравом, она выбрала себе хозяина в лице жены, а всех остальных просто великодушно терпела на своей территории. Правда иногда чаша ее терпения переполнялась, и

тогда кошка нападала на того, кто стоял к ней ближе всего. Нападала она безжалостно, царапаясь и кусаясь со всей своей животной яростью.

Она появилась в нашей семье пятсемьв лет назад, кажется, это был февраль. В один прекрасный день жена притащила с работы коробку из-под обуви. А в этой коробке сидело маленькое, замерзшее существо и жалобно пищало. Ну, кто сможет пройти мимо? Вот и моя жена не смогла.

Первые недели маленький котенок был ласковым и игривым. Она быстро приучилась к лотку и привыкла мило спать на пуфике рядом с окном. Но вскоре она уже всю царапала мебель, ела провода, громко мяукала в три утра на балконную дверь и вероломно нападала на пятки ничего не подозревающего человека, что по своим делам просто проходил мимо.

Жену это не касалось. Она никогда не нападала на ту, что привела ее в наш дом. Когда ее ненависть ко всему окружающему немного утихала, она даже позволяла себя погладить. Но только жена удостаивалась такой привилегии, больше никто не смел, касаться ее высочества.

И сегодня случилось то, чего я боялся. Дочка спокойно игралась с пирамидкой... Погоди, у меня ведь сын. Да, верно. Мой сын спокойно игрался с пирамидкой, когда в комнату галопом прискакала кошка и налетела на ребенка, царапая и кусая.

Я снова ощутил тот самый гнев, что чуть не привел к тра-

гедии в автобусе. Каюсь, я готов был буквально разорвать это мерзкое животное на мелкие куски. Хотел раздавить ей голову голыми руками. Но кошка, благоразумно где-то спряталась и я не смог ее найти.

И вот, пятнадцать минут назад я стоял на кухне и попивал кофеек, глядя в окно. Прекрасный пейзаж. Окна квартиры, расположенной в благоустроенном, ухоженном и вообще прекрасном жилищном комплексе неминуемо на... парковку и еще один точно такой же дом.

Наши дома – это идеальные двадцатиэтажные улы. Четыре высотных бетонных монстра выросли на месте лесополосы воснесколько лет назад. Вновь выстроенные дома резко диссонировали с окружающим миром, ведь через улицу от них располагался квартал старых четырехэтажных домов, что был возведен в середине двадцатого века.

У этих домов уже была своя история, в них сменилось уже как минимум три поколения. Высокие потолки, большая гостиная и старые пластинки производства фирмы «Мелодия» в кладовой. Жители этих домов знали друг друга по именам. И когда кто-то новый селился по соседству, соседи знакомились с вновь прибывшими, подкараулив тех на лестничной клетке.

У нас же вместо всего этого был дом на пятьсот квартир. Низкий потолок. А соседей было настолько много, что запомнить их всех было просто невозможно. И вот ты ехал в лифте с десятком незнакомых лиц, и каждое утро казалось,

что это новые люди. И в любой день куча машин стояли в бесконечной пробке на выезде из двора. И все мы друг друга привычно ненавидели. Без причины, просто для того чтобы кого-то ненавидеть.

И знаешь, что здесь самое удивительное? Что именно мы, те люди, что жили в убогой высотке, те, что начинали свой день с ненависти к окружающим и не знали в лицо людей, что живут по соседству, почему-то считали себя лучше и выше тех, кто предпочел всему этому уют старых домов.

Я бы с радостью выбрал квартиру в "старинном" квартале. Но я бы просто не потянул высокие проценты по ипотеке на вторичное жилье и полноценный ремонт. Поэтому я вынужден был взять себе квартиру с ремонтом в новом доме. Жилой комплекс «Новая заря». У того, кто это придумал то ли плохо с фантазией, то ли хорошо с иронией.

И вот стою я посреди кухни, интерьер которой я не выбирал. Пью кофе, которое горчит. И смотрю в окно, из которого видно только соседний дом и парковку под окном. В доме напротив постепенно загораются огоньки, и с каждой минутой их становится все больше. На парковку начинают заезжать машины, которых тоже становится все больше. И вот, несмотря на стеклопакет, я уже слышу, как кто-то первым жмет на сигнал, не поделив дорогу.

И тут я замечаю, что не я один созерцаю столь «прекрасный» вечерний пейзаж. Наша кошка выбралась на подоконник с внешней стороны подышать морозным воздухом. Она

сидит и с любопытством смотрит на улицу. Легкий зимний ветерок волнует ее шубку. Она жадно принюхивается к каждому движению воздуха, впитывая аромат выхлопных газов.

Я решительно подхожу к окну и со всего маха бью по стеклу ладонью. Кошка пугается, подскакивает и, не сумев сохранить равновесие, срывается с подоконника вниз. Я ничего не делаю, просто возвращаюсь на прежнее место и допиваю свой кофе. Я даже не смотрю вниз, ничто внутри меня не протестует.

Возможно это месть. Но люди, вершащие самосуд, испытывают облегчение, добившись цели, а затем их ждут долгие годы мук совести и сомнений. Мной же ничего не двигало. Ярость не затмевала разум в момент поступка. Я просто сделал определенное действие и вообще не рефлексировал по этому поводу.

И это тревожит меня. Я ведь человек, я должен что-то чувствовать. Но нет, внутри меня пусто.

Я не знаю, найдется ли вообще оправдание тому, что я сделал. Возможно, высокообразованный доктор психологии сейчас поправит пенсне и, причмокнув губами, скажет, что этот феномен уже описан сто лет назад.

Но от этого не становится легче, становится только хуже и запутаннее. Я вообще не хотел писать здесь про случай с кошкой. Это бесчеловечно и не имеет оправданий. Но я почему-то считаю, что могу тебе довериться, и моя исповедь не будет полной, если я умолчу об этом инциденте.

—

Сегодня я понял, почему недавно не смог попасть домой, и почему замки в моей двери словно бы поменялись местами.

Все просто – это была не моя дверь! Я перепутал подъезд! Сегодня я пришел по правильному адресу, поднялся на правильный этаж и попытался открыть вроде бы правильную дверь. Я сразу обратил внимание на то, что замки снова поменялись местами, но все равно попытался ее открыть.

Я долго возился с личинкой пытаясь вогнать в нее ранее идеально подходящий ключ, как тут вдруг дверь открылась и с порога на меня удивленно уставилась пожилая соседка, что жила в соседнем подъезде.

От полного фиаско меня спасло то, что свет на лестничной клетке не горел, и я сумел объяснить тем, что заболтался по телефону и не обратил внимания на то, что немного промахнулся подъездом.

Благо мы с соседкой знали друг друга в лицо. Она не стала поднимать шум, а я практически мгновенно сообразил, в чем был мой промах. Посему все сошло гладко. Старушка лишь посетовала на то, что наше поколение абсолютно не умеет жить без гаджетов и рассказала мне длинную историю о том, что ее внуку недавно тоже купили телефон и из-за этого он теперь частенько пропускает занятия скрипкой. После чего я был отпущен с миром.

Да я соврал, чтобы выкрутиться. Но знаешь, правда во

всей этой ситуации куда страшнее лжи. Ведь любой может отвлечься, заработать, заговориться и правда перепутать подъезд. Такое редко, но бывает. Проблема в том, что я целенаправленно шел к себе домой, а пришел в соседний подъезд.

Я уселся на лавку возле соседского подъезда и протер лицо снегом, тщетно пытаюсь заставить свою голову, наконец, начать работать нормально.

Знаешь, по городу часто расклеивают листовки с фотографиями пропавших без вести людей. В приметах нередко указывают: «Может быть дезориентирован».

Я всегда думал, что в таком состоянии человек просто стоит посреди улицы и не может понять, где находится. Сегодня я, кажется, начал понимать, что это значит на самом деле. Люди знают, где они живут, они уверены, что сейчас они движутся по направлению к дому. Но беда в том, что эта уверенность ложная, и на самом деле они лишь хаотично мечутся в пустоте.

Пока я лишь промахнулся подъездом, но та уверенность, с которой я пытался открыть чужую дверь, сейчас очень меня тревожила. Сегодня я снова смогу проспать не дольше получаса, а уже завтра не смогу вернуться домой.

Я буду идти и идти, зная, что я иду в правильном направлении, но так и не смогу достичь цели. Я знаю, где моя квартира, я знаю, как выглядит мой замечательный сынок, но я не смогу найти к нему дорогу. И самое страшное, что буду

уверен в том, что иду в верном направлении, а на самом деле буду уходить все дальше.

Как же страшно находится на этой грани, ты себе не представляешь. Я готов прямо сейчас расплакаться от бессилия. Я практически не помню свою собственную жизнь и уже не уверен, что все те воспоминания, которые у меня сохранились, принадлежат мне, а не почерпнуты извне. Все чаще происходят приступы, когда моим телом словно бы управляет кто-то другой. А теперь вот я не могу найти дорогу домой, хотя точно уверен в том, где он находится.

Больше всего в жизни я не хочу оказаться на том объявлении, что будет расклеено по городу. На нем будет моя фотография, и эта чертова надпись, значение которой я узнал лишь сегодня: «может быть дезориентирован». И мой сын, прогуливаясь по улице, будет на каждом фонарном столбе видеть папину фотографию и недоумевать, куда же я пропал и почему я его бросил. А сам я в этот момент буду уверенно идти домой, преодолевая километр за километром в тщетной уверенности, что приближаюсь к намеченной цели.

За что мне все это? Неужели я настолько плохой человек, что заслужил это?

—

Вчера я видел один сюжет по телевизору. В местных новостях рассказывали о том, что молодая девуш

Черт возьми!

Сейчас, случайно листая это послание, адресованное пу-

стоте, я понял, что уже рассказывал тебе об этом. Странно, я был уверен, что видел этот сюжет именно вчера. Интересно, о чем еще я тебе рассказывал, но уже успел позабыть.

О нет!

Я рассказывал тебе про этот новостной сюжет уже несколько раз. Хотя каждый раз я описывал увиденное, пребывая в полной уверенности, что видел новостной сюжет накануне вечером. А теперь я вообще не был уверен, что этот сюжет когда-либо существовал и был мною увиден по ТВ.

Я не знаю, что делать! Слезы наворачиваются на глаза. Я словно ребенок, что потерялся в людном месте.

Помоги мне, пожалуйста! Слышишь?! Мне страшно. Я знаю, как меня зовут, но я не уверен, что это мое имя. Я помню своих родственников, помню людей, которых я люблю, но я не уверен в том, что это моя жизнь, что те люди, которых я люблю, на самом деле существуют.

Знаешь, сейчас я сходил в соседнюю комнату и проверил как там мой сын. Я прикоснулся к его маленькой ножке, что торчала из-под одеялка, после чего малыш недовольно заворочал во сне и спрятал ножку в тепле. В тот момент я хотя бы мог быть уверен, что мой малыш существует, знал, что самый дорогой мне человек не является порождением моих приступов.

Но когда я вернулся в свою комнату и сел за ноутбук, то задумался, а мой ли это сын. Что если на самом деле я живу в коммунальной квартире и только что я под покровом ночи

буквально прокрался в комнату к соседям и начал трогать чужого мне ребенка.

Меня смогло успокоить лишь видео на телефоне. На нем я заснял нас с сыном строящих снеговика. Представляешь какого этого, когда для того чтобы убедиться в том, что у тебя есть сын, необходимо посмотреть видео на котором тот замечательный малыш, что сейчас спит в соседней комнате обращается к тебе со словами: «Папа, помоги мне»?

Листая свою исповедь, я дошел до фрагмента, где рассказываю о том, как столкнул кошку с подоконника. Я ничего такого не помнил и, решив, что я почему-то оклеветал себя, решил разыскать животное. Но вместо нашего своевольного питомца я нашел на трюмо в коридоре стопку распечатанных объявлений. В заглавии большими буквами было написано: «Пропала кошка». Чуть ниже была размещена большая фотография нашей кошки, а затем два телефонных номера. Кажется, это были мой номер и телефон моей жены.

Неужели я, после того как своими собственными руками столкнул кошку с подоконника, смог спокойно составить это объявление и пойти расклеивать его по подъездам. Как я вообще мог такое сделать?

Знай, я никогда не был плохим человеком. Не был циничным и жестоким. Если бы я был здоров, то не столкнул бы кошку с подоконника. А если бы я на следующее утро мог вспомнить, что делал накануне, то точно бы не стал цинично печатать листовки с фотографией безвинного животного.

Что бы ни случилось со мной дальше, я хочу, чтобы хотя бы ты знал то, что я не был плохим человеком. Да, я делал странные вещи. Да, я забываю, как выглядит мой сын... Господи, как же тяжело это писать! Ком стоит в горле, я не могу унять дрожь в подбородке. Что же со мной случилось?! Кем я стал?!

Я многое сделал неправильно, и, возможно, я сотворил немало зла, о котором решил не упоминать даже здесь и по-сему забыл о нем. Но я в этом не виноват, слышишь. Я утратил над собой контроль. Я перестал быть человеком в полном смысле этого слова. У меня нет воспоминаний и нередко моим телом, словно бы управляет кто-то другой.

Я просто хочу, чтобы хотя бы ты знал, что я не желаю никому зла!

—

Сегодня день торжества. 31 декабря. Новый год. Жена что-то готовит, сын смотрит мультики и радостно скачет при виде знакомых героев. Я же собираю большой праздничный стол, и когда жена подходит ко мне и просит меня пройтись по магазинам, докупить то, чего не хватило, я соглашаюсь. Кажется, сегодня мы впервые нормально разговариваем за последние пару месяцев. По крайней мере, впервые за долгое время я слышу ее спокойную речь, обращенную напрямую ко мне, а не к нашему сыну.

Я хожу по магазинам часа два и прихожу домой с четырьмя полными пакетами. Все по списку, ничего лишнего.

Жена на кухне что-то нарезает для салата и, увидев меня, как-то неловко прячет взгляд.

– Знаешь, нам давно надо было поговорить, – начинает она, неожиданно ласково.

– Я слушаю.

– Да... Так вот.

Она замирает с ножом в руках. Моя супруга все еще избегает моего взгляда. И не зная, как себя вести и что говорить она лишь глупо улыбается, прикусывая верхнюю губу.

– Я подыскала тут себе квартирку... Недорогую. И мы вот уже готовы съехать, – начала она.

– Зачем?

– Ну, мы ведь оба знаем к чему все идет, верно? Мы уже давно не близки... В общем, я думаю... Да, я прошу у тебя развод.

– У тебя кто-то есть?

– Нет, у меня никого нет, – в этот момент она, наконец, находит силы взглянуть на меня и даже улыбнуться. – Я не уйду от тебя к кому-то другому. Вовсе нет. Просто я... Не знаю, даже... Я просто устала от всего этого. Мы давно не живем как семья, думаю, это плохо сказывается на нашем сыне.

– Да! А как мы поступим с сыном? Думаешь, развод меньше скажется на нем, чем наш разлад?

– Я думаю, что сейчас лучше быть с ним честными, чем мучить и себя, и его. Предлагаю разделить время поровну.

Пускай он живет одну неделю у тебя, одну у меня. По очереди. – Она начинает нервно гладить пальцами рукоять ножа.

– Да, это справедливо.

– Ну, так как? – она снова отводит взгляд. – Предлагаю в конце января пойти подать документы. А съехать я готова уже сразу после праздников.

– Тебе надо будет обустроиваться на новом месте? Делать ремонт или что-то типа того?

– Наверно, не думала об этом.

– Тогда пускай сын поживет до конца января со мной, а потом уже будем чередовать.

– Да, разумно. Все в порядке? Ты так спокойно на это отреагировал, – она пытается заставить себя посмотреть на меня, но не может. В конце концов нож падает из ее рук на пол и она не торопится его поднимать.

– К этому давно все шло. Наверно, даже хорошо, что весь этот разговор случился именно так.

– Да, согласна.

Я киваю и спокойно покидаю кухню.

Не зная толком, как вообще человеку подобает действовать в подобных ситуациях, я беру свой телефон и ноутбук и иду в ванную комнату. Я не чувствовал ненависти в адрес своей жены, ведь я даже не до конца был уверен, что знаю, как ее зовут. Я знал, что когда-то любил ее, но дело было в том, что я именно это знал, а не чувствовал. Она в свою очередь не заметила, как что-то сломалось в моей голове, из че-

го можно сделать вывод о том, что она тоже уже очень давно не обращала на меня внимания.

Наверно так и должно быть в современных семьях. В какой-то момент ты теряешь заработок и не можешь найти выход из сложившихся финансовых трудностей. Затем на фоне бесплотных попыток решить эти проблемы ты теряешь сон, память и координацию. И это, бесспорно, самый удачный момент признать тебя негодным и развестись. Естественный ход вещей, не более.

Теплая вода медленно заполняет ванну. Я прямо в одежде забираюсь в воду и набираю сейчас эти строки, смотря на постепенно запотевающий от пара экран ноутбука.

Как будто бы сам собой в моих руках оказывается телефон, и я почему-то решаюсь все-таки ответить на недавнее предложение и позвонить Надежде. В списке контактов я нахожу ее номер и жму вызов.

Надежда берет трубку после третьего гудка. Сперва я слышу в трубке чей-то дружный смех, затем Надежда словно бы куда-то идет и только теперь я, наконец, слышу ее голос:

– Привет, рада тебя слышать.

– Привет, и я рад, – слегка удивляюсь я ее благосклонности.

– Знаешь, я действительно рада, что ты снова позвонил.

– Снова?

– Ну да. Просто тогда, неделю назад, мы с тобой откровенно пообщались, и мне показалось, что мы рассказали друг

другу немного больше, чем хотели. И я почему-то подумала, что ты после этого решишь прервать наше общение.

– Нет, все в порядке. Просто мне...

– Нужно было время, чтобы прийти в норму. Да, у меня было такое же ощущение. Знаешь, у меня потом было такое странное чувство, будто бы я прошла по центральной улице, прямо в чем мать родила. Как ты сейчас? Смог поспать? Голова болит?

– Голова почти не болит, но я так и не смог поспать, – я абсолютно не понимаю, что происходит.

– Ты сходил к врачу, как я просила?

– Нет, я... Моя жена подает на развод.

– Уф-ф-ф-ф, – Надежда выдерживает долгую паузу, я, кажется, слышу, как где-то вдалеке веселятся люди, сидящие за столом. – Слушай, я сейчас гощу у родителей. Вернусь в город седьмого числа и сразу тебе позвоню. Я помогу тебе, просто дождись меня и помни, о чем мы говорили в прошлый раз.

– Я этого никогда не забуду. С Новым годом и спасибо тебе.

– И тебя с наступающим, ты не представляешь, как я рада, что ты позвонил.

Я нажал на кнопку завершения вызова. При этом телефон выскользнул из моей руки и, издав громкий бульк, погрузился на дно ванны.

Теперь-то я, наконец, понял, что хорошее произошло со

мною, и чем я с тобой поделился. Я позвонил Надежде... Наде, и у нас состоялся откровенный разговор. Вот только Надя помнила его в деталях, а я даже не помнил, как набирал ее номер.

Как я смогу теперь ей в этом признаться? Ведь судя по тому, что она мне только сказала, Надя излила мне всю свою душу, а я не только не смог сохранить в своей дырявой памяти этот день, но и нечаянно стер все те впечатления, что тщетно пытался сохранить.

Как ни в чем не бывало жена кричит мне с кухни: «Включи, пожалуйста, плейку! Пусть греется!». Я выполняю ее просьбу. Теперь я лежу в теплой воде, а на тумбочке рядом с ванной греется плейка, издавая при этом неприятный запах жженных волос.

Конец файла «Дневник.docx»

Приложение к анамнезу №2

Стенограмма беседы пациента (имя скрыто) с лечащим врачом Фромовой В.А.

– Здравствуйте, (имя скрыто).

– Добрый день, Варвара Андреевна. А мы должны вот так официально общаться или можно, как обычно?

– Лучше, как обычно. Это просто хроника для моей научной работы, будет здорово, если мы будем общаться, так как у нас заведено.

– Ну да, а лет через двадцать кто-то зальет это на видео хостинг и миллионы людей будут надо мной потешаться.

– Ты хотел бы прекратить?

– Нет, Варь, я просто так шучу, по крайней мере, пытаюсь.

– Хорошо, приступим. Ты здесь по своей воле?

– Серьезно? Тебе это надо на камеру зафиксировать или что?

– Просто есть определенный порядок...

(пациент смотрит в объектив камеры)

– Меня зовут (имя скрыто), я по собственному желанию прохожу стационарное лечение в данной клинике. На протяжении месяца я пребывал под постоянным наблюдением, ныне же я уже мог бы покинуть больницу, но предпочел продолжить лечение в рамках стационара.

– Кстати, почему ты решил остаться?

– Дело в руке. Она плохо заживает, и я хотел бы быть под постоянным наблюдением врачей. Я еще надеюсь, что смогу полностью восстановиться.

(пациент показывает оператору перебинтованную кисть левой руки)

– Да, а ты не мог бы еще раз рассказать, что случилось?

– Рассказать, что случилось с моей рукой? Да, почему бы и нет. Я так понимаю, что те, кто будет это смотреть, будут в целом в курсе той ситуации, что сложилась вокруг меня?

– Да-да. Лучше начать с самого эпизода.

– Хорошо.

(пациент нервно чешет перебинтованную руку)

– Канун Нового года, тридцать первое декабря. Это был тот день, когда жена сообщила мне о своем намерении подать на развод. Не знаю почему, но я решил, что мне просто необходимо сейчас принять ванну. Я прямо в одежде залез в теплую воду и принялся достаточно подробно фиксировать на своем ноутбуке то, что происходило со мной в тот момент.

И тут жена попросила меня включить плойку для волос, видимо, собиралась сделать себе к празднику красивую прическу. Плойка у нас была довольно старая и ей требовалось много времени для того, чтобы выйти на нужный температурный режим. Посему супруга обычно включала ее и еще какое-то время занималась своими делами.

Так вот, я включил плойку, отложил ноутбук и просто лежал в воде. Кстати, где-то там, в ванной, в этот момент плавал и мой телефон. В общем, я просто лежал и смотрел в потолок, а теплая вода поднималась все выше и выше. Одежда, что была на мне, вскоре промокла и довольно неприятно прилипала к телу. Но мне было плевать.

(пациент делает долгую паузу)

И тут я чувствую, что отделяюсь от этого мира. Вода из крана начинает течь чуть медленнее, а мои конечности в воде теряют чувствительность. Словно бы я лежу не в теплой воде, а замурован в бетон. Я лишился слуха, а заодно и возможности самостоятельно думать. И только одна мысль вертится в голове: «Я хочу, чтобы все закончилось». Это не моя

мысль, но отогнать ее от себя нельзя, она слишком навязчива.

И тут мне на глаза попадается плойка, я смотрю на нее и не могу оторваться. Я соображаю, что это начало приступа. Но в тот момент я уже ничего не контролировал, да уже и не особенно-то и хотел...

Я не уверен, мне надо сейчас описывать сам характер приступов?

– Нет, это вовсе не обязательно.

– Я понял. Так вот, чья-то рука тянется к плойке. И я спрашиваю себя: «Это что, моя рука? Да, это определенно она». То есть я видел свою собственную руку, но мне требовалось, как бы уточнить не принадлежит ли она какому-то другому человеку.

И тут я словно бы попытался вступить в полемику с самим собой. Тот я, что сидит сейчас перед вами, попытался пересилить того я, что появился во время приступа...

Я не знаю, как это объяснить так, чтобы было понятно.

– Ты очень хорошо все объясняешь, продолжай, пожалуйста.

– В общем, я сказал сам себе: «Если это произойдет здесь и сейчас, то близкие увидят мой изувеченный труп. Жена и сын увидят меня мертвым, а я этого не хочу».

И моя собственная рука на секунду замирает, а затем резким движением я хватаю плойку. Очень странно, но это движение каким-то непонятным образом успокоило мое внут-

реннее смятение. Я чувствовал лишь эйфорию. При этом, беря плойку с тумбочки, я почему-то схватился именно за раскалённый конец, и мне было совсем не больно. Я занес прибор над водой. Кстати, только теперь я заметил, что ванна уже давно полна и вода всюду переливается через борта.

Я разжимаю кулак, а плойка не падает. Она прикипела к мясу.

(пациент смотрит на свою руку)

Я несколько раз встряхиваю руку, чтобы она упала, наконец, в воду, но, к счастью, прибор намертво прилип к руке.

И тут кто-то резко хватает меня за руку. Время возвращается свой бег. Вместе с этим возвращается и слух.

– Что ты делаешь? Не надо! – слышу я крик своей жены.

Она выдергивает вилку из розетки, выключает воду и открывает слив. Супруга держит меня за руку, баюкая ее как младенца. Я чувствую сильный запах, запах горелого мяса, и не сразу понимаю, что он исходит от моей руки.

(пациент закашливается)

Простите.

На пороге ванной стоит сын и громко рыдает. Мальчик очень напуган. Он зовет меня. То по имени, то просто в ужасе кричит: «Папа!» Господи, бедный ребенок.

(пациент долго молчит, отвернувшись к окну)

Давай я расскажу вам о чем-нибудь другом, хорошо?

– Да, на этом остановимся. Расскажи, что было потом?

– Потом я сначала попал в ожоговый центр, а затем и сюда,

в психдиспансер.

– И как ты себя сейчас чувствуешь?

– Замечательно. И это не шутка, не сарказм и не преувеличение. Знаешь, когда под действием лекарств я впервые лег спать в десять вечера и проснулся в восемь утра, то это было очень странно.

Я проснулся утром, и перед глазами у меня все плыло, будто бы накануне я крепко выпил. Голова была чугуновой, и меня немного подташнивало, но я был невероятно рад. Я что-то чувствовал, какие-то мысли проплывали в моем сознании, и самое важное было в том, что все это впечатывалось в мою память. Словно бы кто-то, наконец, поставил пленку в диктофон и нажал на запись.

Я помню, что напугал...

(пациент внимательно осматривает людей, стоящих за камерой)

Вон того медбрата, да? Верно. Он зашел в палату, для того чтобы дать мне таблетки, и я помню, что сказал ему, что запомню его.

Глупо, конечно. Эта фраза чаще всего звучит в контексте угрозы, но вкладывал в нее абсолютно иной смысл. Я имел в виду то, что к вечеру не забуду о том, что он вообще существует.

Так что с тех пор, как я смог нормально спать мое состояние начало быстро улучшаться. Память в целом восстановилась, но что касается событий, описанных в моем «днев-

нике», можно лишь догадываться, что из написанного произошло именно так, как я это описал, а что просто плод моей больной фантазии. Мне ведь три раза казалось, что я видел сюжет о покончившей с собой молодой матери буквально накануне вечером.

– Она не покончила с собой.

– Что, прости?

– Следствие показало, что она лишь хотела помыть окна, но неудачно поскользнулась и сорвалась вниз.

– Правда? Я не знал.

(пациент смотрит на потолок)

– (имя скрыто), как сейчас обстоят твои семейные дела?

(пациент делает долгий вдох)

– Нормально. С женой мы с тех пор общались ровно два раза. В первый раз она позвонила сказать мне о том, что съехала с квартиры, и мы договорились оформить развод официально, когда я окончательно выпишусь из больницы. А второй раз мы по телефону условились о том, что пока я прохожу амбулаторное лечение, сын будет гостить у меня по воскресеньям. Кстати, спасибо тебе, что убедила ее в том, что я вовсе не буйный душевнобольной, и мне можно доверить ребенка. Так что теперь с понедельника по пятницу я пребываю в стационаре, а выходные провожу дома.

– А что насчет остальных родственников?

– Они... Кажется, для них я перестал существовать. Не в том смысле, что они обозлились на меня, вовсе нет. Просто

у меня складывается такое впечатление, что они словно бы считают меня заразным. Что мол, если они будут со мной общаться, то тоже станут психами. Я теперь для всего мира в своем роде бракованный. Это неприятно, но я думаю, что со временем это забудется, думаю, все люди в моем положении проходят через это.

– А девушка, которая часто тебя навещает, кто она?

– Надежда. Она мой бывший начальник. Но сюда она, естественно, приходит не как мой начальник.

(пациент замолкает)

– Если ты не хочешь об этом говорить, то мы можем...

– Просто она оказалась единственным человеком, кто заметил, что со мной что-то не так. И единственным, что решила мне помочь. Ни моя жена, ни мама, ни брат не увидели никаких изменений во мне, а девушка с работы увидела.

– Вы сейчас с ней близки с ней.

(пациент кивает и улыбается)

– Да, определенно. Недавно я познакомил ее со своим сыном и стал замечать, что после выходных она «забывает» у меня дома некоторые свои вещи. Полагаю это естественный ход вещей, и я даже рад, что все идет именно так, как идет.

– Мне нравится, как ты улыбаешься, когда речь заходит о Надежде. Вам комфортно вместе?

– Да, определенно. Причем комфортно – очень удачное слово. Между нами нет какой-то необузданной страсти

или сумасшедшей любви, как это было у меня с моей супругой. Но когда в пятницу вечером, будучи дома, я слышу, как она звонит во входную дверь, то я сразу чувствую себя лучше. Более целостным.

Единственная неприятность в том, что я так и не смог вспомнить самый первый наш с ней телефонный разговор. И хотя мы сейчас полностью открыты друг другу, мне кажется, что она где-то в глубине души рада, что этот наш диалог превратился в монолог, и она все-таки сумела сохранить в себе некую тайну.

Скажем так, я знаю, почему она никогда не носит одежду с коротким рукавом, но я словно бы утратил право знать, почему она на самом деле сделала ровно то, что сделала.

– Как ты думаешь, могло ли твое обращение за помощью быть более своевременным?

– Я полагаю, что под конец прошлого года я скорее был куда более близок к смерти, чем к госпитализации. (пауза) Сейчас мне страшно это говорить, но так и есть. Приступы были частыми и сильными, мне буквально очень сильно везло, что я всегда успевал прийти в норму до того, как... ну... до того, как отнять у себя жизнь.

Вместе с тем я умудрился пребывать уже за гранью безумия, и не привлечь к себе внимания. Я подрался в автобусе с мужчиной! Я несколько раз пытался открыть чужую дверь! Да, в конце концов, я декабрьской ночью вышел из последней электрички прямо посреди густого леса. Но всем было

на это решительно плевать.

Знаешь, когда я еще мог трезво дать оценку своим действиям, я еще не видел масштабов надвигающихся проблем и мне не требовалась помощь. А потом я уже не до конца понимал, что со мной происходит. И эта грань, между «у меня все хорошо, просто небольшие проблемы со сном» и «я не помню, является ли ребенок в соседней комнате моим сыном» очень тонка, и ты не замечаешь, как преодолеваешь ее.

Я рад, что остался жив. Рад, что скоро все придет в норму. Счастлив оттого, что нашелся человек, готовый разделить все это со мной. Но знаешь, мой сын никогда не забудет этот Новый год. Моя жена так и не сможет понять, как она допустила подобный исход. А моя семья всегда в глубине души будет считать меня сумасшедшим.

Раньше я очень любил играть на гитаре...

(пациент поглаживает руку)

Но недавно я говорил с врачом, и он нехотя признался, что мои пальцы уже никогда не обретут былую гибкость. Я уже никогда не смогу полноценно заниматься тем, что приносит мне удовольствие.

Моя болезнь не только разрушила мою жизнь до основания, она еще и забрала с собой ту важную часть меня, что и делала меня мной.

Я писал бы стихи о любви и счастье,
Но людям плевать на чужую судьбу.
Боимся влюбляться, устали смеяться,
Нам все эти чувства заменил суррогат.

Весь мир суета, в нем нет вдохновенья,
Работа и дом – всего два направленья.
Нервозы и стресс как гимн поколенья,
Людей, рожденных на стыке веков.

Машина в кредит, квартира и дача.
Мы это представим на страшном суде?
Великий герой из новенькой сказки -
Теперь это тот, кто купит мечту.

У каждого есть своя искорка счастья.
Но множество дел увлекают нас прочь.
А завтра угаснет тот слабенький лучик,
Исчезнут все те, кого ты любил.

Я писал бы стихи о любви и счастье
Но на них, к сожалению, всем наплевать.